

Учредитель – Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

Научно-практический журнал

2017

№ 14

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52489 от 21 января 2013 г.)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42043

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«Текст. Книга. Книгоиздание»

И.А. Айзикова (Томск) – главный редактор
В.Ю. Баль (Томск) – ответственный секретарь
С.В. Березкина (Санкт-Петербург)
О.А. Дашевская (Томск)
В.С. Киселев (Томск)
В.В. Мароши (Новосибирск)
Д.А. Олицкая (Томск)
А.В. Подчиненов (Екатеринбург)
Г.Н. Старикова (Томск)
Е.И. Тулякова (Томск)
К.И. Шарафадина (Санкт-Петербург)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/book/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Дувакина В.Н.</i> Переводы Е.Ф. Корша 1834–1837 гг. на страницах журнала «Библиотека для чтения» (статья вторая)	5
<i>Козлов А.Е.</i> Проспективный потенциал словосочетания «свежие раны» в лейтмотивной структуре романа Н.С. Лескова «На ножах»	31
<i>Гридина Т.А., Кубасов А.В.</i> Игровой текст как форма авторского художественного миромоделирования (статья первая)	46

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

<i>Жиликова Н.В., Нисова М.В.</i> Переиздание культового томского романа «Томские трущобы» Не-Крестовского: возможности печатной и цифровой версий	64
<i>Ромашина Е.Ю.</i> «Забава и польза для детей»: азбука в картинках в учебном книгоиздании России XIX в.	76
<i>Нургалиева А.Ф., Назарова С.Ю., Семириков А.Б.</i> Культура чтения в информационном обществе	100

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

<i>Лавошникова Э.К.</i> Вариативность в грамматике стихотворных текстов и их компьютерная коррекция (на материале антологии «Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до...»)	108
<i>Лизунова И.В.</i> Рецензия на коллективную монографию: «Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.)». Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 416 с. Авторский коллектив: И.А. Айзикова, Т.Л. Воробьева, И.Ф. Гнюсова, В.А. Есипова, Е.В. Ивановская, Т.П. Карташова, Е.А. Макарова	123
<i>Айзикова И.А., Скидан П.Б.</i> Взаимодействие инфографики в электронных и печатных формах учебника по истории для средней школы	132
Сведения об авторах	142
Правила оформления статей	144

CONTENS

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

<i>Duvakina V.N.</i> Translations by Evgeny Korsch in <i>Biblioteka Dlya Chteniya</i> (1834–1837). Part 2	5
<i>Kozlov A.E.</i> Leskov's <i>At Daggers Drawn</i> : prospective semantics of the concept "recent wounds"	31
<i>Gridina T.A., Kubasov A.V.</i> Game text as a form of author's artistic world modeling. Part 1	46

BOOK IN CULTURE

<i>Zhilyakova N.V., Nisova M.V.</i> The reissue of the cult Tomsk novel <i>The Tomsk Slums</i> by Non-Krestovsky: opportunities of print and digital versions	64
<i>Romashina E.Yu.</i> "Fun and use for children": pictorial ABCs in the Russian educational book publishing of the 19th century	76
<i>Nurgaliyeva A.F., Nazarova S.Yu., Semirikov A.B.</i> Culture of reading in an information society	100

BOOK PUBLISHING

<i>Lavoshnikova E.K.</i> Variability in grammar of poetic texts and their computer correction (on the material of the anthology <i>Poetry of Moscow University: from Lomonosov to . . .</i>)	108
<i>Lizunova I.V.</i> Book Review: Ayzikova, I.A. et al. (2014) <i>Knizhnaya kul'tura Tomsk (XIX – nachalo XX v.)</i> [The Book Culture of Tomsk (the 19th – Early 20th Centuries)]. Tomsk: Tomsk State University	123
<i>Ayzikova I.A., Skidan P.B.</i> Interaction of infographics in electronic and printed history textbooks for the secondary school	132
Information about the authors	142
Rules for article submission	144

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 821.161.1'25

DOI: 10.17223/23062061/14/1

В.Н. Дувакина

ПЕРЕВОДЫ Е.Ф. КОРША 1834–1837 гг. НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ» (статья вторая)

Аннотация. *Рассматриваются опубликованные в журнале «Библиотека для чтения» в период 1834–1837 гг. прозаические переводы «промежуточных» жанров Е.Ф. Корша – аналитические, научно-популярные статьи, обзоры, рецензии.*

Ключевые слова: *Е.Ф. Корш, «Библиотека для чтения», перевод, русская и английская периодика XIX в.*

В нашей первой статье, посвященной работе Е.Ф. Корша в журнале «Библиотека для чтения», был представлен впервые составленный нами перечень публикаций 1834–1837 гг., о которых можно с точностью утверждать, что они принадлежат перу Е.Ф. Корша. Из этого перечня в первой статье были рассмотрены переводы художественной прозы, в частности повестей.

Во второй статье рассмотрим прозаические переводы «промежуточных» жанров, выполненные Е.Ф. Коршем и опубликованные в этом же журнале в эти же годы, – аналитические, научно-популярные статьи, обзоры, рецензии. Все эти жанры привлекали Корша, как и многих его современников, и в связи с поиском возможностей расширения предмета изображения в прозе, и с формальной стороны: именно в «промежуточных» жанрах переводной и оригинальной прозы в 1830-е гг. в русской литературе разрабатываются разные типы нарратива. Названные проблемы активно обсуждались и обсуждаются в отечественном литературоведении (об этом см. работы Ю.Н. Тынянова, статьи в сборнике

«Русская проза», вышедшем под редакцией Б.М. Эйхенбаума и Ю.Н. Тынянова в 1926 г., исследования Р.М. Лазарчук, У. Тодда III, А.В. Архиповой, А.С. Янушкевича и др.), однако на материалах творческого наследия Е.Ф. Корша они не ставились.

Перед тем как перейти к разбору аналитических переводных статей, обзоров, рецензий, выполненных Е.Ф. Коршем, стоит привести примечание, которое дано в начале статьи «Гёте в посмертных его сочинениях» и многое поясняет по части характера его переводов в «Библиотеке для чтения»: «Хотя под этою статьею читатели найдут фирму одного Английского журнала, но мы предупреждаем однажды навсегда, во избежание всяких недоразумений, что статей, заимствованных из иностранных журналов, не должно почитать за простые переводы. Б.<ибблиотека> для Ч.<тения> берет из них только главный предмет, иногда лишь некоторые части. Форма этих статей всегда почти принадлежит исключительно Б.<ибблиотеке> для Ч.<тения>, которая многое прибавляет, убавляет, переделывает совершенно, как скоро в заглавии не выставлено имени какого знаменитого автора; часто две, три, четыре статьи из разных повременных изданий сливает она в одну статью, соединяя разнородные ее части своими рассуждениями и сообщая ей совсем другой вид. Б.<ибблиотека> для Ч.<тения> не переводит, а говорит вместе с издателями иностранных журналов о том же предмете, без спросу отвергает их суждения, несогласные с своими понятиями, и без хвастовства заменяет их собственными своими мыслями. Дело идет о пользе и удовольствии благомыслящих читателей <...>. Б.<ибблиотека> для Ч.<тения> не отмечает своих переделок посредством выносок, потому что они слишком многочисленны <...> эта переводная часть есть извлечение всего отличнейшего почти из сорока иностранных журналов; но Б.<ибблиотека> для Ч.<тения> покорнейше просила бы почтенных обожателей всего не-Русского сличить многие из мнимо переводных статей с их подлинниками и сказать, кому принадлежит их форма и занимательность. Б.<ибблиотека> для Ч.<тения>» [1. 1834. Т. 6. Отд. II. С. 65–66].

Одним из первых для журнала Е.Ф. Коршем был переведен очерк «Мистрис Инчбалд, её жизнь и сочинения» [Там же. Т. 2. Отд. 2.

С. 75–80], посвященный английской писательнице, актрисе и литературному критику Елизавете Инчбальд (1753–1821). В конце статьи указано, что материал был взят из журнала «Literary Gazette». Внимание читателей фокусируется на биографии Е. Инчбальд, особенностях характера («Природа наделила её умом проницательным, душою сильною, чувствительностью сокровенною и необычною» [1. 1834. Т. 2. Отд. 2. С. 79]), подробностях её жизни (например, сообщается, что она добилась успеха как актриса, несмотря на речевой недостаток – заметное заикание, что даже прославившись, она продолжала вести скромный образ жизни и предпочитала не выходить в свет и т.д.). Драммы Е. Инчбальд, говорится в очерке, имели большой успех, а роман «Простая история» прославил её. Высокие оценки творчества Инчбальд подтверждаются авторитетным высказыванием писательницы Марии Эджворт: «Мистрис Инчбалд употребляет мало слов, а владеет сильною выразительностью слога: в её таланте есть таинственная сила, смешанная с нежностью, до которой не достигла ни одна из её “соперниц”» [Там же. С. 80].

В следующем томе журнала была опубликована переводная рецензия Е.Ф. Корша [Там же. Т. 3. Отд. 2. С. 23–34], взятая из журнала «Blackwood's Magazine», на только что изданный в Англии роман Э. Бульвера-Литтона «Рейнские пилигримы» как на одно из популярных в современной Англии и других европейских странах, в частности во Франции, произведений. Редакцией журнала «Библиотека для чтения», судя по примечанию, Бульвер-Литтон ставится в ряд литературных гениев, превзошедших себя в романе «Рейнские пилигримы», а рецензия на роман, по мнению редакции, исполнена «превосходных мыслей», которые будут интересны и читателям, и писателям.

В начале статьи ставятся общая типично романтическая проблема соотношения духовного и материального и связанный с этим вопрос об изящном искусстве, которое стало товаром в обществе: «Теперь совсем другое дело: всякий спешит воспользоваться мгновенной прихотью публики, чтобы сделать прибыльный оборот своим умом, пока прихоть не минует» [Там же. С. 25]. Утвер-

ждается, что недостаток оригинальности в современных произведениях делает их похожими на гипсовые слепки. Между тем в статье подчеркивается, что «ещё поэзия не умерла, хотя её изуродовали лавочничеством <...>. Отрадно видеть, что еще от времени до времени мы способны чувствовать и производить истинно прекрасное» [1. 1834. Т. 3. Отд. 2. С. 29]. И далее автор, а вслед за ним и переводчик переходит непосредственно к размышлениям о Бульвере-Литтоне, указывая причину его известности во всем мире, заключающуюся в том, что писатель понял человеческое сердце, которое «у всех нас одно».

Большая часть рецензии, в духе времени, представляет собой пересказ произведения. В интерпретации рецензента оно предстает лишенным событийного начала, ориентированным на изображение внутреннего сюжета повествования, присущего романтическому роману-странствию, роману-мифу. В статье утверждается, что наиболее искусно в «Рейнских пилигримах» показана любовь Тривильяна к больной Гертруде: «...здесь искусство писателя оттеняет самые легкие изгибы сердца, самые тонкие намеки ума, является в полном блеске» [Там же]. В конце статьи Е.Ф. Корш приводит свой перевод последней главы романа, который, по словам И.А. Матвеенко, «давал, естественно, слабое представление о романе в целом, хотя и содержал ряд удачных находок переводчика». В частности, исследователем подчеркивается, что «Корш отозвался на попытку Бульвера создать психологический роман и представить конфликт идеала и действительности как стержень романтического произведения» [2. С. 14–15].

Любопытно сравнить переводную рецензию Е.Ф. Корша со статьей В.Г. Белинского «Рейнские пилигримы» о романе Бульвера, появившейся в газете-приложении к журналу «Телескоп» – «Молва» в 1835 г. Белинский совсем иначе отнесся к данному произведению. Роман Бульвера представляется ему похожим на сказку. По словам И.А. Матвеенко, «он отмечает неспособность автора передать важные, общественно-политического плана проблемы, видя причину этого в том, что сама художественная форма “Рейнских пилигримов”, романа-сказки, воспринимающаяся как откровенная

выдумка, противится подобному содержанию» [3. С. 93]. В то же время В.Г. Белинский, как и Е.Ф. Корш, высоко оценивает изображенные Бульвером-Литтоном «чувства и положения человеческие», видя в этом признак «высокой» литературы.

Оригинал статьи «О состоянии французской драмы» [1. 1834. Т. 4. Отд. 2. С. 73–88] был взят Коршем из журнала «Quarterly Review», о чем он и уведомляет читателей. Нам удалось установить его – это «Art. VIII. State of the French Drama» [4]. Однако Е.Ф. Корш вполтину сокращает подлинник (перевод 36 страниц укладывается на 16 страницах). Укажем основные расхождения с оригиналом. Как правило, Е.Ф. Корш исключает те моменты, которые автор оригинальной статьи адресует англичанам, например, «Hernani and Henry III (under the title of Catherine of Cleves) have been some time before the English public in the excellent translation of Lord Francis Egerton» [4. P. 181] – «Эрнани и Генрих III (под подписью Екатерины Клевс) были некоторое время представлены перед английской публикой в превосходном переводе Лорда Фрэнсиса Эгертона» (перевод мой. – В.Д.). Он опускает пересказы Гюго, содержание которых, пишет Е.Ф. Корш, известно читателям «Библиотеки для чтения», сокращает разбор пьес Дюма, объясняя это тем, что «пределы журнальной статьи и цель, которую мы себе предположили, не позволяют войти в подробное рассмотрение всех... произведений» [1. 1834. Т. 4. Отд. 2. С. 86].

Автор и переводчик исходят из широко распространенной позиции, согласно которой словесность делилась на классическую и современную – романтическую, или на «педантическую» и «сумасбродную». Замечания по поводу французской современной словесности ограничиваются драмой, которая лучше всего «обличает вкус целой нации»: «Виктор Гюго и Александр Дюма – вот два писателя, которые и в повестях, и в драмах дошли до высшей степени сумасбродства и которые в то же время любимейшие драматисты во Франции» [Там же. С. 77]. Очень точно утверждается при этом, что многие из их драм – это подражание Шекспиру, однако пафос рассуждения сводится к тому, что в сочинениях Гюго «мы видим семена заблуждений и недостатков, поражающих нас не-

приятным образом в его собственных произведениях» [1. 1834. Т. 4. Отд. 2. С. 79]. Заблуждения Гюго видятся автору (и поддерживающему его переводчику) в том, что «вся теория г. Гюго основана на каком-то смешанном понятии о соединении естественного с великим, а великим считает он, кажется, злодейство, и чем оно отвратительнее, тем для него лучше» [Там же. С. 80]. Обнаруженное заблуждение Гюго разделяет и его противник Дюма.

Анализ драматических произведений начинается с романтической трагедии «Марион Делорм» (1829). В статье излагается краткий пересказ пьесы и делается заключение о том, что «несмотря на грубость и невероятность завязки, эта пьеса еще сносна: по крайней мере, язык благопристоен, современные портреты, хоть и карикатурны, а удачно схвачены; нельзя даже отказать ей в некоторого рода занимательности» [Там же. С. 82–83]. Ниже по той же схеме рассматриваются «Король забавляется» (1832), «Лукреция Борджиа» (1833); по поводу последней делается следующий вывод: «Важнейшие злодейства Лукреции г-на Гюго – чистая, или, лучше, нечистая выдумка; даже будь они сущая правда, и то не стоило труда воскрешать их в Дrame, а оскорблять благопристойность и пятнать Историю такими отвратительными баснями, право, ни на что не похоже» [Там же. С. 84]. «Последняя пьеса г-на Гюго, “Мария Тюдор” (1833), хотя и не так омерзительна, – пишет критик, – однако ж грубо оскорбляет нравственность и еще более предшествующей грешит против Истории» [Там же. С. 85]. В завершение статьи делается общий красноречивый вывод о пьесах Гюго и Дюма: «Даже как чисто художественные произведения эти Драмы имеют... недостатки <...>: главный – чрезвычайная скудость изобретения, которая влечет авторов к беспрестанным повторениям одного и того же характера, одних и тех же положений». Низкий, по оценке рецензента (и переводчика), уровень содержания пьес объясняется «всеобщим упадком нравственности и расторжением всех общественных связей целого народа» [Там же. С. 86–88].

Статью «Дивы дивные» [Там же. Т. 5. Отд. 2. С. 139–148], посвященную индийским фокусникам, астрологии, философскому

камню и прочим явлениям, связанным с феноменом «чудесного», привлекавшим повышенный интерес не только массового читателя, но и многих выдающихся деятелей литературы первой трети XIX в., можно считать некой компиляцией, так как в конце перевода указано два источника: журналы «Quarterly Review» и «New Monthly Magazine». При просмотре «Quarterly Review» за 1831–1834 гг. нами была обнаружена статья «Art. V. Memoirs of the Emperor Jahangueir» [5]. Из нее Е.Ф. Коршем переведены фрагменты об индийских фокусниках, которые поразили Джихангира [5. Р. 111–113]. Им он приписывал сверхъестественную силу. Из публикации «Sketches of human folly», обнаруженной нами в № I, II «New Monthly Magazine» за 1831–1834 гг. [6], Е.Ф. Коршем переведены фрагменты об астрологии, учении Парацельса, алхимии, короле Венцеславе, чешском фокуснике Зито и пр., составивших другую часть статьи «Дивы дивные».

Перевод выдержан в откровенно ироническом тоне. Нарратор не принимает абсолютно ничего, что не имеет рационального объяснения, на протяжении всего повествования безжалостно высмеивает *всякого рода* «чудеса», начиная с фокусов и кончая спиритизмом и фантастикой. Приведём в подтверждение сказанному лишь один фрагмент – об открывателе философского камня, превращающего свинец в золото: «Келли хвалился... будто бы нашел философский камень и испытал действительность его над превращением свинца в золото; однако ж в одной из бесед его мы находим, что он смиренно просит духа Мадими одолжить ему сотняшку недели на две, а тот отвечает, что истратил все свои деньги. Утешьтесь, читатели: иногда и у духов кошельки только числятся на службе!..» [1. 1834. Т. 5. Отд. 2. С. 145]. Но такой прямолинейной и однозначной позицией повествователь демонстрирует и ограниченность своих взглядов на мир, вызывая улыбку читателя.

Оригинал статьи «Гёте в посмертных его сочинениях» [Там же. Т. 6. Отд. 2. С. 65–92] взят из журнала «Foreign Quarterly Review»; как нам удалось установить, это – «Art. VI. Goethe's Nachgelassene Werke (Goethe's Posthumous Works). Bände VI–XV» [7]. Статья переведена достаточно близко к оригиналу, однако первые страницы

о содержании 6-го и 7-го томов и последние 3 страницы не были включены в перевод.

Открывая публикацию общей характеристикой Гёте как универсальной личности, не принадлежащей какой-то одной нации, культуре, литературному течению, автор (и вслед за ним переводчик) определяет и посмертные тома начатого самим Гёте собрания сочинений, выпущенные в свет секретарями писателя Ф.В. Римером и И.П. Эккерманом в 1832–1834 гг., как универсальные, отражающие всё многообразие творчества писателя. Особое внимание обращается на максимы, размышления Гёте, в том числе об искусстве, напечатанные в 9–11-м (49–51-м) томах, «беглые, смелые, тонкие, часто не оконченные, иногда загадочные суждения вкуса или взрывы вдохновения», которые «ускользают от всякого разбора» [1. 1834. Т. 6. Отд. 2. С. 66]. «Всех занимательнее и важнее» представляется 8-й (48-й) том, содержащий автобиографию Гете «Поэзия и правда», которая квалифицируется в статье как «исповедь, высказанная с таким же чистосердечием и полнотою чувства, как Жан-Жака Руссо», и проливающая «новый, особенный, яркий свет не только на самого автора, но и на большую часть современных ему литературных знаменитостей» [Там же. С. 66–67].

Статья в основном и посвящена этому сочинению Гёте, из которого её автором делаются обширные выписки, приводимые в переводной статье в интерпретации Е.Ф. Корша. Первая выписка развивает мысль писателя о природе его таланта, поэтического дара, который изначально «изливался без всякого произволения и даже против... воли» [Там же. С. 67]. «Для возникающего у нас поколения писателей и художников» выписывается (и переводится Е.Ф. Коршем) суждение Гёте о влиянии на него общества, которое лишает художника свободы творчества и независимости мысли. Это суждение вводится в контекст близких рассуждений об этом же предмете «преумной и учёной англичанки», писательницы Анны Джемисон (1794–1860): текст статьи содержит довольно большой фрагмент из её сочинения «Characteristics of women, moral, poetical and historical» (1832) – диалог Альды и Медона, разговаривающих о пагубном влиянии света на молодого автора.

Отдельное место в статье занимает пересказ истории любовных отношений Гёте с Лили, излагающейся на фоне рассказа об общественно-политической ситуации, в которой развивались эти отношения и к которой, по мнению многих, Гёте был абсолютно равнодушен, поскольку на историю он «смотрит с точки возвышенной», видит в ней «памятную записку вечно повторяющейся и необходимой борьбы безрассудства и страстей человеческих с благороднейшими выгодами образованности» и считает, что «для человека гораздо менее можно сделать извне, чем изнутри» [1. 1834. Т. 6. Отд. 2. С. 73].

Далее внимание читателей обращается к замечаниям о том, как «поэзия начала при нем отбрасывать рифму и даже предпочитать прозаическую форму стихотворной» [Там же. С. 75]. Эта проблема, обсуждаемая в статье с привлечением контекста (в частности, приводится обширная цитата из «Рейнских пилигримов» Э. Бульвера-Литтона о «преувеличении достоинств стихотворства, которое, по старой привычке, называют исключительно поэзией», и о природе прозы, которая способна просвещать и трогать сердце человеческое «гораздо более поэзии» [Там же. С. 76]), была чрезвычайно актуальной для русской литературы начала 1830-х гг. Ниже следует ещё одна большая выписка из суждений Гёте о Лафатере и о гении, которым он называет «способность человека, действуя и творя», давать новые «законы и правила» [Там же. С. 82]. В качестве контекста приводятся определения «гения» Ж.-Л.Л. де Бюффона, В. Газлита, С. Джонсона. Заканчивается статья большой выпиской из автобиографии Гёте об угасании отношений с Лили, в процессе чего создавался «Эгмонт» и вызревала мысль о путешествии в Италию, с которого, как известно, начинался новый период творчества писателя и истории немецкой литературы в целом.

Оригинал статьи «Кольридж» [Там же. Т. 7. Отд. 2. С. 1–20] обнаружен нами в «Quarterly review» за 1834 г., это – статья «Art. I. The Poetical Works of S.T. Coleridge» [8]. В оригинальной статье приводится большое количество стихотворений английского поэта-романтика; Корш не включает их в свой перевод. За счёт этого переводная статья по объёму намного меньше оригинала. В остальном она близка к нему и строится на материале трехтом-

ного собрания стихотворений Кольриджа: «Перед нами лежат три тома стихотворений, собранных впервые, и газета с печальным известием о кончине знаменитого их автора и издателя. Кольриджа уже нет; но, уходя в лучший мир, он еще озаботился подарить нас сокровищем высоких своих вдохновений», – этот фрагмент, очевидно, принадлежит Коршу, поскольку оригинальная статья публиковалась ещё при жизни поэта. Обе публикации, и оригинальная, и переводная, претендуют на то, чтобы объяснить читателю «неверно понятый дух» поэзии Кольриджа [1. 1834. Т. 7. Отд. 2. С. 1].

Подчеркивая глубину философии Кольриджа, автор и переводчик отмечают удивительное совершенство рифмы и метрического расположения его стихотворений: «...звук и мера слов его кажутся взвешены на золотых весах небесной гармонии», что обнаруживалось в «тончайшем приноровлении хода речи к чувству», в выражении «глубины мысли метрической гармонией», музыкальностью [Там же. С. 6]. Особенность поэтической манеры Кольриджа трактуется в статье как стремление настроить читателя «на то же расположение духа, на тот же тон фантазии», из которых вылились «думы, оживляющие его картины. <...> Ни один писатель не выразил так живо, как Кольридж, той великой истины, что человек творит себе мир, или что воображение пересоздает и перекрашивает всё, его окружающее» [Там же. С. 8].

В статье рассматривается также драматический талант Кольриджа, наименее известный публике, поскольку его драмы, в духе времени, писались не для сцены, а для чтения («Угрызения совести», «Заполия»). Однако «Старинный моряк» («Старый мореход») и «Кристабель» представлены как сочинения, которые «есть и всегда будут одними из совершеннейших произведений фантастической поэзии не только в Англии, но в литературе всей Европы» [Там же. С. 17].

Высоко оценивая и любовную лирику английского поэта-романтика («У Кольриджа есть что-то особенное в изображении сладчайшей из страстей. Любовь его не мрачна, как у Байрона, не весела, подобно Муровой, и неумственна, как у Вордсворта. Это светлая безоблачная страсть, слитая из уважения, рыцарской

нежности и вежливости; чистая, но пламенная; нетерпеливая, но созерцательная. Это Петрарка и Шекспир вместе. Это летний свет луны в любовной поэзии» [1. 1834. Т. 7. Отд. 2. С. 18]), автор заканчивает статью большой выпиской из объяснений Кольриджем своей «философии христианского человека», которая напрямую пересекается с религиозными, нравственно-этическими и эстетическим поисками русской литературы 1830-х гг.: «Система моя... есть единственный опыт... привести к согласию всякое знание. <...> Я старался совокупить отдельные части истины, составить из них цельное зеркало. <...> Мне хочется соединить нравственную связь естественную историю с политической... у истории отнять ее случайность, у науки фатализм» [Там же. С. 20].

Статья «Очерки Италии, Португалии и Испании» [Там же. С. 37–54] представляет собой рецензию на произведение английского писателя Уильяма Бекфорда «Италия и очерки Испании и Португалии» (1835), в котором рассказывается о его путешествиях и которое он не издавал 40 лет. В публикации не указано, откуда Е.Ф. Корш взял данный материал, поэтому можно предположить, что статья является непереводной.

Очерки Бекфорда, по словам С. Бабуха, «предвосхищают в английской литературе байроновского Чайльд-Гарольда. Тот же восторг перед дикой природой и её стихийными силами, то же преклонение перед остатками великого прошлого Южной Европы. Это не художественное произведение в полном смысле слова, это – письма, заметки и воспоминания. Но язык этих произведений высокохудожественный» [9]. Главным предметом изображения путевых заметок Бекфорда, по мнению Е.Ф. Корша, является образ автора и «глубокие впечатления», полученные им во время путешествия и описанные с талантом поэта: «Он поэт, и даже великий, хотя отроду не писал стихов» [1. 1834. Т. 7. Отд. 2. С. 38]. Подчеркивая художественность описаний Бекфорда, Е.Ф. Корш так характеризует его стиль: «Восторг его перед чудесными видами гор, лесов и потоков обличает в нем душу, любимицу Природы и изливается простым, но сильным живописным языком» [1. 1834. Т. 7. Отд. 2. С. 38]. Большую часть рецензии, как обычно, состав-

ляют обширные «выписки» из рецензируемого сочинения в переводе критика: описание тирольских лесов, Венеции в разное время суток, Рима, Картезианского монастыря близ Гренобля и др., сделанные и переведенные в духе романтической эстетики. Приведём для примера лишь один фрагмент перевода:

Никогда не забуду, что я чувствовал, тихо спускаясь с холмов и едуци через мост на Тибре! Когда я увидел перспективу вилл с их террасами и красивыми воротами, которая ведет к Porta del Popolo, когда я увидел площадь, куполы, обелиск, длинный ряд улиц и дворцов, открывавшийся с обеих сторон в отдалении, когда я увидел всё это, обьятое живым, румяным пламенем заката, можете представить, как наслаждался любимым моим светом, любимым часом дня, окруженный такими предметами. Можете вообразить, как я всходил на Монте Кавалло, опираясь на подножие Буцефала, как, несмотря ни на позднюю пору, ни на расстояние, спешил я по обету в церковь Св. Петра [Там же. С. 44].

Статья «Новейшая изящная словесность в Германии» [1. 1835. Т. 12. Отд. 2. С. 92–118] представляет собой обширное обозрение современной на тот период немецкой словесности. В конце публикации также не указано, откуда Е.Ф. Корш брал данный материал, поэтому можно предположить, что и эта статья является непереводной. После смерти Е.Ф. Корша в некрологах, посвященных ему (журнал «Всемирная иллюстрация» (1897. Т. 58, № 18), «Исторический вестник» (1897. Т. 70, № 12), газета «Русские ведомости» (1897. № 278)), указано, что «вплоть до 1836 г. чуть не в каждой книжке названного журнала («Библиотека для чтения». – В.Д.) попадались то переводные, то оригинальные статьи Е.Ф. Корша. К последним, например, относится статья “Новости изящной словесности в Германии”».

Названная самим Е.Ф. Коршем «статейкой, самой скромной статейкой», публикация представляет историю современной немецкой литературы так, как её видел автор, это – своего рода пантеон писателей Германии, сыгравших, по мнению Е.Ф. Корша, определённую роль в формировании культурно-исторического образа новейшей Германии и её словесности, «так мало известной в

нашем отечестве, что даже и немногие слова будут для большей части читателей довольно обстоятельным изложением предмета» [1. 1835. Т. 12. Отд. 2. С. 94]. Начиная отсчёт эпохи современной литературы Германии со времени кончины Гёте и осмысливая то место, которое она займет в истории, Е.Ф. Корш отмечает возрастание ее интереса к католицизму и новую романтическую школу, которая была пробуждением поэзии Средних веков в современной немецкой словесности. В духе времени автор статьи ставит проблему противоборства «древних» и «новых» авторов, классического и романтического направлений в литературе, отмеченных тяготением к сферам соответственно телесного и духовного: «Между подвигами романтической школы особенно замечателен переход Ф. Шлегеля и некоторых других членов её к католицизму, но ещё более заслуживает внимания соперничество А.В. Шлегеля с И.Г. Фоссом, тогда уже знаменитым переводчиком Гомера. Фосс был одним из самых опасных и заклятых врагов новой школы. С неутомимым усердием переводил он остальных языческих поэтов древности, между тем как А.В. Шлегель старался также в хороших переводах ознакомить публику с христианскими, романтическими поэтами» [Там же. С. 100].

Далее в статье называются знаковые для становления романтической немецкой школы имена, и первым среди них названо имя Л. Тика, «надежнейшей опоры новой школы, обладающей именно тем оружием, в каком она имела наиболее нужды, — глубоким чувством, роскошным воображением, юмором, даже остроумием» [Там же. С. 103]. Корш подчеркивает как самые важные открытия Тика в литературе его обращения к субъективному, поэтическому пониманию мира, близкому к прозрению художником в реальном идеального, высшего, бесконечного начала, не столько мыслимого, сколько чувствуемого, отмеченного знаком изменчивости, текучести, непрерывного творения. Корш обращает внимание и на важность открытой Тиком романтической иронии, призванной выразить идею незаконченности вечно творимого мира.

В ряд ранних немецких романтиков Е.Ф. Корш по праву ставит и Новалиса, одного из самых выдающихся писателей йенской

школы, перу которого принадлежит демонстрирующий все глубины Духа оставшийся незавершенным роман «Генрих фон Офтердинген». Продолжателями раннеромантической немецкой литературы, заслуживающими внимания русского читателя, Е.Ф. Корш называет А. фон Арнима и К. Brentano, представителей гейдельбергского кружка, которые, как известно, перенесли акценты в эстетике с категории конечного на историческое бытие. Особенно актуальное значение приобретают у гейдельбержцев понятие «народный дух» и изучение его языков, в первую очередь фольклора. Известность Арниму и Brentano, как считает Е.Ф. Корш, принесло именно то, что общими силами они издали собрание народных песен, в которых «слышно биение германского сердца» [1. 1835. Т. 12. Отд. 2. С. 105].

Особое место в статье отводится характеристике позднего немецкого романтизма, в частности «швабской школы», таких её представителей, как Г. Шваб, Ю. Кернер и Л. Уланд, чьи сочинения, пишет Е.Ф. Корш, составляют любимое для германцев чтение. Наиболее подробная характеристика дается поэту Ф. Рюккерт: «Рюккерт во многом уступает Уланду; он, что называют немцы, поэт субъективный, черпающий источник песней в одних личных своих чувствованиях; но в этом роде он отличается силою и богатством мыслей и необыкновенной красотой выражения» [Там же. С. 107]. Она продолжается оценкой роли в истории немецкого романтизма В. Мюллера: «Его “Греческие песни” произвели глубокое впечатление, потому что он первый говорил так красноречиво за детей Эллады. В числе их есть элегия на смерть лорда Байрона, одно из лучших произведений германской музыки» [Там же]. «Бесспорно лучшим из поэтов северной Германии» называет Е.Ф. Корш А. фон Шамиссо, подчеркивая, что именно лирические стихотворения доставили ему наибольшую известность [Там же. С. 108].

Неподражаемым драматургом, признанным таковым далеко за пределами Германии, назван Ф. Шиллер. Ближе всех к нему подошёл, как считает Корш, Теодор Кёрнер, который, однако, «при всех достоинствах слога и драматической разительности», как и

все последователи Шиллера, «обнаруживает недостаток самобытного гения и глубины» [1. 1835. Т. 12. Отд. 2. С. 109]. Весьма не лестной оценки заслуживает, по мнению Е.Ф. Корша, творчество немецкого драматурга Э.Б.С. Раупаха, который после одной из своих премьер («Княжна Хаванская», 1820) был назван восторженной публикой достойным наследником таланта Шиллера. Однако Е.Ф. Корш по его поводу пишет следующее: «Отсутствие чувства нельзя вознаградить никаким расчётом, и Раупах успел только приобрести имя плодовитейшего писателя» [Там же. С. 110]. Лучшим из новейших трагиков Германии в статье называется Г. фон Клейст, судьба которого была трагична не менее его произведений. В историю немецкой литературы первой половины XIX в. вписано и имя К. Иммерманна, который, по оценке Е.Ф. Корша, «был тоже истинный поэт» и которого трудно рассматривать в рамках какой-то одной литературной школы. Начав подражанием Шекспиру, он с каждым новым произведением приближался к идеальной цели своего воображения и получал право на известность.

Среди писателей, внесших вклад в немецкую прозу, Е.Ф. Корш отмечает Фридриха де Ла Мотт-Фуке, выходца из Норвегии Хенрика Стеффенса, романиста Карла Шпиндлера. Ведущим прозаическим жанром он называет повесть, своеобразие которой видит в том, что «германцы не только усвоили себе историческую повесть, но сделали из нее всемирную эпопею, отличающуюся полной свободой форм» [Там же. С. 114]. Далее Е.Ф. Корш перечисляет в статье произведения немецких прозаиков «с той целью, что это может служить руководством при выборе предметов для чтения, сколько-нибудь достойных любопытства наших читателей» [Там же].

И, наконец, отдельно Е.Ф. Корш выделяет в истории немецкого романтизма Э.Т.А. Гофмана. Улавливая самую суть эстетики двоемирия, пришедшей в позднем немецком романтизме на смену раннеромантической концепции универсализма, критик пишет: «В произведениях Гофмана нет ничего утешительного, возвышающего душу: он не в силах укротить той бури, которую дано ему

возбуждать; он вызовет демона, и может только повиноваться его воле; это участь всех, кто однажды побратался с нечистым» [1. 1835. Т. 12. Отд. 2. С. 117]. В завершение статьи Е.Ф. Корш возвращается к фигуре Гёте и определяет его роль в истории немецкой словесности, называя писателя литературным монархом Германии.

Ещё одна оригинальная литературно-критическая статья Е.Ф. Корша – «Фелиция Гименс и Виллиам Вордсворт» [Там же. С. 162–180] – посвящена английской поэтессе Фелиции Хеманс (1793–1835). В статье рассказана ее биография и отмечено, что, несмотря на её обширную ученость, все её произведения были плодами мгновенных побуждений. Поэзия Хеманс довольно высоко оценена Е.Ф. Коршем, который полагает, что первого истинного поэта-женщину увидели именно в стихах этой знаменитой ирландки: «Немногие выразили так сильно характер свой в поэтических созданиях, как она» [Там же. С. 164].

Между тем бо́льшая часть статьи посвящена английскому поэту У. Вордсворту, принадлежащему к так называемой озёрной школе. Это одна из первых статей об английском поэте, опубликованных в России. В статье Д.Н. Жаткина и А.А. Рябовой «Е.Ф. Корш как интерпретатор творчества Вильяма Вордсворта (на материале статьи “Фелиция Гименс и Виллиам Вордсворт” и перевода баллады “Нас семеро”)» подробно разобрана данная публикация, а также проведён сравнительный анализ различных переводов баллады Вордсворта «Нас семеро». Для нашего исследования работа этих исследователей представляет большую ценность, поэтому следует подробно её рассмотреть, выделяя основные моменты, важные в рамках нашего исследования.

Прежде всего в ней обращается внимание на эпиграф к статье Е.Ф. Корша¹ и повод к ее написанию. И то и другое, по мнению Д.Н. Жаткина и А.А. Рябовой, было призвано «отразить общий упадок британской литературы, вызванный не только смертью ведущих авторов – П.-Б. Шелли, Дж.-Г. Байрона, Дж. Крabbа,

¹ «Когда Вордсворт и Гименс умрут, в тот самый день будут похороны английской поэзии».

В. Скотта, но и отходом от поэтической деятельности Т. Мура, Р. Саути, угасанием творчества С. Роджера» [10. С. 28–29]. Кроме того, следует согласиться с исследователями, отметившими проникновение Е.Ф. Корша в самую суть поэзии английского романтика, между прочим, оцененную английским критиком В. Хэзлитом как изъясн: «Поэзия его основана на крайнем и беспрестанном противополжении естественного искусственному, духа человеческого духу моды и суетного света <...> она выбирает самые пошлые происшествия, самые обыкновенные предметы, как будто для того, чтобы доказать, как занимательна природа своей существенной красотою, не имеющею нужды в пышном одеянии; отсюда эта странная смесь кажущейся простоты с истинной глубиною, такая поразительная в “Лирических балладах”», – и далее: «Никто в мире не сообщал такой важности ничтожным предметам; никто не переводил так красноречиво простейших чувств человеческого сердца» [Там же. С. 172].

Здесь определён характерный для всех «озёрников» и, прежде всего, для Вордсворта культ чувства, тесно связанный с культом природы и естественного повседневного течения жизни. Природа и человек, в представлении русского критика, являются для Вордсворта высшими носителями духовности, гармонии и красоты. Все эти идеи легли в основу абсолютно новой поэтической системы, созданной английским поэтом, настолько новой, что, по словам Е.Ф. Корша, «дураки им <стихам Вордсворта> смеялись; люди с умом едва могли понять их: так они были новы». И далее: «Они или покажутся непонятными, или глубокий смысл их неизгладимо врежется вам в душу; они или отскочат от вашего сердца, или проникнут далеко, чтобы никогда из него не выйти» [1. 1835. Т. 12. Отд. 2. С. 170, 175].

Статья заканчивается прозаическим переводом стихотворения Вордсворта «Lines Suggested by a Portrait from the Pencil of F. Stone» («Строки, вызванные портретом работы Ф. Стоуна», 1834, опублик. в 1835), сделанным Е.Ф. Коршем с целью подчеркнуть мысль о способности английского поэта «сливать в одно гармоническое описание рассказ и думу» [1. 1835. Т. 12. Отд. 2. С. 176]. Д.Н. Жаткин и

А.А. Рябова представляют сравнительный анализ оригинала данного стихотворения и перевода Е.Ф. Корша [10. С. 30–31] и делают справедливый вывод о том, что прозаические переводы критика, вошедшие в его статью об английском поэте², «никоим образом не отражают поэтической красоты сочинений Вордсворта», но вместе с тем «в них наглядно ощутимо единение поэта с природой, яркими красками окружающего мира» [Там же. С. 34].

Ряд переводов Е.Ф. Корша, относящихся к «промежуточным» прозаическим жанрам, можно определить как научно-популярные статьи. Все они были опубликованы в третьем отделе журнала «Библиотека для чтения» – «Науки и художества». Одна из них – «Чувства, способности и страсти рыб» [1. 1834. Т. 5. Отд. 3. С. 65–80]. Указано, что оригинал статьи взят из журналов «Foreign Quarterly Review» и «Monthly Review». Начиная статью с постановки проблемы применения этических понятий к обитателям обширного водного пространства нашей планеты, автор строит свое рассуждение с описания доступных рыбам ощущений, которые они могут получать благодаря зрению, слуху, обонянию, вкусу, осязанию: «Из этого видно, что внешние чувства рыб не так устроены, чтоб сообщать им живые и точные впечатления» [Там же. С. 70]. Их единственные потребности – питание и воспроизведение, во всяком случае, далее наука в изучении этого вопроса не пошла. В подтверждение этого утверждения приводятся фрагменты из исследований ихтиологов и натуралистов – Марциуса, Генкока, Джесса, Гледича, которые предполагали, что рыбы обладают умственными способностями, памятью, страхом, хитростью, способностью заботиться о потомстве.

Данная научно-популярная статья интересна, написана простым языком и вполне отражает цель журнала «Библиотека для чтения» – ориентация на разнообразные интересы провинциальной публики. Кроме того, в ней, в популярном, конечно, виде, ставится

² В статье приведены также прозаические переводы отрывков из стихотворений «Моей сестре» («To my Sister», 1798) и «Ода: признаки бессмертия» («Ode: Intimations of Immortality», 1804, опублик. в 1807), принадлежащие Е.Ф. Коршу.

проблема философского характера, которая впоследствии станет одной из центральных в русской и европейской литературе, – применимы ли к природе понятия морали.

Переведенная Е.Ф. Коршем статья известного французского физика и астронома Франсуа Араго «Двойные и тройные звезды» [1. 1834. Т. 7. Отд. 3. С. 1–44] взята из французского альманаха общества «Бюро долгот» «*Annuaire du Bureau des longitudes*» («Справочник Бюро долгот») – французской научной организации астрономического направления. Она носит научно-популярный характер, обобщая взгляды на небесные светила многих ученых. Достоинством автора называется способность «излагать самые отвлеченные вопросы ясным и доступным для всех образом» [Там же. С. 3], рассматривая «огромное пространство мироздания <...>, с которым любит играть мысль поэта, и где сердце смертного с благоговением ищет обители Божества» через «стекло», «с помощью алгебраических формул», т.е. с научной точки зрения [Там же. С. 1].

Оригинал еще одной статьи, переведенной Е.Ф. Коршем для отдела «Науки и художества», «Философия и философическая критика г. Кузена» [Там же. С. 63–84], взят из журнала «*Edinburgh Review*» – это «*Art. IV. Cours de l'Histoire de la Philosophie, par M. Victor Cousin*» [11]. Данный перевод не отступает от оригинала, сделан без пропусков и изменений. Он посвящен французскому философу, создателю доктрин эклектизма и спиритуализма, профессору Сорбонны Виктору Кузену (1792–1867). В статье указано, что важнейшей заслугой Кузена является то, что он познакомил Францию с немецкой идеалистической философией Шеллинга и Гегеля: «Заслуга его в том, что он сделал понятными и общедоступными во Франции эти *obscura reperta*, мрачные затворы двух глубоких и восторженных мыслителей, изложив их соответственно своему ясному и блестящему разумению» [1. 1834. Т. 7. Отд. 3. С. 63–64]. «Важнейшими из оригинальных произведений г. Кузена» в статье называются «Курс» его лекций об истории философии³ и «Философические Отрывки»⁴ [1. 1834. Т. 7. Отд. 3. С. 64].

³ «*Nouveaux fragments philosophiques. Cours de l'histoire de la philosophie*» (1828).

Именно второе произведение вызывает у автора и переводчика статьи особый интерес, так как «оно заключает в себе основания собственной его системы, о которой мы постараемся дать краткое понятие» [Там же. С. 65].

Представляя философию Шеллинга и Гегеля близкой к религии, исходящей из онтологии, из построения модели идеального человека, Кузен, по словам автора статьи, проецирует эти идеи на «психологию частного лица», что превращает её в «новую религию, помогающую от нас ежели не чистой веры <...>, так, по крайней мере, полувверия, мистицизма» [Там же. С. 67]. Кузен попытался объединить философию ощущений⁵ с онтологией, частное с отвлеченным. Пристальное внимание уделяется взглядам Кузена на философию Дж. Локка, во взглядах на которую выявляются «слепое системолюбие и склонность жертвовать ему исторической истиной». Первая и главная цель Кузена, считает автор статьи, – «втеснить многообъятное учение Локка в пределы своей исключительной системы ощущения», и это очевидно противоречит учению Локка, ясно различавшего два источника знания – «ощущение и размышление» [Там же. С. 78]. Также ложно понимали философию Локка, как считает автор статьи о Кузене, и Лагарп, и энциклопедисты, и Ф. Шлегель, приписывающий Локку «склонность к материализму и атеизму» [Там же. С. 80]. Кузен представлен в публикации великим эклектиком, пытавшимся соединить идеи материализма и идеализма, философию Локка и Канта, что особенно заметно в трактовке пространства и времени, которой и заканчивается переводная публикация Е.Ф. Корша.

⁴ «Fragments philosophiques» (1826, 2-е изд. в 1834).

⁵ Кузен разделяет в философии четыре системы: философию ощущений, идеализм, скептицизм и мистицизм. Философия ощущений, имеющая древние восточные корни, признает душу вечной, неизменной, невещественной. К этим же истокам возводятся идеализм и спиритуальная философия и мистицизм. Что касается истоков скептицизма, то, по мнению Кузена, они до сих пор не выявлены. В противовес восточной философии Кузен рассматривает древнегреческую философию (Сократ, Платон, Аристотель), которая была сосредоточена на «явлениях внешней природы» [21. С. 74]. В Средние века философия, по мнению Кузена, склонилась перед богословием.

Наконец, значительное место среди публикаций «промежуточных жанров», созданных Е.Ф. Коршем для «Библиотеки для чтения», занимают травелоги. Так, в отделе «Науки и художества» размещены «Путешествия Тейермена и Беннета» [1. 1834. Т. 2. Отд. 3. С. 89–112] и указано, что оригинальный текст взят из журнала «Edinburgh Review». При просмотре выпусков журнала за 1831–1834 гг. нами была обнаружена статья «Art. IV. Journal of Voyages and Travels by the Rev. Daniel Tyerman, and George Bennet, Esq...» [12]. Этот перевод Е.Ф. Корша также не отстает от оригинала, сделан без пропусков и изменений. Публикация открывается историей создания путешествия, в которой подчеркивается его документальная основа: «Journal of voyages and travels, etc. <...> с подлинных документов Джеймсом Монгомери. 2 тома, Лондон, 1833» [1. 1834. Т. 2. Отд. 3. С. 89].

Пафос нарратива определяется тем, что описываемое путешествие носило миссионерский характер: «Учреждение этого Общества чисто вселенское: не придавая себе отличительного наименования, оно исповедует соединение всех Христиан в великом деле просвещения Христианством мира языческого» [Там же. С. 89]. Охарактеризовав в целом данное сочинение («Вот занимательная книга! Просто, как дневник путешествий, заслуживает она внимание тех, чье воображение услаждается картинами чужих краев; но она решительно имеет право и на высшую важность. Здесь найдете вы любопытные явления истории и быта диких народов и прелестную картину состояния мира языческого, с восходящею над ним зарею гражданственности, познаний и религии» [Там же. С. 89]), автор перевел с французского языка на английский (а Е.Ф. Корш с английского на русский) и частично пересказал наиболее интересные события, свидетелями которых были путешественники на островах Южного моря. В целом читателю представляется занимательная история царя острова Таити Помара, обратившегося в христианство и приведшего в эту веру своих подданных.

В конце статьи подчеркивается, что «посещения нашими путешественниками Явы, Сингапоре, Кантона и Малакки чрезвычайно занимательны; но пределы журнала не позволяют о них распростра-

няться», поэтому «публикация заключается строгим документально подтвержденным перечнем сообщаемых ими известий о Мадагаскаре, <...> почерпнутых из рукописного дневника г-на Гасты, который был одно время Английским Резидентом при Дворе Короля Радамы» [1. 1834. Т. 2. Отд. 3. С. 108]. Этот синтез документального, занимательного и пропагандистского начал отмечал и обозреватель русских газет и журналов «Журнала министерства народного просвещения». О рассмотренном переводе Е.Ф. Корша, в частности, в обозрении говорится, что в нем «представляются несколько любопытных явлений истории и быта диких народов и утешительная картина успехов гражданской образованности и религии посреди дикарей-язычников» [13. С. 148].

Травелог «Средняя Азия. Путешествия Муравьева, Мейендорфа, Конолли и Борнса» [1. 1834. Т. 6. Отд. 3. С. 105–136], скорее всего, оригинальный, также был напечатан в отделе «Науки и искусства» (указано, что публикация принадлежит перу Е.Ф. Корша, но не указано, откуда он взял данный материал). Публикация опирается на материалы путешествия государственного деятеля и путешественника Н.Н. Муравьева-Карсского (1794–1866), который в 1819 г. был командирован генералом Ермоловым в Среднюю Азию для изучения её как области интересов России. Задачами экспедиции были: составление географического описания посещаемых земель, разведка полезных ископаемых и – главное – изучение возможных путей в Индию и начало дипломатических отношений с туркменами, а также посещение Хивы, одного из самых известных городов Средней Азии.

Вторым источником материалов для статьи Е.Ф. Корша стало «Путешествие из Оренбурга в Бухару» Е.К. Мейендорфа (1795–1863), капитана Гвардейского генерального штаба, которому предписывалось, находясь в составе русского посольства в Бухарском ханстве, исследовать киргизскую степь, определить места для постройки русских крепостей, которые должны были обезопасить караванные пути в Бухару и Хиву.

Этим источникам противопоставлялись описание путешествия британского путешественника А. Конолли (1807–1842) через Ка-

ракумскую пустыню в Хиванское ханство (1830) и «Путешествие в Бухару» (1834) еще одного английского путешественника А. Бёрнса (1805–1841). Статья носит политический, исторический, публицистический характер и до сих пор представляет интерес для историков. Она часто упоминается в исследованиях истории Бухарского эмирата. Основная тематика публикации выражена в следующем высказывании: «Мы намерены представить в этой статье краткий свод того, что по сие время известно Европе от русских и английских путешественников о нынешнем состоянии самой любопытной и самой недоступной части Азии» [1. 1834. Т. 6. Отд. 3. С. 107].

Статья состоит из пересказа материалов Н.Н. Муравьева, Е.К. Мейендорфа, А. Конолли и А. Бёрнса и большого количества цитат из описаний их путешествий. Материал, очевидно, отбирался с точки зрения его интереса для широкого круга читателей, Е.Ф. Корш это неоднократно подчёркивает и отсылает за подробностями к первоисточникам. Так, в соответствии с жанровыми канонами путешествия в статье Е.Ф. Корша «для удовольствия читателей» приводятся «занимательнейшие черты» названных сочинений, оттесняющие на задний план «рассуждения» о «торговых видах» России на Среднюю Азию. Это описание сухопутной дороги от Астрахани до Хивы, места впадения Аму-Дарьи в Каспийское море (переданное со слов Н. Муравьева), этнографические описания быта киргизов (прямое цитирование объемом в 1–5 и более страниц сочинения Мейендорфа), описание Бухары путем обширного цитирования сочинения Бёрнса [Там же. С. 114–121] и т.д.

Итак, представленный обзор и анализ переводных и оригинальных произведений Е.Ф. Корша из «Библиотеки для чтения» 1834–1837 гг., относящихся к «промежуточным» жанрам, позволяет сделать вывод о том, что его публикации отличаются, кроме разнотипности, информативности, познавательности, приверженностью романтической эстетике, что соответствовало не только интересам широкого круга читателей журнала, но и духу времени 1830–1840-х гг. Данные публикации отражали интерес читающего сообщества, помогали формировать вкус читателей журнала, были

реакцией на самые последние события в современном литературном, философском, научном процессе.

Литература

1. Библиотека для чтения: ежемесячный журнал. СПб., 1834–1837.
2. Матвеев И.А. Рецепция Э. Бульвера-Литтона в России 1830–1850-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 23 с.
3. Матвеев И.А. В.Г. Белинский о романе Э. Бульвера-Литтона «Рейнские пилигримы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 3 (10). С. 92–94.
4. Art. VIII. State of the French Drama // Quarterly Review. 1834. Vol. 51. P. 177–212.
5. Art. V. Memoirs of the Emperor Jahangueir // Quarterly Review. 1834. Vol. 51. P. 96–116.
6. Sketches of human folly, № I, II // New Monthly Magazine. 1834. Vol. 41. P. 181–190; 342–352.
7. Art. VI. Goethe's Nachgelassene Werke (Goethe's Posthumous Works). Bände VI–XV // The Foreign quarterly review. 1834. Vol. 14, № 27. P. 131–162.
8. Art. I. The Poetical Works of S.T. Coleridge // Quarterly review. 1834. Vol. 52, № 103. P. 1–38.
9. Бабух С. Бекфорд // Литературная энциклопедия : в 11 т. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le1/le1-3921.htm>
10. Жаткин Д.Н., Рябова А.А. Е.Ф. Корш как интерпретатор творчества Вильяма Вордсворта (на материале статьи «Фелиция Гименс и Виллиам Вордсворт» и перевода баллады «Нас семеро») // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 6 (25). С. 28–34.
11. Art. IV. Cours de l'Histoire de la Philosophie, par M. Victor Cousin // Edinburgh Review. 1834. Vol. 59, № 70. P. 359–372.
12. Art. IV. Journal of Voyages and Travels by the Rev. Daniel Tyerman, and George Bennet, Esq., deputed from the London Missionary Society, to visit their various Stations in the South Sea Islands, China, India, &c. between the years 1821 and 1829. Compiled from the Original Documents by James Montgomery // Edinburgh Review. 1833. Vol. 57, № 65. P. 80–95.
13. Обзорение русских газет и журналов // Журнал министерства народного просвещения. 1834. Ч. 4. С. 148.

TRANSLATIONS BY EVGENY KORSCH IN *BIBLIOTEKA DLYA CHTENIYA* (1834–1837). PART 2

Tekst. Kniga. Knigoidanie – Text. Book. Publishing, 2017, 14, pp. 5–30.

DOI: 10.17223/23062061/14/1

Vladislava N. Duvakina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: vladamet@mail.ru

Keywords: Evgeny Korsch, *Biblioteka dlya chteniya*, translation, periodicals of the 19th century, Russian periodicals, English periodicals.

The paper describes the translations by Evgeny Fedorovich Korsch in the journal *Biblioteka dlya chteniya* [Library for Reading]. E.F. Korsch (1809–1897) participated in the publication of many well-known newspapers and journals; he was an authoritative editor. But, unfortunately, his personality and activities are forgotten at the moment, and require a study to establish an overall picture of Russian literature and publishing processes of the 1830s–1850s and the role E.F. Korsch played.

The first part of the article presents a list of publications whose authorship belongs to Korsh. From this list, translations of literary works were considered in the first article. In this (second) part of the article, translations of analytical articles, surveys, reviews (9 articles) and prose translations of “in-between” genres (5 articles) are examined. Some of the publications were written by Korsh. These are four articles: “Essays on Italy, Portugal and Spain”, “The Latest Elegant Literature in Germany”, “Felicia Hemans and William Wordsworth”, “Middle Asia. Travels of Muravyov, Meyendorff, Conolly and Burnes”.

Many of the publications of Korsh were translated from British magazines such as *New Monthly Magazine*, *Quarterly Review*, *Foreign Quarterly Review*, *Edinburgh Review*. These are articles like “Mrs. Inchbald, Her Life and Works”, “The Rhine Pilgrims”, “On the State of the French Drama”, “Marvellous Divas”, “Goethe in His Posthumous Works”, “Coleridge”, “Feelings, Abilities and Passions of Fish”, “Philosophy and Philosophical Criticism of Mr. Cousin”, “Travels by Tyerman and Bennet”. Also one article has been translated from the French almanac *Annuaire du Bureau des longitudes* – “Double and Triple Stars”.

The considered publications suggest that the contribution of E.F. Korsch to the development of the journal *Biblioteka dlya chteniya* was significant. These publications reflect the interest of the reader community, they helped to form the taste of readers and were a reaction to the most recent developments in the literary process of the time.

References

1. *Biblioteka dlya chteniya* [Library for Reading].
2. Matveenko, I.A. (2003) *Retseptsiya E. Bul'vera-Littona v Rossii 1830–1850-kh godov* [E. Bulwer-Lytton's reception in Russia in the 1830s–1850s]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk. pp. 14–15.
3. Matveenko, I.A. (2011) V.G. Belinskii about E. Bulwer-Lytton's novel *The Pilgrims of The Rhine*. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 3(10). pp. 92–94. (In Russian).
4. Anon. (1834) Art. VIII. State of the French Drama. *Quarterly Review*. 51. pp. 177–212.
5. Anon. (1834) Art. V. Memoirs of the Emperor Jahangueir. *Quarterly Review*. 51. pp. 96–116.

6. Anon. (1834) Sketches of human folly, №. I, II. *New Monthly Magazine*. 41. pp. 181–190; pp. 342–352.
7. Anon. (1834) Art. VI. Goethe's Nachgelassene Werke [Goethe's Posthumous Works]. Vol. VI–XV. *The Foreign Quarterly Review*. 14(27). pp. 131–162.
8. Coleridge, S.T. (1834) Art. I. The Poetical Works of S.T. Coleridge. *Quarterly Review*. 52(103). pp. 1–38.
9. Babukh, S. (n.d.) *Bekford* [Beckford]. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le1/le1-3921.htm>.
10. Zhatkin, D.N. & Ryabova, A.A. (2010) E.F. Korsh kak interpretator tvorchestva Vil'yama Vordsvorta (na materiale stat'i "Felitsiya Gimens i Villiam Vordsvort" i perevoda ballady "Nas semero") [E.F. Korsh as the interpreter of William Wordsworth (a case study of the article "Felicia Gimens and William Wordsworth" and the translation of the ballad "We are seven")]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 6(25). pp. 28–34.
11. Cousin, V. (1834) Art. IV. Cours de l'Histoire de la Philosophie. *Edinburgh Review*. 59(70). pp. 359–372.
12. Tyerman, D. & Bennet, G. (1833) Art. IV. Journal of Voyages and Travels by the Rev. Daniel Tyerman, and George Bennet, Esq., deputed from the London Missionary Society, to visit their various Stations in the South Sea Islands, China, India, &c. between the years 1821 and 1829. Compiled from the Original Documents by James Montgomery. *Edinburgh Review*. 57(65). pp. 80–95.
13. Anon. (1834) Obozrenie russkikh gazet i zhurnalov [Review of Russian newspapers and magazines]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 4. pp. 148.

А.Е. Козлов

ПРОСПЕКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВСОЧЕТАНИЯ «СВЕЖИЕ РАНЫ» В ЛЕЙТМОТИВНОЙ СТРУКТУРЕ РОМАНА Н.С. ЛЕСКОВА «НА НОЖАХ»

Аннотация. *Представлено исследование функций словосочетания «свежие раны» (и антонимического «старые раны») в лейтмотивной структуре романа Н.С. Лескова «На ножгах». В первой части статьи анализируется «семантический радиус» названий романов «Некуда» и «На ножгах», рассматриваются коммуникативные ситуации Горданов / Ванскок, Ванскок / Висленев, Горданов / Висленев, а также изменение узуального значения словосочетания, деформация его семантики в дискурсе активной языковой личности (Горданов). Вторая часть статьи посвящена описанию возникающих корреляций между речевыми и сюжетными формулами, когда сказанное персонажами находит определенное воплощение в фабуле произведения. Делается вывод о том, что лексикографическое описание перспективного значения слова или словосочетания в художественном тексте должно подразумевать: 1) толкование слова / словосочетания; 2) описание концепта и его функции в художественной культуре; 3) «имманентный анализ» художественного текста, предполагающий аргументированный поиск корреляций между формулами разного уровня.*

Ключевые слова: *Лесков, дискурс, перспекция, формула сюжета.*

Изучение коннотативных значений слова и словосочетания в структуре художественного произведения составляет одну из ключевых задач лингвистики текста. Появление словарей языка писателей и создание корпусов контекстного поиска отчасти способствуют решению этой задачи. Однако следует отметить, что использование корпуса, как и словаря языка писателя, представляет вспомогательную операцию, на основании которой не всегда можно прийти к корректному выводу. Во многом это объясняется спецификой материала: не вызывает сомнений, что корпус отражает определенную информационную доминанту, в то же время исследование периферии зачастую требует обращения к источникам, в этот корпус не вошедшим. Это же можно сказать и о специальных

словарях: в силу организации материала они не всегда могут отражать семантическую емкость отдельного слова в художественном тексте.

Когезия художественного повествовательного текста, зачастую организуемая сочетанием проспективного и ретроспективного планов, практически не находит вариантов лексикографического описания. Большинство существующих сегодня словарей сюжетов и мотивов (являясь, скорее, энциклопедиями), отражают в большей мере комбинаторику, т.е. возможности сочетаний разнообразных сюжетных ситуаций в литературном процессе определенного периода. Тем не менее в той же мере заслуживает внимания изучение разнообразных соответствий «языковых формул» и «формул сюжета». В настоящей статье в этом аспекте будет рассмотрено словосочетание «свежие раны» и его контекстуальный антоним – «старые раны».

Современное изучение литературного наследия Н.С. Лескова показывает, что даже в самых «безалаберных и слабых», по определению автора, произведениях, при асимметрии композиционных частей, неровности фабулы и нелогичности сюжета, сохраняются четкость и выветренность лейтмотивной структуры [1–4]¹. Лейтмотивы в творчестве Лескова представляют собой не только смысловые повторы, но и ряд ассоциаций, которые организуют сюжет и выстраивают сюжетную ось. К. Шпирль в своем исследовании называет эту черту авторской поэтики особенностью органического мировосприятия и указывает на связь между типом мышления и избранным нарративом [6]. Следуя за Шпирль, Р. Эйзелвуд сравнивает лейтмотивную структуру произведений Н.С. Лескова с канвой, по которой «вышивается гобелен сюжета» [7].

Особенность лейтмотивной структуры романов Н.С. Лескова заключается в том, что, несмотря на тяжелые цензурные условия, сопровождающие появление романов «Некуда» и «На ножах», при удалении и потере отдельных частей произведения сохраняется общая взаимосвязь между разными тематическими группами, речевыми

¹ Под лейтмотивной структурой далее понимается система «смысловых повторов, взаимодействие которых обеспечивает цельность и связность текста» [5].

формулами² и фразеологизмами, не ослабевает корреляция отдельных мотивов. Так, например, в романе «Некуда» наречие, обыгрываемое в заглавии, реализуется в разном мотивном окружении, связанном с пространством, мировоззрением, жизнью и смертью [9, 10]. В нарратологическом смысле «некуда» маркирует возникающие повествовательные тупики, обозначает пределы развития сюжета.

Лейтмотивная структура романа «На ножках» также выстраивается посредством устойчивых сочетаний и фразеологизмов. В частности, словосочетание «свежие раны», тематически связанное с заглавием романа, организует одну из лейтмотивных осей, формирующих ось сюжета.

В заглавие романа вынесен усеченный фразеологизм, неоднократно актуализируемый автором в двух формах: *быть на ножках* и *стать на ножи*³. Подчеркивая, что буквально весь мир «стал на ножи», и все, в Петербурге и в провинции, находятся в состоянии необъявленной войны, Лесков показывает универсальность данной формулы, используемой в разных ситуациях. Языковая устойчивость здесь соответствует константности авторского мира.

Кроме регулярного использования настоящего фразеологизма, Н.С. Лесков обращается к иным устойчивым высказываниям, выполняющим, по замечанию О.В. Евдокимовой, роль формул⁴. Особенность таких словосочетаний и фразеологизованных конструкций заключается в том, что они не существуют в языке имманентно и возникают в сознании читателя вследствие чтения⁵.

² Здесь и далее, вслед за О.В. Евдокимовой, мы понимаем под формулой устойчивые элементы речевого поведения персонажей [8].

³ Мы склонны считать данный тип фразеологизма сращением, поскольку в значении целого нет связи со значением компонентов [11].

⁴ В монографии О.В. Евдокимовой устойчивые элементы речевого поведения персонажей рассматриваются как формулы, что роднит поэтику Н.С. Лескова с древнерусской литературой [8].

⁵ Например, во второй части романа Н.С. Лескова «Некуда» действие предваряется описанием дома «углекислых фей». После того как автор завершает описание, дает характеристику персонажам и присваивает им своеобразную номинацию, они появляются в романе на правах действующих лиц, ассоциируясь в сознании прочих героев с «углекислыми феями».

Во второй части романа «На ножах» в ретроспективном описании петербургской жизни нигилистов неоднократно используется словосочетание «свежие раны», которое, попадая в разное контекстное окружение, актуализирует многочисленные смыслы романа⁶. Предположительно в художественном мире произведения *свежие раны* становятся формулой, во многом связанной с публицистическим дискурсом (язык журнала и прессы⁷).

Особого внимания заслуживает коммуникативная ситуация, в которой участвуют Ванскок – сторонница вульгарно-материалистических теорий, легко воспринимающая чужие идеи и, в силу этого, пассивная языковая личность, и Павел Горданов – авантюрист, примеряющий множество масок – чиновника, нигилиста, чей «дискурс лжеца» постоянно обновляется новыми канцелярскими и неформальными формулами (активная языковая личность).

Кажется знаменательным, что впервые о свежих ранах упоминает Ванскок, отказываясь предать отступивших от нигилистических идеалов соратников:

– Нет, вы этого не понимаете: Кишенский и Линка – это свежие раны...

– Что-о тако-о-е?

– Свежие раны.... Зачем шевелить свежие раны? Подозеров всегда был против нас, а эти были наши и не отлагались... это свежая рана! [12. С. 148].

Воспринимая общество нигилистов как единый биологический организм, осознавая себя буквально принадлежащей партии, Ванскок воспринимает факт отступничества, предательства как травму. Све-

⁶ По данным Национального корпуса русского языка, словосочетание «свежие раны» практически не употреблялось современниками Н.С. Лескова (словосочетание актуализируется только в литературе 20-х гг. XX в.). В противоположность словосочетание «старые раны» многократно становилось элементом публицистического и художественного дискурсов.

⁷ Заметим, что Кишенский, Висленев и даже Ванскок время от времени пишут статьи, в которых обличают порядки и время. *Свежие раны*, становясь одновременно одной из универсалий публицистического дискурса, оказывают психологическое воздействие на мышление и поведение персонажей-писателей.

жие раны в этом контексте означают нечто болезненное, духовно непереносимое. Наиболее важными в данной метафоре (*шевельить, не отлагались*) становятся неразличение частного и общего, предельная спаянность физического и духовного существования.

После реплики Ванскок автор описывает внутреннее состояние ее собеседника, Павла Горданова:

Горданов посмотрел ей в глаза и, сохраняя наружное спокойствие, засмеялся неудержимым внутренним смехом. Ванскок со своею теорией “свежих ран” открывала Горданову целую новую, еще не эксплуатируемую область, по которой скачи и несись куда знаешь, твори, что выдумаешь, говори, что хочешь... [12. С. 148].

Являясь «последователем» теории Дарвина и самопровозглашенного «негилизма», Горданов представляет собой типичный образ мошенника, реализующего авантюрную линию романа. Совершая в сюжете нечто подобное биологической мимикрии, он воспринимает данное словосочетание как удобное средство для вуалирования, искажения настоящего смысла, а также манипуляции.

Услышанное словосочетание становится потенциальным компонентом его собственного дискурса лжеца, в котором каждое означаемое не равно означающему и значения многих слов произвольны или определяются волей говорящего [13].

Черт возьми! – подумал он, – и в словах этой дуры есть своя правда.

Нет; нельзя отрешаться от Петербурга! «Свежие раны!» О, какая это чертовски полезная штука! Поусердствуйте, друзья, «свежим ранам», поусердствуйте, пока вас на это хватит! [12. С. 152].

То, что было результатом мировосприятия, следствием определенного «направления», в мыслях Горданова становится речевым приемом, позволяющим пред одними передернуть карты, а другим зажать рот. Введение данного сочетания в сознание героя и его освоение подразумевают переход от вербального действия к акциональному. Упоминание о свежих ранах становится решаю-

щим аргументом Горданова в споре со своими оппонентами и соратниками.

В последующих главах второй части романа Горданов, представляя сильную языковую личность, овладевает данным, изначально чуждым ему словосочетанием. Так, уже в сцене встречи Ванскок и Висленева Ванскок отдает необходимые материалы и на возражения Иосафа отмечает, что необходимо *всяческое снисхождение к свежим ранам*. Данное высказывание представлено автором как косвенное; возможно, таким образом подчеркивается непринадлежность данной фразы самой Ванскок. Это высказывание Горданов как бы вкладывает в ее уста, наделяя своим, одному ему понятным смыслом.

В дальнейшем в дискуссиях и спорах на многочисленные возражения соратников в устах Горданова будет звучать неизменная фраза о свежих ранах, которая, как это ни парадоксально, становится основным доводом, произвольно подменяя денотативное содержание или создавая иллюзию смысла.

Потом Горданов проявил бездну мягкости и не только не злословил Меридианова и Фигурина, но даже напоминал Висленеву, что это свежие раны, которых тревожить не должно [12. С. 187].

В приведенном фрагменте Горданов возвращается к исходному значению, предложенному Ванскок. Свежая рана – это факт недавнего предательства, факт измены соответствующей идее или представлению. В речевой ситуации употребление данной формулы оказывает влияние на интенцию слушающего: Висленев отказывается от бунта и покоряется своей судьбе. Осознавая индивидуализм Висленева, его эгоистичность, Горданов конструирует перед своей жертвой образ мученичества и героической гибели, обращаясь к авторитету Базарова и поэзии Некрасова⁸.

⁸ В художественном мире «На ножах» эти фигуры – персонажа и персоналии – находятся в одной плоскости: «Горданов не сразу сшил себе свой нынешний мундир: было время, когда он носил другую форму. Принадлежа не к новому, а к новейшему культу, он имел пред собою довольно большой выбор мод и фасонов: пред ним прошли во всем своем убранстве Базаров, Раскольников и Маркушка Волохов, и Горданов всех их смерил, свесил, разобрал и осудил: ни один из них

– Тем хуже для тебя, – отвечал, открывая уши, Горданов, – но зато тем важнее твоя заслуга.

– Пред кем это?

– А пред принципом: сноси, терпи свежую рану и не открывай ее. Что делать, любезный! Некрасов прекрасно где-то сказал: «Век жертв очистительных просит» [12. С. 196].

Безусловно, многократно актуализируемое в тексте сочетание *пронуть свежую рану* составляет семантический центр высказывания, становится своеобразным «кодом» нигилистов, сигналом, по которому опознаются свой и чужой. Таким образом, упоминание свежих ран апеллирует к условно позитивистскому, вульгарно-материалистическому мировоззрению, построенному на механическом объединении феноменов эмпирической и логической действительности. Освоение этой формулы индивидуальным дискурсом во многом связано с соотношением достоверного–недостоверного в речи субъекта и спекулятивными (не собственно коммуникативными) функциями его слова.

Аналогичную функцию в тексте романа играет сочетание «старые раны», связанное с речью персонажей-провинциалов. В этом отношении оно противопоставлено «свежим ранам» Петербурга, что формирует устойчивую пространственную оппозицию⁹. Старыми ранами называет Синтиянина свою молодость, отвечая на возражение Глафиры Бодростиной, что *есть раны, для которых*

не выдержал его критики. Базаров, по его мнению, был неумен и слаб – неумен потому, что ссорился с людьми и вредил себе своими резкостями, а слаб потому, что свихнулся пред “богатым телом” женщины, что Павел Николаевич Горданов признавал слабостью из слабостей. Раскольников Горданов сравнивал с курицей, которая не может не кудахтать о снесенном ею яйце, и глубоко презирал этого героя за его привычку беспрестанно чесать свои душевные мозоли. Маркушка Волохов (которого Горданов знал вживе) был, по его мнению, и посильнее и поумнее двух первых, но ему, этому алмазу, не доставало шлифовки, чтобы быть бриллиантом, а Горданов хотел быть бриллиантом и чувствовал, что к тому уже настало удобное время» [2. С. 196].

⁹ В оформлении этой оппозиции Н.С. Лесков следует сложившейся литературной традиции. Например, в рассказе А. Григорьева: «Петербург <...> способен тревожить разные раны и болезни нравственной природы» (цит. по: [14. С. 14]).

нет исцеления. Таким образом, старые раны, как и свежие, становятся важным семантическим компонентом, характеризующим не только мировоззрение персонажа, но и сюжетные коллизии, определяющие его судьбу¹⁰.

Рамочное существование формулы «свежие раны» в дискурсе героев существенно изменяется в дальнейших частях романа. Семантический радиус этого словосочетания представляется достаточно широким и охватывает весь текст. В первой части романа, после вечера в доме Висленевых, майор Форов отказывается судить о Горданове, произнося таинственную фразу: *Пока не вложу перста моего – ничего не знаю*. В этом контексте, безусловно, трагестивируется библейский сюжет (*вложить перст в рану*), однако это трагестивирование выполняет проспективную функцию, предсказывая дальнейшее развитие действия – дуэль, на которой Форов ранит Горданова в пятку¹¹.

Произошедшая дуэль, в результате которой «убит» Подозеров и ранен Горданов, становится воплощением языковой формулы в формуле сюжета, что связано с реализацией лейтмотивных функций исследуемого словосочетания. Иными словами, элемент речевого дискурса становится частью художественного дискурса. Однако если раны, полученные на дуэли, не находят достаточного соотношения с оружием – ножом, то в заключительной части романа убийство Бодростина реализует эту семантическую рифмовку.

В шестой части романа убийство Бодростина предваряется следующим эпизодом.

Но в то самое мгновение, когда Глафира Васильевна с ласковой улыбкой сказала: «живи много лет, Michel», она поскользнулась, ее вино целиком выплеснулось на грудь Михаила Андреевича и, пе-

¹⁰ О множественности употреблений слова *рана* свидетельствует четвертая часть, где раненого Подозерова буквально «берут в плен», а одна из глав называется «Те же раны».

¹¹ Искажение исходной библейской ситуации связано с обращением к низу – раненой пятке. Данная рана, считающаяся позорной отметиной труса, одновременно характеризует Горданова как искаженного Христа новой морали, т.е. антихриста [1, 15, 16].

нась, потекло по гофрировке его рубашки, точно жидкая, старческая, пенящаяся кровь [12. С. 697].

Эта искусственная рана одновременно актуализирует перспективный и ретроспективный уровни текста. Измена Глафиры, нанесенная Бодростину в начале супружества, соответствует никогда не затягивающейся ране предательства. Вместе с тем данное «ранение» находит семантическую рифмовку с раной Павла Горданова. В обоих случаях фальшивая рана сменяется настоящей: от руки Горданова, управляемого Глафирой, гибнет Бодростин, от мертвого тела Бодростина умирает Горданов¹².

Заражение Горданова трупным ядом является своеобразной отсылкой к сюжету романа «Отцы и дети» (смерть Базарова), воплощенной уже не в речевой, а фактической сюжетной ситуации. Искажение базаровского нигилизма подчеркивается прагматической мотивировкой ситуации: «негилист» Горданов преследует не естественнонаучные, а бытовые (более того, криминальные задачи) – скрыть возможные следы преступления.

Заметим, что орудие убийства остается неназванным практически до конца текста, однако в тексте с нарастающим напряжением повторяется: *страшная трехгранная рана*¹³. При этом нож убийцы, нож Глафиры-Горданова, остается спрятанным в рукоятке хлыста практически до самого конца повествования. Карающий

¹² Заметим, что заражение Горданова становится причиной ампутации руки. В сюжете ампутированная конечность маркирует фальшивые ходы персонажа: *старые раны* в речи (как раны ложные), фальшивая рана (как нарисованная, не настоящая), ранение (связано с намерением Горданова изменить форму раны (обман следствия)). В череде обманов, составляющих жизнь персонажа, истинные причины его гибели становятся скрытыми.

¹³ Многократное повторение сочетания организует фонетический рисунок, связанный со звуковыми ассоциациями. Так, глава, где впервые появляется сочетание «свежие раны», носит название «Ехидна и тарантул», а обстоятельства убийства описываются с неизменным повтором: *трехгранная рана, страшная трехгранная рана, рана*, нанесенная *трехгранным* стилетом. В.В. Леденева заметила, что «возможным объяснением повторяющихся элементов становится эксплицированная актуализация глубинных ассоциаций, реализуемых через фоносемантическую близость...» [17. С. 67].

нож, явленный читателю в заглавии, таким образом, становится деталью, организующей финал произведения (вариант *dues ex machine* в криминальном сюжете).

Таким образом, своеобразное расщепление фразеологизма «на ножах», связанное как с его усечением, так и буквализацией, делает факт языка фактом сюжета. Язык выполняет проспективную функцию, предсказывая дальнейшее развитие сюжета, а сюжет, черпая материал из языка, способствует буквализации основных значений. «Свежие раны», являясь чертой идиолекта героя (Вансок), становятся универсалией, характерной для определенного круга (публицисты, негилисты, мошенники). На этом пути сочетание теряет свой основной смысл, точнее, оно нивелируется, становится своеобразным речевым приемом, позволяющим употреблять слово в ином, отличающемся от традиционного и правильного значения (того, которое подразумевает говорящий). Вместе с тем инерция прямого значения сказывается таким образом, что дискурсивные элементы речи героев становятся фактами сюжета. Так, фальшивое словоупотребление данного элемента в речи Горданова соответствует его ложной ране и предсказывает его действительное ранение, приводящее к ампутации руки и гибели. *Старые раны* в речи генеральши Синтяниной предсказывают развязку, связанную со смертью генерала и его покаянием.

Иными словами, магия слова оказывается таковой, что, «пронзив» вторую часть романа, оно, подобно пуле или острому клинку, проходит «навылет», затрагивая все сюжетные линии и воплощаясь результатом сопряжения определенных коллизий. Безусловно, проспективный смысл словосочетания, составляющий коннотативный уровень его семантики, способствует скреплению отдельных эпизодов, текстовой когезии. Очевидно, посредством этого достигаются завершенность и устойчивость лейтмотивной структуры [18].

Следует отметить, что проза Лескова, монологическая по своей сути, подразумевает слияние голоса автора и героя, что связано с наличием некоторого общего знания: герой знает то, что известно

автору, становится сопричастным его мировоззрению, а сообщаемые автором факты становятся фактами в сознании его героев¹⁴. Автор как бы делегирует часть своих компетенций герою, который имеет возможность своим речевым поведением предвосхищать дальнейшее действие произведения.

В данном ракурсе роман «На ножах» представляется действительно завершенной формой, и одним из путей такого завершения можно назвать отождествление языковых формул с формулами сюжета, многократное повторение которых формирует лейтмотивную сетку текста. Описание лейтмотивной сетки текста открывает новые возможности в постижении перспективных и ретроспективных отношений между словами и словосочетаниями в художественном тексте.

В то же время перспекция в художественном тексте практически не находит вариантов лексикографического описания. Отчасти это объясняется интерпретационным характером такого метода, направленного, в первую очередь, на выявление семантического потенциала у коннотативных значений, в то же время остается открытым вопрос о самой форме представления материала [20]. Исходя из предварительных соображений, отметим, что предполагаемая статья в планируемом словаре сюжетных перспекций должна включать: 1) толкование слова / словосочетания; 2) описание концепта и его функции в художественной культуре; 3) «имманентный анализ» художественного текста, предполагающий аргументированный поиск корреляций между формулами разного уровня. Решение этой задачи и представление ее в упо-

¹⁴ Глава «Тик и так», объясняющая спасение Подозерова, по замечанию Ж.К. Маркаде, носит характер медицинского очерка. Здесь присутствует исключительно авторский голос. Однако в конце настоящей части Павел Горданов говорит: «Его спас *“тик и так”*; это редкостнейший случай». Таким образом, обнаруживаются прямая связь между автором и героем, тождество их внутреннего опыта. По нашему представлению, такой тип взаимоотношений автора и героя является особенностью поэтики Н.С. Лескова, поскольку здесь нет автора в абсолютно сильной позиции (принцип «автор знает то, что герою принципиально недоступно» [19. С. 120] здесь нарушается, потому что и автор, и его персонажи наделены общим знанием).

рядоченном словарном виде, на наш взгляд, позволяют найти новые точки пересечения в лингвистическом и литературоведческом анализе текста.

Литература

1. *Старыгина Н.Н.* Роман Н.С. Лескова «На ножах»: Человек и его ценностный мир. М., 1995. 114 с.
2. *Маркаде Ж.* Особенности поэтики Лескова. М.: Академический проект, 2006. 478 с.
3. *Старыгина Н.Н., Березина О.С.* Универсальные ситуации как пример литературной универсалии (на материале романа Н.С. Лескова «На ножах») // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 5 (20). С. 88–92.
4. *Суходольский Ю.С.* Роман Н.С. Лескова «На ножах» (генезис, поэтика, место в творчестве писателя): дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
5. *Гаспаров Б.М.* Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М.: Наука, 1994. 303 с.
6. *Sperrle C.* The organic worldview of Nikolai Leskov. Evanston, 2002. 288 p.
7. *Aizlewood R.* Leskov's Ledi Makbet Mtsenskogo uezda: Composition and Symbolic Framework // The Slavonic and East European Review. 2007. № 3.
8. *Евдокимова О.В.* Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова. СПб.: Алетей, 2001. 314 с.
9. *Сапченко Л.А.* Поэтика пространства в романе Н.С. Лескова «Некуда». Волгоград: Изд-во ВНИ, 2005. 358 с.
10. *Гаева И.В.* «Некуда»: тайны лесковского романа. Курган, 2007. 184 с.
11. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 2001. 720 с.
12. *Лесков Н.С.* На ножах // Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Терра, 2009. Т. 9. 944 с.
13. Дискурс лжи и ложь как дискурс: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Т.А. Трипольской. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012. 173 с.
14. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб.: Искусство, 2003. 612 с.
15. *Старыгина Н.Н.* Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2003. 352 с.
16. *Виницкий И.* Русские духи: спиритуалистический сюжет романа Н.С. Лескова «На ножах» в идеологическом контексте 1860-х годов // Новое литературное обозрение. 2007. № 87.
17. *Леденева В.В.* Особенности идиолекта Н.С. Лескова. М.: Изд-во МГПУ, 2000. 183 с.
18. *Чурилина Л.Н.* Концептосфера и прагматикон текстовой языковой личности (на материале романа Н. Лескова «На ножах») // Художественная концепто-

сфера в произведениях русских писателей : сб. науч. ст. Магнитогорск, 2008. С. 23–32.

19. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским вопросам гуманитарных наук. М. : Академия, 2006. 337 с.

20. Козлов А.Е. Перспективный смысл слова *катастрофа* в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» // Вестник НГПУ. 2015. № 2 (24). С. 183–192.

LESKOV'S *AT DAGGERS DRAWN*: PROSPECTIVE SEMANTICS OF THE CONCEPT "RECENT WOUNDS"

Tekst. Kniga. Knigoidanie – Text. Book. Publishing, 2017, 14, pp. 31–45.

DOI: 10.17223/23062061/14/2

Alexey E. Kozlov, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru.

Keywords: Leskov, discourse, prospect, formula of plot.

The article deals with the prospective senses of the “recent wounds” concept (and the anthonymic “old wounds”) in Nikolay Leskov’s anti-nihilist novel *At Daggers Drawn* (Rus. *Na nozhakh*) Research is based on papers and monographs by Sperrle, Aizelwood, Marcadé, Starygina, Vitinsky and Sukhodolsky. Modern dictionaries of the author discourse can present trivial semantics of words, idioms, sentences, but do not present prospective plot semantics.

In the first part of the article, the “semantic radius” of the titles of the novels *No-where* and *At Daggers Drawn* is analyzed. The communicative situations of Gordanov / Vanskok, Vanskok / Vyslenn, Gordanov / Vyslenn, as well as the change in the usual meaning of the word combination, the deformation of its semantics in the discourse of the active language personality (Gordanov), are considered. It should be noted that Leskov’s prose, monologic in essence, implies the merger of the voice of the author and the hero, which is due to the presence of some general knowledge: the hero knows what is known to the author, becomes involved in his worldview, and the facts reported by the author become facts in the minds of his heroes. The author as if delegates part of his competences to the hero, who has the opportunity to anticipate the further effect of the work with his speech behavior.

The second part of the article describes the emerging correlations between speech and plot formulas, when the characters find a certain embodiment in the plot of the novel. Of course, the prospective meaning of the word combination, which is the connotative level of its semantics, promotes the consolidation of individual episodes, text cohesion. Obviously, through this, the completeness and stability of the leitmotif structure is achieved.

From this point of view, the novel *At Daggers Drawn* seems to be a truly completed form. One of the ways of such completion is the identification of speech formulas with plot formulas whose repetition forms the leitmotif net of the text. The description of this net opens up new possibilities in understanding prospective and retrospective relationships between words and plot combinations in the artistic text.

In conclusion, it is stated that the lexicographic description of the prospective meaning of a word or phrase in an artistic text should imply 1) the interpretation of a word / phrase; 2) a description of the concept and its function in the artistic culture; 3) “immanent analysis” of the artistic text, suggesting a reasoned search for correlations between formulas of different levels. The solution of this problem and its presentation in the form of a dictionary, in the author’s opinion, allows to find new intersection points in the linguistic and literary analysis of the text.

References

1. Starygina, N.N. (1995) *Roman N.S. Leskova “Na nozhakh”: Chelovek i ego tsennostnyy mir* [N.S. Leskov’s “At Daggers Drawn”: Man and the world of his values]. Moscow: Prometey.
2. Marcade, J.-C. (2006) *Osobennosti poetiki Leskova* [Leskov’s poetics]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii proekt.
3. Starygina, N.N. & Berezina, O.S. (2015) Universal situations as an example of literary universal (based on the novel “At Daggers Drawn” by Nikolai Leskov). *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Mari State University*. 5(20). pp. 88–92. (In Russian).
4. Sukhodolskiy, Yu.S. (2004) *Roman N.S. Leskova “Na Nozhakh” (genesis, poetika, mesto v tvorchestve pisatelya)* [N.S. Leskov’s “At Daggers Drawn” (genesis, poetics, a place in the writer’s work)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Gasparov, B.M. (1994) *Literaturnye leytmotivy. Ocherki russkoy literatury XX veka* [Literary leitmotifs. Essays on Russian literature of the 20th century]. Moscow: Nauka.
6. Sperrle, C. (2002) *The organic worldview of Nikolai Leskov*. Evanston: Northwestern University Press.
7. Aizlewood, R. (2007) Leskov’s Ledi Makbet Mtsenskogo uezda: Composition and Symbolic Framework. *The Slavonic and East European Review*. 3.
8. Sapchenko, L.A. (2005) *Poetika prostranstva v romane N.S. Leskova “Nekuda”* [The poetics of space in Nikolai Leskov’s “No Way Out”]. Volgograd: VNI.
9. Gaeva, I.V. (2007) *“Nekuda”: tayny leskovskogo romana* [“No Way Out”: The Secrets of Leskov’s novel]. Kurgan: Kurgan State University.
10. Evdokimova, O.V. (2001) *Mnemonicheskie elementy poetiki N.S. Leskova* [Mnemonic elements of N.S. Leskov’s poetics]. St. Petersburg: Aleteyya.
11. Vinogradov, V.V. (2001) *Russkiy yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language. Grammatical doctrine of the word]. Moscow: Russkiy yazyk.
12. Leskov, N.S. (2009) *Sobranie sochineniy v 30 t.* [Collection of Works. In 30 vols]. Vol. 9. Moscow: Terra
13. Toporov, V.N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury. Izbrannye trudy* [The Petersburg text of Russian literature. Selected works]. St. Petersburg: Iskustvo.
14. Starygina, N.N. (2003) *Russkiy roman v situatsii filosofsko-religioznoy polemiki 1860-1870-kh godov* [Russian novel in the situation of philosophical and religious polemics of the 1860–1870-s]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.

15. Vinitskiy, I. (2007) Russkie dukhi: spiritualisticheskiy syuzhet romana N.S. Leskova "Na nozhakh" v ideologicheskom kontekste 1860-kh godov [Russian spirits: the spiritualistic plot of N.S. Leskov "At Daggers Drawn" in the ideological context of the 1860s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 87.
16. Ledeneva, V.V. (2000) *Osobennosti idiolekta N.S.Leskova* [N.S. Leskov's idiolect]. Moscow: Moscow State Pedagogical University.
17. Churilina, L.N. (2008) Kontseptosfera i pragmatikon tekstovoy yazykovoy lichnosti (na materiale romana N. Leskova "Na nozhakh") [Concept-sphere and pragmaticon of the text of a language personality (a case study of N. Leskov's "At Daggers Drawn")]. In: Polekhina, M.M. et al. (eds) *Khudozhestvennaya kontseptosfera v proizvedeniyakh russkikh pisateley* [The artistic concept-sphere in the works of Russian writers]. Magnitogorsk: Marry. pp. 23–32.
18. Kozlov, A.E. (2015) "The raw youth" of F. Dostoevsky: prospective semantic of the concept "catastrophe". *Vestnik NGPU – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2(24). pp. 183–192. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1502.18
19. Tripolskaya, T.A. (ed.) (2012) *Diskurs lzhi i lozh' kak diskurs* [Discourse of lies and lies as a discourse]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
20. Bakhtin, M.M. (2006) *Avtor i geroy. K filosofskim voprosam gumanitarnykh nauk* [Author and Hero. To philosophical questions of the humanities]. Moscow: Akademiya.

Т.А. Гридина, А.В. Кубасов

ИГРОВОЙ ТЕКСТ КАК ФОРМА АВТОРСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ (статья первая)

Аннотация. *Статья посвящена анализу параметров игрового текста в свете стратегий авторского художественного миромоделирования. Данная проблема рассматривается на материале творчества С.Д. Кржижановского, идиостиль которого отличается экспериментальным началом, выражаемым разными векторами языковой игры. Игровой текст понимается нами как особая форма создания условной художественной реальности, в которой коды языковой игры являются сюжетообразующим стрессом. Исключение игровых единиц из такого текста влечет за собой его аннигиляцию. Соответственно, используемая писателем игровая палитра «отзеркаливает» изменения его мировосприятия и миропонимания. В этом ключе в статье характеризуется фабульно-сюжетная канва рассказа «Бумага теряет терпение».*

Ключевые слова: языковая игра, игровой текст, стратегии языковой игры, художественное миромоделирование, игровой идиостиль.

Игровой текст – особая область литературного творчества. В определении этого феномена в литературоведческой и лингвистической парадигмах, однако, нет однозначности. В широком смысле статус игрового текста приписывается тем художественным произведениям, в которых используются различные приемы языковой игры, рассчитанные на привлечение внимания читателя к особой форме авторской речи и требующие декодирования лингвистической архитектоники «людического» слова (см., напр., [1]). При этом понимание языковой игры получает разную трактовку в зависимости от избираемой исследователями точки отсчёта в обосновании сущностной (онтологической) и функциональной природы этого многомерного явления. Предваряя анализ игрового текста как формы художественного миромоделирования, считаем важным обозначить два основополагающих для нашего исследования постулата.

Первый касается определения языковой игры как особой формы лингвокреативного мышления, основанного на механизмах ассоциативного переключения стереотипов, проявляющих способность неординарного языкового самовыражения личности. Творческая (эвристическая) сущность языковой игры связывается при таком походе, во-первых, с осознанной прагматической установкой на деавтоматизацию, создание нестандартного контекста восприятия языковых знаков; во-вторых, с операциональными процедурами, в том числе с различными лингвистическими кодами языковой игры, направляющими восприятие адресата в нужное русло; в-третьих, с многомерной ассоциативной обработкой, обуславливающей моделирование и дешифровку игровой трансформы в сравнении с породившим её прототипом (от конкретного слова и словоформы до целых текстов и идиостилей) [2. С. 12–33].

Второй постулат касается собственно определения сущности игрового текста как отражения авторского мировидения. Использование «техники» языковой игры в таком тексте является важным ресурсом обнаружения потенциала словесных знаков и задаёт необходимые автору художественного произведения регистры речетворчества. Однако дискретные функции игровых трансформ ещё не определяют сущность игрового текста. Собственно игровой текст – это текст, в котором языковая игра является сюжетообразующим началом, основным стрижнем трансляции авторской идеи. Эвристическая функция языковой игры выходит в таком тексте на первый план в качестве особой стратегии, в которой проявляет себя условность художественного мира, построенного на парадоксе. Языковая игра выступает не только и не столько занимательной словесной аранжировкой авторского замысла, сколько кодом к его пониманию [3]. Исключение игровых единиц из такого текста влечёт за собой его аннигиляцию [4, 5]. Неотъемлемой чертой игрового текста является диалогическое взаимодействие с читателем, способным к дешифровке использованных автором нестандартных языковых кодов.

Языковая игра как черта художественного мышления ярко проявляется у писателей креативного типа, для которых воплощение замысла в изысканной, интеллектуально насыщенной форме не

менее значимо, чем актуальная злободневность и идейно-идеологическая подоплека произведения для писателей иного толка. Именно к числу писателей-креаторов принадлежит С.Д. Кржижановский, тяготеющий к экспрессионистской манере [6]. Это писатель, чей творческий почерк отличается высокой степенью игровой насыщенности и философской глубины. Его новеллы – «ярчайший образец интеллектуальной прозы, они изящны, как шахматные этюды, но в каждой из них ощущается пульс времени и намечаются пути к вечным загадкам бытия» [7. С. 1]. Используемые Кржижановским стратегия и разные коды языковой игры построены на принципе сдвига, меняющем привычный ракурс восприятия изображаемого. «Странное слово» С.Д. Кржижановского – та призма, сквозь которую просвечивают и игра языка, и игра авторской мысли.

Для игрового идиостиля писателя характерны: 1) провокативный характер игровых трансформ, нарушающих пресуппозиции смысловой сочетаемости слов и морфем (ср.: «Мухослон», «Чем люди мертвы», «Сбежавшие пальцы» и т.п.), – такая оксюморонная актуализация получает «разрешение» в сюжете; 2) игровая трансформация и буквализация фразем (ср. «Когда рак свистнет»); 3) транспозиция слов одной части речи в другую, определяющая функционирование лексем по «законам» игровой грамматики и семантики («Чути-чути», «Страна нетов»); 4) обыгрывание этимологической перспективы и ретроспективы узуального слова («Странствующее “Странно”»); 5) словообразовательные новации, образующие текстовые парадигмы и цепочки, «отзеркаливающие» символику ключевой игры (ср. «Квадратури́н» и *оквадрату́ринить*, «Страна нетов» и *нетствующая философия* и др.) [8. С. 191–206].

При жизни С.Д. Кржижановский практически не публиковался и не был известен в широких читательских кругах. В одном из писем к А.Г. Бовшек (от 17.07.1925) он со свойственной ему самоиронией замечает: «Источник моих всегдашних горестей – литературная невезятина». Его «внутренняя эмиграция» выразилась в сознательном отказе писать о той абсурдной действительности, которая не соответствовала его миропониманию (1940–1950 гг. –

это «полоса молчания / отчаяния» в его творчестве). Соответственно, используемая писателем игровая палитра отражает и изменения его мировосприятия и миропонимания, в том числе и кризисные явления авторского художественного сознания.

Чрезвычайно показателен в этом отношении рассказ «Бумага теряет терпение», который замыслился писателем еще в 1920-е гг. и сохраняет генетическую связь с произведениями, которые, безусловно, являются вершинными в его творчестве. Однако замысел рассказа был реализован позже, поэтому произведение отличают симбиоз новаторства и уже отработанной игровой техники, некое снижение градуса оригинальности и сюжетной целостности, свойственной ранним рассказам писателя. В. Перельмутер пишет: «Метафора, на которой построен этот “эскиз”, впервые появляется у Кржижановского в повести “Штемпель: Москва” (1925), куда, надо полагать, попадает в результате работы (годом раньше) над статьей “Алексия” для “Словаря литературных терминов”. Логика развития образа выглядит примерно так: если “листы” мозга, на которых “записан” алфавит и всё связанное с умением читать, в один далеко не прекрасный день вдруг могут оказаться чистыми, пустыми, почему бы совершенно тому же не произойти и с бумагой, на которую это умение обычно нацелено? Затем – сознательный отказ от бумаги и букв (“Клуб убийц букв”, 1926) и “прощание с алфавитом” в финале “Возвращения Мюнхгаузена” (1927–1928). Через одиннадцать лет после “эскиза” метафора трагически реализовалась в жизни автора» [9. Т. 3. С. 618]. По воспоминаниям А.Г. Бовшек (жены писателя), из-за инсульта он лишился возможности говорить и писать: «Врач констатировал спазмы в мозгу: парализовался участок памяти, хранивший алфавит...» [Там же].

В рассказе «Бумага теряет терпение» проявляется общая для игрового идиостиля С.Д. Кржижановского стратегия сюжетостроения и художественного миромоделирования. Выдвигая парадоксальную посылку о возможности какого-то невозможного события (как и во многих других своих новеллах-фантазмагориях), писатель развивает эту идею в собственной версионной перспективе, опрокидывающей расхождение истины. Реализация такой креативной страте-

гии текстопорождения проявляет характерные для идиостиля писателя приемы языковой игры, экспериментальный ресурс которой он использует для филигранного оттачивания мысли – расстановки оценочных акцентов, создания философского подтекста.

Фабульная основа игрового текстового нарратива в рассказе «Бумага теряет терпение» заложена, как это свойственно писателю, в самом названии. Невероятная ситуация, когда бумага, теряя терпение, сбрасывает с себя груз всего на ней написанного, возвращаясь к первоизданной чистоте, смоделирована буквализацией и отрицанием переносного смысла выражения «бумага всё стерпит»¹.

Уже в этой экспозиции заявлен сквозной для С.Д. Кржижановского мотив: конфликт (противоречие) между *кажимостью* и *сущностью*. Написанное на бумаге не есть истинное, «...бумага терпит. Терпит: и ложь, и гнусь, и опечатки, и грязную совесть, и дешевый пафос. Всё» [9. Т. 3. С. 148]. Но вот наступает (по воле авторской фантазии) момент, когда бумаге «надоело нести на своих плоских покорных листах буквы, буквы и снова буквы; мириады бессмыслиц, притворившихся смыслами, нудный дождь слов, от которого не то лужи, не то книги – не разберёшь» [Там же]. В нарочитом подчеркивании противоположных значений однокоренных слов – игра антонимических «превращений», перетекание реальности в мнимость (*бессмыслицы, притворившиеся смыслами*); тот же мотив относительности истины, заключенной в словах, создается метафорическим выражением *дождь слов* и буквальным планом описания пейзажа, на фоне которого разворачивается действие (*«капли дождя, спорящие о том, что сейчас – осень или зима»*); ассоциативно подключается к этому ряду и противопоставление *«не то лужи, не то книги»*). Буква – только знак, а не подлинность, как и слово, состоящее из букв².

В олицетворенном ключе (в виде развернутой метафоры) описывает С.Д. Кржижановский сам процесс изготовления бумаги, у

¹ Ср. также ассоциативно всплывающий афоризм «*Что написано пером – не вырубишь топором*».

² Тот же мотив мнимости, подлога буквы, имени, самого стоящего за этим именем человека звучит и в новелле Кржижановского «*Чути-чути*».

которой «своя трудная долгая жизнь, своя нелегкая школа: сперва она растет, врывшись в землю корнями, и шумит облакам, проплывающим над ней кусками серой оберточной бумаги, потом её отпиливают от корней, кладут под затиск прессующих машин бумагоделательного завода, торят в чанах, полных кипятку, сушат, мнут... Да к чему об этом вспоминать?..» [9. Т. 3. С. 148]. Машины, научившие бумагу терпению, уступают место буквам: «Теперь её плоские белые листы обучают грамоте. По ней бьют острыми свинцовыми буквами, в неё втискивают смазанные краской матрицы. Бумага терпит. До времени» [Там же. С. 148–149].

Сам прецедент, когда бумага «отшвырнувшая от себя типографские шрифты, вместе с буквами заставила отступить и цифры», метафорически представлен как «короткий, но решительный бой, который можно было бы назвать сражением под Табула-Раза» [Там же. С. 149]. Аллюзия на известное латинское выражение задает разные ассоциативные векторы: ср. ребенок – *tabula rasa*, *чистый лист*, *начать с чистого листа*, *переписать начисто* и т.п. Обыгрывание этого батального «мыслеобраза» получает у С.Д. Кржижановского множество вербальных маркеров: «...бумажное поле битвы осталось снежно-чистым; типографские знаки, бежавшие в свои машинные убежища, буквы, разбившиеся повзводно на алфавиты...» [Там же]. Ресурс языковой игры, используемый С.Д. Кржижановским, включает в себя перефразированные прецедентные высказывания: «...одно из правофланговых А, широко расставив пятки, сказала: – Довольно нам позволять ваксить себя типографской краской, довольно таскать на свинцовых спинах их дурацкие смыслы, довольно – говорю я – бить лбом по бумаге!» [Там же]. Здесь явно прочитывается прототип *бить челом*, замена в составе которого создает эффект ситуативной актуализации смысла исходного выражения (ср. также: *биться головой об стенку*). Протест, нежелание букв подчиняться чьей-то воле, «притворяясь длинными, во весь диаметр мира протянувшимися смыслами» [Там же], выражен игровыми фразеотрансформациями и сопровождающими их импликатурами. Сюда подключаются и библейские аллюзии: «И мириады азбук, построившись в строгом

школьном порядке, начали исход» [9. Т. 3. С. 149] (ср.: исход евреев из Египта под предводительством Моисея). Ирония по поводу школьного порядка прочитывается по контрасту с прецедентным смыслом слова *исход*.

Исход из страны газет, журналов и книг, *«усталых до последних букв»*, исчезновение всех вывесок, превращение в чистую бумагу всех денежных документов и прочего знаменует начало цепной реакции на это событие разных людей – продавца газет, кухарок, литературного критика господина Д., влюбленного молодого человека, старого чудака-«экс-философа», наконец, мальчика, которому во сне открывается *«зов бумаги к буквам: вернуться и служить не лжи, а правде»*.

Именно реакция этих персонажей на происходящее – индикатор авторского отношения к излагаемой версии развития событий.

В каждом из эскизно намеченных образов доминирует некая типическая деталь, соединяющая мир книг, букв, бумаги и человека, зависимого от этого второго, им же самим созданного мира.

Первый персонаж – метранпаж одной из утренних газет, сидящий «у желтой лампочки под *бумажными змеями* гранок» [Там же]. «Змеиная» метафора прочитывается в данном ситуативном контексте как некий визуальный образ верстаемой (еще не сверстанной) газеты и одновременно как символ содержания печатного издания, откликающегося «на злобу дня», подчиняющего себе массы (ср.: *змеиный яд, змеиное коварство, змеиное шипение*). «Шорох уходящих прочь из страны газет, журналов и книг, перетруженных, истёртых о бумагу, усталых до последнего букв» [9. Т. 3. С. 149] вызывает у профессионального работника печати «иллюзию слуха» (ему чудится «шуршание мышей под полом») (ср. примету о бегстве крыс с тонущего корабля как возможную оценочно-ироническую импликацию восприятия данного фрагмента).

Персонаж, ставший первым свидетелем исхода, – старик, разносчик утренних газет, продавший покупателю вместо газеты «вчетверо сложенный пустой бумажный лист. <...> С этого и началось» [9. Т. 3. С. 150]. Круговерть бытовых событий, последовавших за исчезновением букв, описывается С.Д. Кржижановским

в ироническом ключе: «Кухарки, вышедшие с промасленными саквояжиками для закупки всего, необходимого желудкам их хозяев, оказались в довольно трудном положении. Они искали привычных вывесок и находили лишь длинные и узкие, похожие на рыцарские щиты, лишенные девизов, железные прямоугольники, с которых все их буквы, дутые и литые, уползли куда-то прочь, солидаризируясь с типографскими алфавитами» [Там же].

Возникающую метафорическую аналогию с покинутым воинами полем битвы дополняет авторская языковая игра, имплицитно кодирующая мотив мнимой значимости исчезнувших букв (из которых складываются не девизы на рыцарских щитах, а надписи на вывесках магазинов (ср. определения *дутые*, *литые* – о форме букв и способе их изготовления и *дутый* в значении «обманный, ненастоящий», выражение *лить воду* – о пустой, бессодержательной речи).

Следующий виток в развитии сюжета обращает читателя к образу книги без текста, предваряемому описанием случившейся сумятицы в книжных магазинах, двери которых «...хлопали, как заслонки труб, выбрасывающих выхлопные газы. Длинные вереницы людей вталкивались и выталкивались из книжных лавок, перебрасываясь короткими взволнованными словами. Приказчики лавок избегали по лесенкам, скользили пятками по их ступенькам вниз: перед их испуганными, по-рачьи выпученными глазами были тихо шуршащие, пустые, как небо в безоблачную погоду, тщательно переплетенные в кожу, сафьян и картон книжные белые листы» [Там же]. Передаваемая в этом фрагменте атмосфера непредвиденной (невероятной) ситуации подчеркнута антонимической игрой окказиональных глаголов *вталкиваться* и *выталкиваться* (о людях), коррелирующих с метафорой «выброса производственных отходов», а также сравнительным оборотом, выражающим крайнюю степень удивления – *по-рачьи выпученные глаза приказчиков* при виде чистых книжных страниц, с которых исчез текст. На этом фоне проявлен иронический пафос по поводу литературной критики, формальной и бессмысленной. Фраза о литературном критике господине Д., «которому нужно было закончить к одиннадцати дня статью о...» красноречива своей незакон-

ченностью: «Он еще не знал с полной точностью, что нужно было написать в заглавной строке после начинающего ее “О”. Окончание его очерка даже снилось ему этой ночью» [9. Т. 3. С. 151]. Не обнаружив (в связи с описанными выше событиями) начатой рукописи, критик прибегает к единственно доступной ему форме – поиску пришедшего на его имя официального «извещения от журнала, которому сегодня же было необходимо доставить законченную статью». Однако и эта бумажка, лежавшая под тяжелым пресс-папье, оказалась пуста, «...и только посредине ее дергалась одна, полураздавленная тяжестью пресса, издыхающая буква дзет. Критик брезгливо сощелкнул ее ногтем указательного пальца и задумался» [Там же]. «Не будем ему мешать в этом», – резюмирует автор. *Задуматься* для этого, с позволения сказать, критика чужих произведений – такой же нонсенс, как написать что-то стоящее, настоящее, нешаблонное. Попытка следовать за пустой формой «убивает» живую мысль (ср. символически обыгрываемую деталь: отброшенная, *«полураздавленная тяжестью пресса, издыхающая»* буква дзет, не воплотившаяся в слово, – это осколок, начальная буква имени критика Д.).

В противовес приведенной почти карикатурной зарисовке следующий эскизно (в несколько строк) обрисованный персонаж («*молодой человек*», в котором «*самое замечательным было то, что он м о л о д о й человек*») представляет совсем иную ипостась отношения к написанному слову. Намеренное тавтологическое усиление характеристики *молодой молодой человек* подкрепляется семантической игрой по принципу ассоциативного наложения³: «В его молодом сердце была молодая любовь» [Там же]. Этот акцент на слове *молодой* не случаен: в нём заключён смысл новизны чувств, остроты их переживания и самого сильного их проявления – любви. Этот молодой человек «...написал письмо – вы догадываетесь кому, – бросил его в железный рот почтового ящика и,

³ Операциональные принципы языковой игры, моделирующие ассоциативный контекст игровой трансформы (ассоциативная интеграция, ассоциативное наложение, ассоциативная выводимость, ассоциативная провокация, ассоциативная идентификация, игровая имитация) выделены Т.А. Гридиной в: [2].

случайно очутившись перед одним из вокзалов большого города, в котором он жил, заслышав пение паровозных свистков, взял билет до ближайшего подгородного леса – и до глубокого вечера бродил среди нагих деревьев, думая только о двух словах: “да” и “нет”. Которое из них вернется к нему в конверте ответного письма? <...> В эту-то ночь и совершился великий исход букв» [9. Т. 3. С. 151–152].

Полученный им на утро конверт был абсолютно чист, «на нём не было ни одной буквы. Но от него исходил легкий запах резеды, её любимых духов. Дрожащими руками молодой человек вскрыл конверт и почти в то же мгновение в испуге уронил его на пол. Из конверта черными насекомыми выпрыгивали чернильные буквы <...> он видел – видел своими собственными глазами, – как маленькое слово “люблю”, выпрыгнув из конверта, бросилось врассыпную и растаяло в воздухе. Молодой человек в течение одной минуты успел превратиться в человека не столь молодого» [Там же]. Языковая игра в этой зарисовке принимает характер реализованной метафоры «любовь ушла, растаяла», но в том-то и дело, что ушла не сама любовь – на глазах влюбленного молодого человека рассыпалось и исчезло лишь слово «люблю», собственно, ожидаемое им ответное «да». Диктат слова над чувством и есть истинная трагедия. Любовное послание, проглоченное *железным ртом почтового ящика*, и ответное письмо в виде чистого листа с исчезнувшими (распавшимися на буквы, сбежавшими) словами – звенья одной трагической цепи отношений через «бумажное посредство». Нет слова «люблю» – и нет признания в любви, а простые «да» или «нет» могут определять исход любви, судьбы и даже чьей-то жизни (хотя последняя всегда сложнее, чем то, что написано на бумаге).

Но поистине всесильную власть писаное слово получает в сфере канцелярских отношений, не признающих никакого другого закона, кроме скрепленного печатью постановления. Об этом следующая, эскизно намеченная сюжетом версия последствий бумажного бунта. Экспериментальный ресурс языковой игры востребован в этом отрывке в полной мере как средство обнажения

абсурда формы без содержания: «От дипломатических пактов и договоров, писанных на упругой веленовой бумаге, остались только унылые, восковые или сургучные диски печатей, скрепляющие – увы – внезапно вторгшуюся пустоту» [9. Т. 3. С. 153]. Метафорически представлен процесс «обрушения» мнимой смысловой значимости документально закрепленных общественных предписаний: «На фабриках мнений, на биржах идей разрасталась паника: покорные буквы, послушные тексты, груженные якобы – смыслами, рухнули в небытие, оставляя пустые линейки, холодный снежный фирн альпийских полей, на которых не возрасти самой никлой травине» [Там же].

Вновь педалируется тема, заданная названием «Бумага теряет терпение», но теперь уже в форме категоричной констатации: «Бумага восстала, перечеркнула свое терпение» [Там же]. К разработке этой темы С.Д. Кржижановским подключается и имитационный принцип языковой игры – воображаемое обсуждение сложившейся ситуации в стиле военных стратегий и тактик подавления бунта (с использованием «милитарных» метафор): «Надо её (бумагу. – *Авт.*) опять вогнать в стальные зажимы машин, расстрелять ударами свинцовых букв» [Там же]. Поддерживает игровую стилизацию изобличения инакомыслящих демагогический вектор «навешивания ярлыков», транслирующий идеологические максимы советского времени: «Буквы бежали, предали великое дело культуры» [Там же]. И, как обычно, довершает этот абсурд решение чиновников от культуры использовать вместо бежавших букв оставшиеся, «и то в немногих типографиях, несколько сотен знаков препинания. Главным образом многоточия, вопросительные и восклицательные знаки. Магистрат столицы, решивший биться до конца, оттиснул на летучих листках сотню восклицательных знаков, под которыми были построены в две шеренги цепи многоточий» [Там же]. Блестяще смоделированный С.Д. Кржижановским эффект ассоциативного наложения достигается актуализацией лингвистической символики знаков препинания в сочетании с ситуативной «военно-строевой» символикой выражений *построится в шеренги, биться до конца*. Декларатив-

ные лозунги и призывы, лишенные реального содержания, – неотъемлемый атрибут советской риторики (ср. в этой связи тот факт, что С.Д. Кржижановский был глубоко разочарован современной ему действительностью и не принимал «устава» обезличенности и коллективной эйфории). Восклицательные и вопросительные знаки, а также многоточия – отражение тупиковой ситуации, когда за текстом не стоит реальность или стоит только неопределенность⁴. Так и в описываемой ситуации: вывешенные листовки с «сотней восклицательных знаков» не приводят к желаемому успокоению общества: «Скорее, наоборот: обыватели, скользнув глазом по лесу восклицаний, неизвестно о чем восклицающих, прятали угрюмые лица в поднятые воротники пальто и под морозящим многоточием дождя, вопросительно согнув спины, быстро проходили дальше» [9. Т. 3. С. 153]. Мотивационная игра (*восклицающие восклицания*) и перекликающиеся с прямым смыслом названий знаков препинания метафоры (*многоточие* дождя, *выгнутые*, как *вопросительные знаки*, *спины* прохожих) передают авторскую иронию и скепсис в отношении обывательской психологии безразличия, не принимающей во внимание ничего, что не входит в круг повседневных насущных потребностей. Это, как иронически замечет автор, ссылаясь на слова «ипохондрика Гамлета», люди, которые «меряют жизнь “сном и обедом”» [Там же].

Совсем другой человеческий типаж показан С.Д. Кржижановским в образе начинающего, очень юного поэта, который жил лишь «своими собственными целующимися рифмами» и испытал «искреннюю радость» от того, что купленный им газетный лист «абсолютно пуст» («Ему как раз нужно было набросать начало новой поэмы – и услужливая белизна газетного листа была очень кстати») [9. Т. 3. С. 155]. Но пустыми оказались и страницы в пачке его собственных книг, только что выпущенных и забранных им из издательства. Этот казус, произошедший с поэтом в день «вос-

⁴ Заметим, что символика знаков препинания является для С.Д. Кржижановского философски нагруженной; ср., например, новеллу «Старик и море», где занятием главного героя является изготовление вопросительных знаков, которые, к сожалению, не дают ответа, а умеют только спрашивать.

стания букв», мог закончиться плачевно. «На следующий день в хронике самоубийств появилась бы, наряду с другими, краткая заметка о... Но на следующее утро никаких газет не было. Следовательно, не было и заметки» [Там же]. Остроумие предложенной писателем развязки обнажает характерный для игрового идиостиля С.Д. Кржижановского прием контрверзы (расхождения в суждении, мнении): выбранная точка отсчёта (новое измерение) события меняет его отрицательную оценку на положительную (и наоборот). Парадоксальный сдвиг основан на постулате «нет слова – нет объекта; нет сообщения о самоубийстве – нет и самого самоубийства»).

Можно ли воспринимать мир таким, каков он есть, освободившись от словесной (книжной) зависимости в мыслях о нём?

Думается, именно об этом эскиз про одного старого чудака, экс-философа, *«запутавшегося в счете своих годов»*. «Когда-то он читал курс истории философии в одном из колледжей страны, но сейчас философски доживал жизнь на куцую пенсию и думал или о прошлом, или о будущем. Настоящее его не интересовало» [Там же. С. 155–156]. Посыл о высоком социальном статусе персонажа, заслуживающем уважения и признания в обществе (*преподавал философию*), не оправдывается (*философски доживал жизнь на куцую пенсию*), переводя высказывание в ироническое русло. Согласно принципу ассоциативной провокации, каламбурно обыгрываются научный и профанный смыслы сближаемых (однокоренных) слов *философия* и *философски*. Старик-«экс-философ» живет прошлым и будущим и сам факт бумажного бунта воспринимает как закономерную кару (наказание) для тех, кто оскверняет своим отношением к книге запечатленные в ней высокие духовные ценности (культурные, философские): ««Так им и надо, – думал он, – давно уже ее нужно выстирать – и начисто – снежно-белую Эриду Гёте и Гегеля – от прилипших к ней мушиных точек». Он хотел было записать эту мысль, но вспомнил, что сейчас это невозможно, – и длинный рот старого чудака стал ещё длиннее от улыбки, обнажившей пустые блеклые дёсны» [9. Т. 3. С. 156]. Быть может, за этой улыбкой философа – понимание ценности мысли, не отягощённой ложью, фальшью, словесной упаковкой, искажающей её суть.

Следующий эскиз – исчезновение не только букв, но и цифр – «пустые деньги» – доводит воображаемую ситуацию до абсурда: «У держателей векселей, у собственников, чьи бумажники и сейфы хранили пачки банкнотов, оказались на руках документы, лишённые подписей, до их росчерков включительно, и пустые, упругие, шелестящие под нажимом пальцев прямоугольники, которые раньше назывались бумажными денежными знаками. Они оставались и сейчас бумажными, но не... денежными» [Там же].

За характерными для С.Д. Кржижановского гротеском, иронией, доходящей до сарказма, стоит абсолютное неприятие мира официальной лжи, заложенной в обмане на самом высшем (государственном) уровне фетишизации ложных ценностей. Чего стоит хотя бы пассаж об «одном из либеральных ораторов», который «в эти трудные дни в представительном органе страны говорил, что любой гражданин при первом же прикосновении к кредитной бумажке легко узнает – “*пальцами и душой*” (выделено нами. – *Авт.*) – её цену, как при первом прикосновении к своей жене легко узнаёт, что это именно его жена, а не чья-нибудь другая» [Там же]. И, подчиняясь подобным призывам верить тому, чего нет, к «расходным кассам» выстраиваются понурые цепи очередей (явно символическая примета жизни *homo soveticus*. – *Авт.*).

Бумажный бунт вскрывает эфемерность «буквальной» веры всему, что написано, и являет собой кажимость, а не сущность. Но есть и другая сторона медали – нет слова и нет объекта. Нет бумажной лжи, но нет и бумажной правды.

Финальный фрагмент рассказа в известной степени предсказуем и в каком-то смысле задан дидактической подоплекой самого названия. Он (этот последний эскиз) о простом служащем при типографии, «мальчике», который уснул в опустевшем помещении на кипе бумажных стопок, «притиснувшись к бумаге правым ухом». «Ему снилось: белая бумага пучится и шевелится, стараясь ослабить тугой зажим шпагатного пояса; она на что-то жалуется, на свое бумажное горе, но тут же нервно шелестит, что, вот, пустота её теперь не так пуста, как та, прежняя, покрытая шеренгами букв. <...> ему снилось: бумага тихо вздыхает, она ласково просит

сказать людям, что...» [9. Т. 3. С. 157]. И вот наутро отец мальчика, маляр, пишет по разложенному на столе листу «под диктант сына»: «Я, бумага всего мира, бумага завещаний, трактатов, газет, малых писем от человека к человечеству, — я зову вас, братья буквы, вернуться ко мне, но не ранее, чем вы поклянетесь до последней капли типографской краски⁵ вместе со мною служить правде — и только правде — и не позволять человеку не быть человеком и не любить в другом самого себя» [Там же. С. 158].

И свершается «чудо»: буквы, которым «никак ведь не быть без придумавшего их человека», возвращаются в «наш такой плохой и хороший мир» [Там же]. Это пишет как будто уже совсем не писатель-креатор, а писатель-резонер. Последний яркий штрих в заключении рассказа — намек на выдуманность всей истории по причине отсутствия «документов и свидетельских показаний о тех четырех днях, когда бумага жила в разлуке с алфавитом <...> и болела абсолютной пустотой» [Там же] — не спасает от ощущения дидактичности, некой назидательности и искусственности финала.

Абсолютно очевидно, что рассказ «Бумага теряет терпение» — продолжение сквозной для С.Д. Кржижановского темы взаимоотношения буквы и смысла, и здесь звучит трагически воплотившийся в судьбе поэта страх потери «алфавита» как некоего кода материализации мысли. Но, в отличие от ранних его новелл, где данная тема развивается фантазмагорически, где он ведёт читателя через сложные лабиринты изоощренной языковой игры, где каждый игровой ход знаменует развитие мысли (ср.: «Клуб убийц букв», «Чути-чути»), этот его поздний эскиз (1939 г.) обнаруживает распад текстовой целостности, сюжетную дискретность, которая не получает логического завершения.

Да и в счастливый финал этой выдуманной истории вряд ли сам писатель верит. С учётом обстоятельств жизни Кржижановского — непризнанность, непубликуемость, тоталитарная государственная

⁵ Отметим этот единственный в данном фрагменте, легко считываемый приём обыгрывания фраземы *до последней капли крови* как слишком очевидный на фоне приведенных выше метафор: сама мысль передается излишне прямолинейно, что совсем не свойственно С.Д. Кржижановскому.

фальшь, которые были ему глубоко чужды, как и вообще всякий диктат над личностью, – умозрительность и утопичность предложенного финала очевидны. Усталость души переходит в «усталость» пера.

И вместе с тем отмеченные кризисные явления в идиостиле С.Д. Кржижановского не носят тотального характера и не отменяют уникальности его игровой манеры. Блестяще смоделированные писателем эффекты ассоциативного наложения, ассоциативной выводимости, ассоциативной провокации и т.п., проявляющиеся в разного рода фразеологических аллюзиях, оксюморонах, метафорических преобразованиях, образной гротескной символизации, углубленной этимологической рефлексии словом, иронической дискредитации официозного пафоса «бумажной лжи», в полной мере отражают сюжетообразующую стратегию языковой игры в реализации авторского замысла. Обобщая сказанное, особо подчеркнем, что в творчестве С.Д. Кржижановского игровой текст предстает как инструмент общения с читателем в условно-реальном ключе, оставляя открытой зону интерпретации смоделированных языковой игрой художественных миров.

Литература

1. *Рахимкулова Р.Ф.* Олакрез Нарцисса: проза Владимира Набокова в зеркале языковой игры. Ростов н/Д, 2003. 320 с.
2. *Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996. 214 с.
3. *Гридина Т.А.* «Делать из мухи слона»: ассоциативные проекции игрового слова в художественном тексте // Лингвистика креатива / под общ. ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2012. 378 с.
4. *Гридина Т.А.* Рефлексивная составляющая игрового текста // Подробности словесности : сб. статей к юбилею Л.В. Зубовой. СПб. : Свое издательство, 2016. С. 101–107.
5. *Гридина Т.А.* Коды языковой игры в художественном миромоделировании (виртуальные миры С.Д. Кржижановского) // Язык художественной литературы: традиционные и современные методы исследования : сб. науч. ст. по материалам междунар. конф. памяти Н.А. Кожевниковой. М. : Азбуковник, 2016. С. 459–469.
6. *Кубасов А.В.* Креативные стратегии литературы русского экспрессионизма: случай С.Д. Кржижановского // Лингвистика креатива-2 / под общ. ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, 2012. 378 с.

7. Кржижановский С.Д. Тринадцатая категория рассудка : повести и рассказы. М., 2006. 640 с.

8. Гридина Т.А. Игровой субязык С.Д. Кржижановского // Русский язык в многогранном социокультурном пространстве / отв. ред. Б.М. Гаспаров, Н.А. Купина. Екатеринбург, 2014. 324 с.

9. Кржижановский С.Д. Собр. соч. : в 6 т. / сост., подгот. текста и ком. В. Перельмутера. М. : Б.С.Г.-Пресс ; СПб. : Симпозиум, 2001–2013. Т. 1–6.

GAME TEXT AS A FORM OF AUTHOR'S ARTISTIC WORLD MODELING. PART 1

Tekst. Kniga. Knigoidanie – Text. Book. Publishing, 2017, 14, pp. 46–63.

DOI: 10.17223/23062061/14/3

Tatyana A. Gridina, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Aleksandr V. Kubasov, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: kubas2002@mail.ru

Keywords: language game, game text, strategy of language game, artistic world modeling, game idiostyle.

The work is devoted to the analysis of the game text parameters in the light of the author's artistic world-modeling strategies. This problem is considered on the material of S.D. Krzhizhanovsky's creative work, whose idiostyle is distinguished by an experimental origin, expressed by different vectors of the language game. The game text is understood as a special form of creating a conditional artistic reality, in which the codes of the language game are a plot-forming axis. The exclusion of game units from such text entails its annihilation. Thereafter, the game palette used by the writer mirrors the changes in his worldview and world outlook. The article characterizes the plot-story line of "The Paper Loses Patience": the symbolic meaning of this name is revealed against the background of the prototypical phraseologism "paper will endure all". The exposition itself gives the motive which is cross-cutting for Krzhizhanovsky: a conflict (contradiction) between appearance and essence. Brilliantly modeled effects of associative imposition, associative derivability, associative provocation and so on are manifested in various kinds of phraseological allusions, oxymorons, metaphorical transformations, figurative grotesque symbolization, deep etymological reflection and ironic discredit of the official pathos of "paper lies". The language game is the key principle of Krzhizhanovsky's idiostyle and a bright indicator of the originality and refinement of the author's design: it reflects the crisis changes in the artistic consciousness of the writer. In the late period of creativity, the playful writing of the author acquires the character of a certain non-originality, fragmentation in the organization of the plot, as well as some didacticity, and the toolkit of the language game becomes more obvious, losing the depth of implicit meanings. Such phenomena, however, do not abolish the uniqueness of the writer's manner and are found not in the whole work, but in some parts or details only, particularities of the form, in simplification of the composition

structure, reduction of the game principle and in some banal conclusions and generalizations. Thus, the final fragment of the analyzed story is predictable to a certain extent, set by the “moralizing” doctrine of eradicating the general lie and reviving the trust in the word. The miracle of ending the paper revolt is presented as an embodied implementation of a dream about the repentance of letters and figures and their new mission to bring truth to people. Taking into account the circumstances of S. Krzhizhanovsky’s life: unrecognized, unpublished, bound by the totalitarian state falsity, which was completely alien to him like any dictatorship over personality, the speculative and utopian nature of the proposed final is obvious. In general, the game text in the case of S.D. Krzhizhanovsky appears as an instrument of communication with the reader in a conditionally real manner, leaving an open interpretation zone for the artistic worlds modeled by the language game.

References

1. Rakhimkulova, R.F. (2003) *Olakrez Nartsissa. Proza Vladimira Nabokova v zerkale yazykovoy igry* [Olakrez of Narcissus. Vladimir Nabokov’s prose in the lens of the language game]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
2. Gridina, T.A. (1996) *Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo* [Language game: Stereotype and creativity]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
3. Gridina, T.A. (2012) “Delat’ iz mukhi slona”: assotsiativnye proektsii igrovogo slova v khudozhestvennom tekste [“To make a mountain of a molehill”: Associative projections of a game word in the art text]. In: Gridina, T.A. (ed.) *Lingvistika kreativa* [Linguistics of creativity]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 272–289.
4. Gridina, T.A. (2016) Refleksivnaya sostavlyayushchaya igrovogo teksta [Reflexive component of the game text]. In: Sukhovey, D. (ed.) *Podrobnosti slovesnosti* [Details of literature]. St. Petersburg: Svoe izdatel’sтво. pp. 101–107.
5. Gridina, T.A. (2016) [Language game codes in the artistic world-modeling (virtual worlds of S.D. Krzhizhanovsky)]. *Yazyk khudozhestvennoy literatury: traditsionnye i sovremennye metody issledovaniya* [Language of Fiction: Traditional and Modern Methods of Research]. Proc. of the International Conference. Moscow: Azbukovnik. (In Russian).
6. Kubasov, A.V. (2012) Kreativnye strategii literatury russkogo ekspressionizma: sluchay S.D. Krzhizhanovskogo [Creative strategies of the Russian expressionist literature]. In: Gridina, T.A. (ed.) *Lingvistika kreativa-2* [Linguistics of Creativity-2]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 289–334.
7. Krzhizhanovskiy, S.D. (2006) *Trinadtsataya kategoriya rassudka. Povesti i rasskazy* [The Thirteenth Category of Teason. Stories]. Moscow: Eksmo.
8. Gridina, T.A. (2014) Igrovoy sub’yazyk S.D. Krzhizhanovskogo [The game sublanguage of S.D. Krzhizhanovskogo]. In: Gasparov, B.M. & Kupina, N.A. (eds) *Russkiy yazyk v mnogorechnom sotsiokul’turnom prostranstve* [Russian Language in Multinational Sociocultural Space]. Ekaterinburg: Ural Federal University. pp. 191–206.
9. Krzhizhanovskiy, S.D. (2001–2013) *Sobr. soch.: v 6 t.* [Collected Works. In 6 vols]. Moscow: B.S.G.-Press; St. Petersburg: Simpozium.

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 070:93/94 (571.1)

DOI: 10.17223/23062061/14/4

Н.В. Жиликова, М.В. Нисова

ПЕРЕИЗДАНИЕ КУЛЬТОВОГО ТОМСКОГО РОМАНА «ТОМСКИЕ ТРУЩОБЫ» НЕ-КРЕСТОВСКОГО: ВОЗМОЖНОСТИ ПЕЧАТНОЙ И ЦИФРОВОЙ ВЕРСИЙ¹

***Аннотация.** Рассматривается история создания одного из популярных романов томского писателя начала XX в. В.В. Курицына (псевдоним Не-Крестовский) «Томские трущобы». Этот роман, востребованный у современного массового читателя, был впервые опубликован на страницах периодического издания (газета «Сибирские отголоски»), затем издан отдельной книгой, переиздан в 1990-х гг., в настоящее время представлен на сайтах крупных издательских центров. Авторы статьи рассматривают возможности нового переиздания, в котором могут быть использованы современные информационные технологии, интерактивные формы взаимодействия с читателем, дополнительные виды визуализации романного материала.*

Ключевые слова: *сибирский роман, В.В. Курицын (Не-Крестовский), «Томские трущобы».*

Предметом исследования в настоящей статье является роман Не-Крестовского (В.В. Курицына) «Томские трущобы», изданный в Томске в начале XX в., который был одним из элементов томского городского фольклора советских времен. Об этой книге многие знали, передавали из рук в руки, хранили в семьях как один из атрибутов утраченного дореволюционного быта, о чем рассказывают не только томские старожилы, но и представители средних и молодых поколений томичей. При этом читатели «Томских трущоб» никогда не переоценивали художественную значимость книги: по содержанию это классический «авантюрный роман», «бульварное

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Томской области в рамках научного проекта № 17-14-70006 «Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах».

читиво» о похождениях группы мошенников в дореволюционном Томске и других сибирских городах (Барнауле, Новониколаевске). Такого рода литература была широко распространена в России начала XX в., преимущественно в европейской части.

Уникальность «Томских трущоб» не была связана с художественными и эстетическими достоинствами книги, а состояла в её существовании на пересечении нескольких направлений, связанных с процессами формирования городского сообщества, психологией советского человека, «переключкой» «Томских трущоб» со знаменитыми «Петербургскими трущобами» В. Крестовского. Именно эта внехудожественная ценность романа обеспечила ему «культовость» и непреходящую востребованность у сменяющихся поколений читателей – жителей Томска.

Немного об истории романа. Его автор – Валентин Владимирович Курицын (1879–1911), уроженец Барнаула, выпускник Барнаульского горного училища. После трёхлетней работы на золотых приисках он приехал в Томск и с 1901 г. начал работать в управлении Сибирской железной дороги. Одновременно Курицын начал сотрудничать с томскими изданиями В.А. Долгорукова (подробнее о нем см: [1]): публиковал очерки и рассказы в журнале «Сибирский наблюдатель», попробовал себя в сатирических жанрах в приложении к «Сибирским отголоскам» под названием «Бубенцы», а в 1907 г. в газете «Сибирские отголоски» начал печатать уголовный роман-хронику «Томские трущобы» (под псевдонимом «Не-Крестовский»). Роман был закончен в 1908 г., он принёс своему автору известность и популярность – правда, несколько скандального характера.

«Томские трущобы» сразу же оказались востребованы у публики. Роман после публикации в газете уже в 1908 г. был издан отдельной книгой тиражом 1 500 экземпляров, затем переиздан в 1909 г. Успех первого романа подвиг В.В. Курицына к дальнейшей разработке темы. На протяжении 1908–1910 гг. в тех же «Сибирских отголосках» публиковался роман «Человек в маске». Он был заявлен как продолжение романа «Томские трущобы», однако это произведение представляет собой целостный законченный текст с собственным развернутым и полностью завер-

шённным сюжетом. В 1910 г. в газете начали печатать продолжение «Томских трущоб» и «Человека в маске» – роман «В погоне за миллионами», однако это произведение осталось незавершённым: в связи с переходом газеты к новым издателям публикация романа была прервана (опубликовано 10 глав первой части «Под гипнозом страсти»).

После установления советской власти роман на 80 лет выпал из сферы официального книгоиздания и литературоведения. Но он продолжал свое существование на уровне фольклора и самиздата. В Томске не сохранилось ни одного экземпляра дореволюционных изданий «Томских трущоб», однако у местных краеведов были ксерокопии книги; есть упоминания и о машинописных копиях, распространявшихся среди читателей. Неудивительно поэтому, что, как только в 1990-е гг. подул «ветер перемен», журналисты воспользовались возможностью «легализовать» «Томские трущобы». В 1990 г. томское издательство «Красное знамя» переиздало роман, установив при этом тираж в 50 тыс. экземпляров. И, несмотря на значительные недостатки этого переиздания, книга стала важной вехой общественного подъема 1990-х гг., символом свободы, перемен и новых возможностей.

Можно назвать как минимум две причины популярности «Томских трущоб» у местного читателя – как дореволюционного, так и современного. Во-первых, действие в романе разворачивается не в столице, не в каком-то российском городе или символическом месте, в котором читатель узнавал бы приметы Томска (как, например, город Жиганск в романе К.М. Станюковича «Места не столь отдалённые»). Герои романа живут непосредственно в Томске, встречаются в реально существующем томском районе «Болото» и на железнодорожной станции Межениновка, заходят в известную дореволюционную гостиницу «Европа», участвуют в скачках на томском ипподроме, прогуливаются по Лагерному саду и т.д. При желании можно было не просто представить себе маршруты героев, а пройти по ним в настоящем Томске.

Вторая составляющая успеха романа заключалась в его реализме, что было особенно важно для дореволюционного читателя.

В.В. Курицын в «Томских трущобах» описал положение дел в Томске, весьма близкое к действительности. Город в конце XIX – начале XX в. был опасным местом, где постоянно грабили и убивали людей, подкидывали младенцев, устраивали поджоги и погромы: страницы томской дореволюционной периодики предоставляют любому желающему возможность самостоятельно убедиться в том, что томские будни были наполнены насилием и уголовщиной. Благодаря Не-Крестовскому читатели получали возможность заглянуть в этот закрытый «параллельный мир» криминала, с которым обыватели были постоянно вынуждены существовать бок о бок, практически не имея возможности от него защититься.

Поскольку биографические сведения о В.В. Курицыне крайне малочисленны, а сам он не является крупной фигурой даже в томской дореволюционной литературе, широко распространены и воспроизводятся по крайней мере две ошибки, связанные с датами его жизни и смерти, а также с романом «Человек в маске», который является частью цикла «Томские трущобы». Об этом пишет, например, исследователь И.А. Матвеев в докторской диссертации «Восприятие английского социально-криминального романа в русской литературе 1830–1900 гг.» (Томск, 2014): «Сведения об авторе романа “Томские трущобы” весьма скудны и неточны. Даже в “Сибирской советской энциклопедии” была допущена ошибка в его дате рождения. Родился он в 1879 г., а не в 1878 г., как следует из энциклопедии. Не сохранилась и рукопись романа. Так что до сих пор остается открытым вопрос, был ли он дописан до конца, или скоропостижная смерть писателя не дала ему сделать этого» [2].

Не подлежит сомнению, что автор высказывания в данном случае ориентировался на переиздание 1991 г. романа «Человек в маске» уже упомянутого издательства «Красное знамя», которое завершалось следующим эпилогом:

Продолжения не последует?

Районная общественно-политическая газета «Томское предместье», опубликовавшая роман «Человек в маске», 19 октября 1991 г. сообщила:

Должны разочаровать читателей, ожидающих продолжения романа В. Курицына (Не-Крестовского) «Человек в маске». Сотрудники редакции встретились с теми томичами, которые коллекционируют редкие издания или имеют их в так называемых «списках» (перепечатанными на машинке). Второй части романа ни у кого не оказалось.

Оставалась последняя надежда на Научную библиотеку Томского университета. Там мы просмотрели подшивки газеты «Сибирская жизнь» начала нынешнего века, где сотрудничал В. Курицын. Тщетно. В научно-библиографическом отделе библиотеки нам выдали справку: в отделе редких книг имеются романы Не-Крестовского «Томские трущобы» (наша газета перепечатала его в 1990 г. по «спискам») и «Человек в маске» – только первая часть.

Мы бы рады были ошибиться, но выходит, что «Человек в маске» оказался неоконченным романом. Несмотря на это, редакция продолжит поиски...

Добавим к этому сообщению еще одно предположение: «Человек в маске» мог быть составной книгой общего романа «Томские трущобы». И, судя по всему, автор просто не успел написать вторую часть этой книги. Последовала скоротечная кончина....

Тем не менее издательство печатает «Человека в маске» как отдельную книгу [3].

Таким образом, в 1991 г. был внезапно «потерян» целый роман и «скоротечно похоронен» В.В. Курицын. Очевидно, что публикаторы ориентировались на первую часть «Человека в маске», выпущенного в Томске в 1908 г.; часть назвалась «Герой томского полусвета», однако при переиздании 1991 г. было утрачено название части, а у читателей создалось впечатление, что весь роман «Человек в маске» и состоит из этой небольшой первой части. Добавим, что В.В. Курицын умер в 1911 г., а не в 1908, как это следовало бы считать, исходя из предположений публикаторов 1991 г.

В действительности роман «Человек в маске» является самым крупным из всех романов В.В. Курицына. Он состоит из пролога «Обреченный на пытку» и пяти частей, в каждой из которых было не менее 40 глав:

- 1-я часть «Герой томского полусвета» (45 глав) – 1908 г.
- 2-я часть «В омуте шантажа» (42 главы) – 1908 г.
- 3-я часть «Король преступников» (41 глава) – 1908–1909 гг.
- 4-я часть «Тайна золотого ключа» (51 глава) – 1909 г.
- 5-я часть «Ценою крови» (53 главы) – 1909–1910 гг.

Второй роман В.В. Курицына в полной мере раскрыл романские способности автора. Так, «Томские трущобы», несмотря на всю их известность, достаточно схематичны и наибольший интерес представляют из-за своей «привязки к местности». Однако «Человек в маске», кроме этого, содержит и характеры, динамично развивающиеся на протяжении повествования, и необычные сюжетные ходы, которые могут быть соотнесены с европейскими традициями авантюрных романов, и развернутые пейзажные зарисовки и т.д. Несмотря на то что у обоих произведений В.В. Курицына довольно много общих персонажей, которые «перекочевали» из «Томских трущоб» в следующий роман (это и собственно «Человек в маске» – Сергей Загорский, местный «криминальный авторитет» Сенька Козырь, сыщик Залетный, местная «этуаль» Екатерина Михайловна и др.), в «Человеке в маске» герои взаимодействуют и развиваются более глубоко, а подчас и весьма неожиданно.

Томские журналисты и писатели демократического направления восприняли авантюрные романы «в штыки». Вс. Крутовский, публицист и автор раздела «Периодическая печать в Томске» в книге «Город Томск» 1912 г., писал об изданиях, где публиковался В.В. Курицын: «...обычно В.А. Долгоруков как редактор-издатель умел избегать всего того, что могло быть истолковано как некрасивый поступок в той сфере деятельности, где, особенно за последние годы, нередко бывали падения. Исключением явилось печатание им серии типично бульварных романов-фельетонов. До В.А. Долгорукова сибирская пресса была чужда подобной пошлости» [4]. Томский писатель Г. Гребенщиков в некрологе акцентировал внимание на том, что Курицын был вынужден писать бульварные романы вследствие крайней нужды: «Умер Валентин Владимирович Курицын, известный томской публике больше под псевдонимом “Не-Крестовский”, автор местных полубульварных

романов “Томские трущобы”, “В зареве пожара” и других. <...> Если публика в большинстве своем так падка на паясничества клоунов, на цирковые полужвериные увеселения, если ей больше по сердцу Пинкертон, то можно ли всю вину “желтой проповеди” взваливать на одного, когда творцом ее является само общество?! Был спрос и – к стыду Томска – большой на “романы” Не-Крестовского, и он давал их. Этот спрос на лубочный товар служит лучшим примером того, что как поэт В.В. Курицын не нужен был томичам, что как поэта его не хотели знать и не знали...» [5]. Однако в итоге, как уже было сказано, именно эти романы Не-Крестовского прошли испытание временем.

На протяжении XX в. были изданы отдельными книгами следующие романы Не-Крестовского:

Не-Крестовский. Томские трущобы. Томск : Паровая типография Н.И. Орловой, 1908. 325 с.

Не-Крестовский. Томские трущобы. Томск : Издание В.М. Посокина, 1909. 317 с.

Не-Крестовский (В. Курицын). Томские трущобы. Томск : Красное знамя, 1991. 211 с.

Не-Крестовский. Человек в маске. Ч. 1: (продолжение романа «Томские трущобы»). Томск : Паровая типография Н.И. Орловой, 1908. 215 с.

Не-Крестовский (В. Курицын). Человек в маске: (первая часть). Томск : Красное знамя, 1991. 141 с.

Современный читатель может познакомиться с текстом романа на сайте крупнейшей русской электронной библиотеки Lib.ru (URL: http://az.lib.ru/k/kuricyn_w_w/text_0020.shtml). Кроме этого, в 2011 г. «Томские трущобы» были размещены в базах данных электронных книжных магазинов «Буквоед», «Бук.ру» и издательства «Директ-Медиа». Описание этого издания заставляет предположить, что речь идет о воспроизведении все той же книги 1991 г.:

Автор Курицын

Тематика Детективы, боевики, триллеры

Год 2011

Страниц 164

Формат 21 см × 14,8 см × 0,9 см

Код 1277461 / pod 591330

В базе Томские трущобы

ISBN 978-5-4241-1872-2

Описание:

Курицын Валентин Владимирович (1878–1908) – поэт и беллетрист. Служил в Управлении Томской ж.д. конторщиком. Печатался в томских газетах и журналах: «Сибирский вестник», «Сибирский наблюдатель», «Сибирские отголоски». Успехом пользовался его приключенческий роман «Томские трущобы», который (за подписью Не-Крестовский) печатался сначала в газете «Сибирские отголоски», затем вышел отдельной книгой.

Вы можете заказать печать по требованию «Томские трущобы» В.В. Курицын в интернет-магазине «Буквоед». Товар «Томские трущобы» В.В. Курицын будет доставлен в один из наших магазинов или пунктов самовывоза. Также он может быть доставлен курьером или почтой РФ.

Книга будет изготовлена в соответствии с вашим заказом по технологии «Печать по требованию». <...> Подробнее на bookvoed.ru: <http://www.bookvoed.ru/book?id=2609160#descr> [6].

Краткая информация сайта «Books.ru» также относится к 2011 г., и здесь приведены следующие сведения:

2011, ноябрь: электронная книга «Томские трущобы», издательство «Книга по требованию».

Нет в продаже.

2011, май: книга на бумаге «Томские трущобы. Уголовный роман-хроника», ISBN: 978-5-4241-1872-2, издательство «Книга по требованию», 164 с. [7].

Наконец, издательство «Директ-Медиа» дает следующее описание книги, которую читатель может заказать на сайте:

Информация о книге:

Издательство: Директ-Медиа

Год: 2012

ISBN: 978-5-4460-4474-0

Кол-во страниц: 246

Формат: pdf, fb2, epub

Главная ■ Проза ■ Русская классическая литература ■

Томские трущобы

Курицын В.В.

Аннотация

Курицын Валентин Владимирович (1878–1908) – поэт и беллетрист.

Уголовный роман-хроника «Томские трущобы» вышел отдельной книгой в 1906 г. До этого он печатался в газете «Сибирский отголоски» за авторской подписью Не-Крестовский. В советское время этот авантюрный роман перепечатывали на пишущих машинках, под копирку. Его передавали по всему городу, из рук в руки, как качественное «криминальное чтиво». Это произведение открывает перед читателем картины из прошлого города Томска: здесь и подземные ходы, и воровские истории, и светское общество. Книга позволяет взглянуть на неизвестные и опасные стороны жизни города.

Дисциплины: Русская литература

Жанры: Проза [8].

Подобная информация размещена и на сайтах других электронных и традиционных бумажных издательств, которые предлагают скачать либо напечатать роман в любом выбранном читателем формате. Обращают на себя внимание и характеристики романа в описаниях сайтов: от «детектива» и «боевика» до «русской классической литературы».

Тем не менее, несмотря на популярность и актуализацию романа, его полный текст, включающий в себя все три части: «Томские трущобы», «Человек в маске» и «В погоне за миллионами», так и не дошёл до читателя. Эта проблема остается актуальной ещё и потому, что современные технологии позволяют сделать издание не просто полным, но и интерактивным.

Новое переиздание, которое задумано авторами статьи, включает в себя несколько концептуальных моментов. Прежде всего, это воссоздание полного текста романа с восстановлением пропусков и сверкой по газетному изданию. Необходимо исправить до-

пущенные ошибки, добавить пропущенные главы и т.д. Представляется логичным объединить все части романа в одно произведение, каким оно предстает во время первой публикации на страницах «Сибирских отголосков», с сохранением общего названия «Томские трущобы».

Предполагаемое переиздание требует развернутого научного комментария и вводной статьи, в которой были бы представлены реалии дореволюционного Томска начала XX в., специфика «Сибирских отголосков», даны пояснения к встречающимся в романе терминам и жаргонизмам, прослежена связь романа «Томские трущобы» Не-Крестовского с «Петербургскими трущобами» Крестовского.

В новом издании планируется уделить особое внимание иллюстрированию текста, причем это возможно сделать на основе сохранившихся изображений дореволюционного Томска.

Цифровая же версия предоставляет возможность сделать интерактивную карту передвижений героев по Томску, Барнаулу, Новосибирску – как дореволюционных, так и современных, а также создать игру-квест на основе «Томских трущоб».

Литература

1. Жиякова Н.В. Издательская деятельность В.А. Долгорукова // Издательская деятельность и перевод : сб. статей / ред. И.А. Айзикова, Д.А. Олицкая, А.А. Казаков. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 129–142.
2. Матвеев И.А. Восприятие английского социально-криминального романа в русской литературе 1830–1900-х годов : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2014. С. 281.
3. Не-Крестовский (Курицын В.В.) Человек в маске (Томские трущобы). Томск : Красное знамя, 1991. С. 140.
4. Крутовский Вс. Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск : Сибирское товарищество печатного дела, 1912. С. 303.
5. Томский некрополь. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах. 1827–1939 / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 128.
6. Томские трущобы. В.В. Курицын. URL: <http://www.bookvoed.ru/book?id=2609160#descr>
7. Валентин Владимирович Курицын. Томские трущобы. Уголовный роман-хроника. URL: <http://www.books.ru/books/tomskie-trushchoby-ugolovnyi-roman-khronika-869738/>

8. Томские трущобы. Автор: Курицын В.В. URL: https://www.directmedia.ru/book_96540_Tomskie_truschoby/

THE REISSUE OF THE CULT TOMSK NOVEL *THE TOMSK SLUMS* BY NON-KRESTOVSKY: OPPORTUNITIES OF PRINT AND DIGITAL VERSIONS

Tekst. Kniga. Knigoidanie – Text. Book. Publishing, 2017, 14, pp. 64–75.

DOI: 10.17223/23062061/14/4

Nataliia V. Zhilyakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: retama@yandex.ru

Mariya V. Nisova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: newspaper_2401@mail.ru

Keywords: Siberian novel, V. Kuritsyn (Non-Krestovsky), *The Tomsk Slums*.

The subject of the research in this paper is *The Tomsk Slums*, a novel by Non-Krestovsky (V.V. Kuritsyn), published in Tomsk at the beginning of the 20th century. The book was one of the elements of the Tomsk city folklore of the Soviet times, it passed from hand to hand, was stored in families as one of the attributes of a lost pre-revolutionary life. At the same time readers of *The Tomsk Slums* never overestimated the artistic significance of the book. By the content it is a classic “adventure novel”, “pulp fiction” about the adventures of a group of swindlers in the pre-revolutionary Tomsk and other Siberian cities (Barnaul, Novonikolayevsk). This kind of literature was widespread in Russia in the early 20th century, mainly in the European part.

The Tomsk Slums was published in the Tomsk newspaper *Sibirskie otgoloski* [Siberian echoes] in 1908, the book edition of 1500 copies was published the same year, and then reissued in 1909. In 1908–1910 *Sibirskie otgoloski* published novels *The Man in the Mask* and then *The Pursuit of Millions* (publication not finished), which are a continuation of *Tomsk Slums*.

After the establishment of the Soviet power, the novel fell out of the scope of the official publishing and literary criticism for 80 years. But it continued to exist at the level of folklore and samizdat, was distributed in the form of photocopies and typewritten reprints. In 1990, Krasnoe znamya, a Tomsk publishing company, reissued the novel in 50 thousand copies. The modern reader can get acquainted with the text of the novel on the site of the largest Russian electronic library Lib.ru, find it in the databases of various electronic bookstores.

The new reissue, which is intended by the authors of the article, includes several conceptual aspects. First of all, the reconstruction of the full text of the novel, with the restoration of omissions and verification with the newspaper edition. It is necessary to correct the errors, add the missing chapters, etc. It seems logical to combine all the parts of the novel in one piece, as it appeared at the time of the first publication on the pages of *Sibirskie otgoloski*, with the preservation of the common name *The Tomsk Slums*.

The alleged republishing requires an extensive scientific commentary and an introductory article, which would present the realities of the pre-revolutionary Tomsk of the

early 20th century, the specificity of *Sibirskie otgoloski*, explain the terms and jargon in the novel, trace the connection of *The Tomsk Slums* by Non-Krestovsky with *Petersburg Slums* by Krestovsky.

In the new edition special attention will be paid to illustrating the text, and it can be done on the basis of the existing pre-revolutionary images of Tomsk.

The digital version also gives an opportunity to make an interactive map of the characters' movements around Tomsk, Barnaul, Novosibirsk, both pre-revolutionary and modern, as well as to create an adventure game based on *The Tomsk Slums*.

References

1. Zhilyakova, N.V. (2011) Izdatel'skaya deyatel'nost' V.A. Dolgorukova [V.A. Dolgorukov's publishing activity]. In: Ayzikova, I.A., Olitskaya, D.A. & Kazakov, A.A. (eds) *Izdatel'skaya deyatel'nost' i perevod* [Publishing and Translation]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 129-142.
2. Matveenko, I.A. (2014) *Vospriyatie angliyskogo sotsial'no-kriminal'nogo romana v russkoy literature 1830-1900-kh godov* [Perception of the English socio-criminal novel in Russian literature of the 1830-1900-s]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
3. Ne-Krestovskiy (Kuritsyn, V.V.) (1991) *Chelovek v maske (Tomskie trushchoby)* [A Man in the Mask (The Tomsk Slums)]. Tomsk: Krasnoe znamya.
4. Krutovskiy, Vs. (1912) *Periodicheskaya pechat' v Tomske* [Tomsk periodicals]. In: Malinovsky, I.L. et al. *Gorod Tomsk* [The City of Tomsk]. Tomsk: Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela.
5. Dmitrienko, N.M.(ed.) (2001) *Tomskiy nekropol'. Spiski i nekrologi pogrebennykh na starykh tomskikh kladbishchakh. 1827–1939* [The Tomsk Necropolis. Lists and obituaries of those buried in the old Tomsk cemeteries. 1827–1939]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Kuritsyn, V.V. (n.d.) *Tomskie trushchoby* [The Tomsk Slums]. [Online] Available from: <http://www.bookvoed.ru/book?id=2609160#descr>.
7. Kuritsyn, V.V. (n.d.) *Tomskie trushchoby. Ugolovnyy roman-khronika* [The Tomsk Slums. A criminal novel-chronicle]. [Online] Available from: <http://www.books.ru/books/tomskie-trushchoby-ugolovnyi-roman-khronika-869738/>.
8. Kuritsyn, V.V. (n.d.) *Tomskie trushchoby* [The Tomsk Slums]. [Online] Available from: https://www.directmedia.ru/book_96540_Tomskie_trushchoby/.

Е.Ю. Ромашина

«ЗАБАВА И ПОЛЬЗА ДЛЯ ДЕТЕЙ»: АЗБУКА В КАРТИНКАХ В УЧЕБНОМ КНИГОИЗДАНИИ РОССИИ XIX в.¹

***Аннотация.** Рассмотрены и проанализированы азбуки в картинках, изданные в России в 1815–1893 гг. Предложена типология этих изданий в зависимости от их контента и структурно-функционального соотношения текста и визуального ряда. Азбука в картинках охарактеризована как особый «пограничный феномен», занимающий срединное положение между учебным пособием и игрушкой. На основе социокультурного, семиотического, лингвокультурологического и дидактического анализа автор приходит к выводу, что азбуки в картинках, тем не менее, следует отнести к учебным изданиям, поскольку в них заложены: цели и задачи образования; дидактически обработанное содержание опыта человеческой деятельности; определенная форма организации учебного процесса; выраженная технология и методика преподавания и учения.*

Ключевые слова: азбука, учебник, визуальный ряд, обучение чтению, грамота.

В истории начального образования есть довольно интересное явление, некий «пограничный феномен»: учебник – неучебник, игрушка – неигрушка – азбука в картинках. Оформление издания хорошо знакомо всем: крупная буква и рисунок-подсказка. Все мы такие видели, покупали, дарили детям, наблюдали, как малыш тычет пальчиком в «арбуз» или «барабан» и затверживает *А* и *Б*. Между тем за внешней обыденностью и простотой скрывается долгая, занимательная, а для педагога и поучительная история.

Для начала зададимся «простым» вопросом: можно ли считать такую азбуку учебником? Любая книга – это модель человеческого опыта в определенной сфере деятельности (в том числе опыта прогностического и проектировочного). Школьный учебник – модель чрезвычайно сложная, комплексная, совмещающая в себе разные

¹ Работа поддержана грантом Отделения социальных и гуманитарных наук РФФИ № 16-06-00113а.

виды, «слои» и уровни этого опыта. С одной стороны, вполне очевидно, что школьный учебник является *информационной* моделью, и в этой своей ипостаси практически не отличается от книги научной или научно-популярной. С другой стороны, в учебнике моделируется *процесс обучения*, репрезентируется некий *педагогический* опыт. Именно это условие является главным для определения сущности учебника как такового, именно оно делает книгу собственно учебником².

Средневековая книжность не знала разницы между учебной и неучебной литературой. В современном понимании учебник – не только модель учебного предмета, но и целостная модель образовательного процесса. Эволюция школьного учебника, его превращение из «книги, годной школярам», в сложнейшую современную систему – это, прежде всего, эволюция педагогического опыта и педагогической науки со всеми промежуточными ступенями и нелинейным характером развития.

Сегодня дидактика полагает, что в учебнике должны быть заложены и при его посредничестве реализованы цели и задачи образования (общие и конкретные); дидактически обработанное содержание опыта деятельности человека (и человечества) в той или иной сфере; определенная организационная форма процесса обучения; выраженная технология и методика преподавания и учения [1. С. 27–28; 2. С. 104–110].

«Примерим» эти критерии к азбукам в картинках, изданным в России на протяжении XIX в.

Нами рассмотрены *de visu* 12 изданий 1815–1893 гг.³ Разумеется, эта выборка не претендует на то, чтобы считаться исчерпывающей,

² Отметим, что в качестве модели человеческого опыта учебник равно направлен в прошлое и будущее: в нем заложен опыт уже свершившийся и, вместе с тем, латентно представлен опыт потенциальный – тот, которого еще нет, но который может / должен осуществиться. Причем возможность / долженствование касаются как ученика, познающего основы наук, так и учителя, посредством методической рефлексии превращающего «потенциальную энергию» в «кинетическую».

³ Интересующихся полной библиографией адресуем к специализированным изданиям и базам данных [3, 4].

но полагаем, что осуществленный социокультурный, семиотический, лингвокультурологический и структурно-функциональный анализ позволил нам получить результаты, важные при изучении других аналогичных пособий.

В качестве существенного и, как нам кажется, крайне интересного *общего* признака отметим, что во *всех* проанализированных азбуках-картинках информация представлена дискретно: смысловое пространство буквы (вербальное и визуальное) очерчено явно и точно. Это либо особая клетка в таблице, либо отдельная страница, либо даже самостоятельная карточка / открытка. Буква живет своей частной жизнью, границ не нарушает, с соседками не общается и не взаимодействует. Способ организации общего визуального ряда наталкивает на мысль: учим именно буквы, но и только⁴.

Наряду с этим наблюдением можно выделить три разных типа учебных пособий в зависимости от того, *что* находится в таком «индивидуальном поле» каждой буквы:

1) «сюжетный тип»: буква; короткий текст (как правило, стихотворный), который начинается с данной буквы или включает ее в свой состав; сюжетная иллюстрация, содержательно и функционально связанная с текстом;

2) «предметный тип»: буква (иногда повторенная несколько раз с использованием разных шрифтов); слово (или несколько) на эту букву; изображение предмета / человека / действия, соответствующего слову; церковнославянское «имя» буквы (в некоторых изданиях);

3) «мозаичный тип»: буква (повторенная несколько раз с использованием разных шрифтов); знаки препинания; цифры; несколько иллюстраций; лист разрезан (или будет разрезан) на от-

⁴ Не беремся утверждать, что это осознанный шаг авторов / составителей подобных азбук. Откуда взялась традиция такой жесткой пространственной «сетки», сказать сложно. Отметим только, что в английском языке для обозначения аналогичных изданий существует термин «platebook», который несет в себе значения: пластина, лист, полоса, печатная форма, гравюра, вклейка [5. С. 12]. Набором таких пластин, плакеток и выглядят азбуки в картинках.

дельные карточки, пособие представляет собой «подвижную» или «складную» азбуку.

В нашем корпусе источников первый тип изданий оказался достаточно немногочисленным (3 пособия), хронологически они «разбросаны» по всему рассматриваемому периоду: годы изданий 1814(5), 1871 и 1889.

«Подарок детям в память 1812-го года: [Азбука в стихах и картинках]» (1815), более известная как «Теребенёвская азбука» (по фамилии художника-составителя), – издание крайне редкое [6]. Оно состоит из 34 отдельных листов форматом 80×110 мм в общем футляре (все изображения были гравированы на трех больших досках и впоследствии разрезаны). На каждом листе расположены карикатура, выполненная в технике офорта и вручную раскрашенная акварелью, а также сатирическое двустишие, начинающееся на определенную букву (или содержащее ее в тексте). Оригиналами для «азбуки» послужили так называемые летучие листы – отклик художников И.И. Теребенёва, А.Г. Венецианова, И.А. Иванова на события войны 1812 г.; автором стихотворных строк (и инициатором создания Азбуки»), по-видимому, выступил Иван Теребенёв⁵.

Пропагандистские «летучие листы» появились в России осенью 1812 г., в конце 1814-го лучшие из них были заново гравированы на меди и составили «Азбуку». Первоначальные изображения были полностью сохранены (в «Азбуке» иногда это зеркальный оттиск), а вот текст подписей в ряде случаев стал иным. Мы обнаружили ряд трансформаций.

1. Изображен француз со вздыбленными волосами, который едет в санях, запряженных свиньей; первоначальный текст (1813 г.) – «Французский вояжер в 1812 году», текст в «Азбуке» (на букву «Ч»):

*Что дѣлать! – знать пришло свиную милость чтить,
Лошадокъ нѣтъ! – пора свиньямъ меня возить.*

⁵ Читатель может подробно познакомиться со всеми листами «Азбуки» в виртуальной галерее «Гравюра в России XVIII – первой половины XIX столетия» ГМИИ имени А.С. Пушкина. URL: http://www.russianprints.ru/printmakers/t/tere-benev_ivan_ivanovich/a.shtml

2. «Наполеонова пляска»; текст 1813 г.:

*Не удалось тебѣ насъ переладить на свою погудку:
Попляши же босурманъ, подѣ нашу дудку!*

В «Азбуке» (на букву «Ж»):

*Желалъ насъ вышколить ты на свою погудку.
Анѣ нѣтъ не удалось, пляши жѣ подѣ нашу дудку.*

3. Врачи окуривают Наполеона «целебным» дымом, клещами стаскивают с него шляпу, сапоги и т.д. Текст 1813 г.:

*Карантинъ для Н... по возвращеніи его изъ Россіи. Завоевалъ бы
Россію; да моръ на мои войска. Чуть было и меня не сразилъ! при-
нужден окуриваться!..*

В «Азбуке» (на букву «З»):

*Заразу отъ штыковъ и ядръ Россійскихъ знайте,
Окуривайте все, скорѣе помогайте.*

Таким образом, можно говорить, что двустигмья были созданы специально для азбучного формата (или переписаны под него) с учетом необходимости использования *всех* букв алфавита. Многие подписи начинаются теперь с междометий: *Ась! Ей! Э,э! И-И, ребятаушки* и т.д. В ряде строк «имя» буквы включено в текст: *Ъ есть последняя из букв в Российском слове...; весь сгорбился въ Ѳ-ту* и др.

Согласимся с мнением Н.Н. Вольской о том, что каждый лист «Теребенёвской азбуки» представляет собой так называемый креолизованный текст, т.е. его «вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое» [7]. Особенно явно это прослеживается в ряде иллюстраций. Например, изображение Наполеона, обнимающего гриб размером с себя, с подписью:

Возрос как гриб и пал, познав ты суету.

Что делает теперь? Весь сгорбился в Ѳ-ту.

В этом случае воздействующая (персуазивная) функция карикатуры обеспечивается «содержательной взаимодополнительностью образа и текста» и реализуется такими средствами, как метафора, метонимия, сравнение, эпитет, риторический вопрос и т.д. [7]. В данном аспекте многие исследователи проводили параллели

между карикатурами 1812-го г. и традиционным русским лубком: изображение и текст соотнесены в них не как иллюстрация и пояснение, а «как тема и ее разворачивание: подпись как бы разыгрывает рисунок, заставляя воспринимать его не статически, а как действо» [8. С. 482–493; 9. С. 202].

Н.Н. Вольская справедливо отмечает, что для адекватного понимания такого сложного «поликодового» текста читателю были необходимы «фоновые знания» – некая совокупность представлений, которыми обладают носители того или иного культурного менталитета [7; 10. С. 352]. В данном случае это широко известные исторические события, которые связаны с набором определенных коннотаций и запечатлены (или реконструированы) художником с той или другой эмоциональной оценкой [11. С. 170]. Возникает закономерный вопрос: способен ли был ребенок 6–7 лет адекватно прочесть, понять, интерпретировать этот сложный, двусоставный культурный код? Утвердительный ответ на этот вопрос неожиданным образом находится в «Дневнике старого врача» Н.И. Пирогова:

Я хорошо помню, что учился [грамоте] именно по карикатурам, изданным в виде карт в алфавитном порядке. Первая буква А представляла глухого мужика и бегущих от него в крайнем беспорядке французских солдат с подписью:

Ась, право глух, Мусью, что мучить старика.

Коль надобно чего, спросите казака [12. Стб. 118].

Интересны комментарии, которые даны Пироговым к этому воспоминанию. Во-первых, он сомневается, не «наведенная» ли это память, поскольку видел эти изображения потом много раз. Во-вторых, рассказывает о своем детском непонимании смысла картинки на букву *Щ*. В-третьих, отмечает, что учение по карикатурам развило в нем «склонность к насмешкам и стремление подмечать в людях скорее смешную и худую сторону, чем хорошую» [12. Стб. 119]. Однако в чем Николай Иванович не сомневается, так это в том, что именно «Теребенёвская азбука» рано развила в нем «любовь к славе отечества».

Современные авторы научных, научно-популярных и публицистических текстов, посвященных данному изданию, подчеркивают

именно эту направленность пособия: «...первое в России адресованное детям сатирическое издание, насыщенное политическим содержанием, которое воспитывало чувство патриотизма, гордости за свою Родину, уважение к простому народу, победившему могущественного врага», гравюры «предоставляли детям возможность знакомиться с патриотическими идеалами и духовными ценностями российского общества, воспитывали патриотизм и гуманизм» и т.п. [7, 13]. Несложно представить себе картину, когда взрослый рассматривает с ребенком гравюры И. Терebeneва, читает подписи, поясняет и дополняет их рассказами очевидца недавних событий, беседует о «славе отечества». Возможно, ребенок запоминает при этом буквы. Но вот научиться таким образом читать... Думается, пример Пирогова здесь скорее исключение, чем правило.

Тот же принцип построения мы видим в «Азбуке из разносчиков с прибаутками» (1871): на каждой странице книги – буква, стихотворный текст, картинка [14]. Но культурный код здесь много проще: на всех иллюстрациях представлены мужики-коробейники с разным товаром, текст – это их «рекламные» прибаутки (рис. 1).

Издание имеет подзаголовки: «Для елки» и «Подарок детям». Веселое развлечение здесь, конечно, обеспечено. А вот эффект научения чтению опять же сомнителен. Особо подчеркнем, что в ряде текстов презентруемая буква смысловым образом с иллюстрацией не связана:

– на букву Ж:

*Жаль мне очень вспоминать,
Когда сбитень в моде был,
Стали сей напиток понимать
Иначе, кто пил и тот его забыл.*

– на букву Х:

*Хотите ветчины закусить?
Прикажите уж так и быть
Фунтика два отвесить,
Кстати и сырку привесить.*

Наше вамъ почтеніе-сь!
Калачиковъ-те купите-сь,
На вкусъ удивленіе-сь!
Отвѣдайте коль хотите-сь.

Рис. 1. «Азбука из разнощиков с прибаутками» (1871. Л. 13)

На иллюстрациях – соответственно продавцы сбитня и бакалейного товара. Как запомнить букву? Что является подсказкой? Задействован довольно длинный ассоциативный ряд, а приводит ли он к необходимому результату, это вопрос. Впрочем, есть очень выразительные тексты, функционально и по смыслу совпадающие с иллюстрацией:

*Игрушки, игрушки,
Вот уж будут пирушки.
Как купит вам мамаша
И похвалит папаша.*

Еще одно пособие подобного типа – «Новая русская азбука с картинками» (1889), книжного формата с «таблицей» из 4 изображений на каждой странице [15] (рис. 2). Букву здесь сопровождают сюжетная иллюстрация и стихотворный текст. Абсолютное большинство строк – из басен И.А. Крылова, 2 фрагмента – из басен К.П. Масальского⁶, 2 принадлежат перу И.И. Дмитриева⁷, 1 – из народной сказки (проза). Букве соответствует не текст, а его заголовок: *Б* – «Белка», *Д* – «Демьянова уха», *М* – «Мартышка и очки» и т.д. Отметим, что составитель «Азбуки» обошелся с заглавиями басен достаточно «вольно»: для того чтобы охватить все буквы, порядок слов иногда изменен (вместо «Котел и горшок» – «Горшок и котел», не «Волк и ягненок», а «Ягненок и волк» и т.д., всего таких измененных заглавий 5), в одном случае в заголовке появилось новое слово (в оригинале басня И.А. Крылова называется «Тень и человек», в «Азбуке» – «Шалун и тень», соответственно на букву *Ш*) (рис. 2).

Интересно, что выбранные составителем стихотворные фрагменты, как правило, не являются ни началом басни, ни ее морально-кульминацией. Зато достаточно точно соответствуют иллю-

⁶ Константин Петрович Масальский (1802–1861) служил в министерствах внутренних и иностранных дел, в департаменте законов Государственного совета, Государственной канцелярии, в V отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Русский писатель, автор исторических романов. В 1821 г. дебютировал как поэт и баснописец, известность приобрел как автор исторических романов.

⁷ Иван Иванович Дмитриев (1760–1837) – полковник, товарищ министра департамента уделов, обер-прокурор 3-го департамента Сената, член государственного совета, министр юстиции, действительный тайный советник. Впервые был опубликован в 1777 г. в журнале Н.И. Новикова «Санкт-Петербургские учёные ведомости», автор многих, в том числе сатирических стихотворений, сказок и басен (в основном переводы с французского); был дружен с Н.И. Карамзиным, встречался с И.А. Крыловым, Г.Р. Державиным, А.С. Пушкиным.

страциям⁸. Можно предположить, что именно текст подбирался к изображению, а не наоборот.

Рис. 2. «Новая русская азбука с картинками» (1889. С. 2–3)

Итак, рассмотренные пособия содержали алфавитный ряд прямого порядка, и в них не было никаких материалов для отработки приемов звукослияния, слогового и связного чтения. По ним можно было выучить буквы. Тексты и многофигурные иллюстрации служили «поводом» для просветительских и — еще более — воспитательных бесед с ребенком. Но сомнительно, чтобы, занимаясь по ним, можно было научиться читать.

⁸ К сожалению, нам не удалось установить авторство иллюстраций. Но явно автор у них один.

«Предметная группа» пособий – самая многочисленная (8 изданий). Как мы уже сказали, в них букву сопровождает начинающееся на нее слово (слова) и соответствующее изображение(я). Отметим следующие особенности данного типа источников.

Достаточно часто к букве подобраны отнюдь не самые простые и «ходовые» слова и не слишком очевидные изображения: *Ж* – жеребец – нарисована лошадь, встающая на дыбы; *И* – изба – бревенчатый дом; *О* – «огнедышущая гора» – пейзаж с действующим вулканом; *С* – сирена – женщина с рыбьим хвостом; *Ө* – Федя – мальчик с платком и т.д. [16] (рис. 3). В этом случае припомнить букву, опираясь на картинку, нелегко: в ряде случаев, не умея читать, сообразить, что же тут изображено, практически невозможно.

Рис. 3. «Драгоценный детский подарок: Азбука в картинках» (1845. С. 1)

В данных пособиях, как правило, «поле» буквы сформировано многофигурной иллюстрацией: либо один (или главный) предмет на переднем плане «вписан» в уместный пейзаж, либо несколько предметов (и / или людей) содержательно и визуальнo объединены в группу (дерево, деревня, домики, дорога; лошадь, лакей, лавоч-

ник, лавка; мальчики, мячики, мельница, место и т.д.) [17]. Интересно, что изображаются (и называются) в том числе вполне абстрактные понятия: *Н* – нищий, немочь, нужда [Там же], а также обозначены не предметы или явления, а процессы: *И* – игра в кегли, *У* – учение [18], *В* – возвращение [19. Л. 3] и т.п. (рис. 4, 5). В «Азбуке в картинках для маленьких детей» (1893), впрочем, на странице с каждой буквой представлены разрозненные по смыслу одинакового размера изображения. Соответствующие слова в ней разделены на слоги (Ар-фа. Ан-гел. Ар-буз. А-раб. А-ист. Ар-шин. А-ба-жур) [20. С. 3].

Рис. 4. «Русская азбука в картинках» (1857. Л. 6)

Рис. 5. «Забава и польза для детей. Азбучка-незабудочка» (1866. Л. 1)

Азбуки этого типа представляют собой и собственно книжку, и отдельные листы разного формата (в том числе *in folio*), и «гармошку» страничек. В двух последних случаях (издания 1889 и 1893 гг.), вероятно, предполагалось разрезать пособие на отдельные карточки.

Интересно отметить, что в названиях данной группы источников (как правило, в подзаголовке) часто встречаются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, порождающие определенного рода коннотации: «жемчужинка», «незабудочка», т.е. маленькая, но красивая и особо ценная вещь, не подлежащая утрате и забвению. Эпитеты в адресации азбук тоже «говорящие»: для маленьких детей, для миленьких друзей, для прилежных детей, для добрых детей, для умненьких малюток, маленький грамотей и т.п.

Сама азбука нередко названа «подарком», что, с одной стороны, подчеркивает ее значимость и ценность в глазах взрослого-покупателя / дарителя и ребенка-читателя, а с другой – зримо «уводит» от скучного понятия «учебник» [21].

Среди иллюстрированных азбук XIX в. достаточно много полиязычных. В числе рассмотренных нами пособий назовем «Живописную азбуку, или Российско-немецко-французские склады» (1838) [19]. Это 32 отдельных листа (в общей папке) с гравюрами, «изображающими разные любопытные предметы», буквами и словами-подписями на трех языках. Отметим, что в ряде случаев связка картинка–буква–слово «работала» во всех вариантах текста, но иногда – только в русском, поскольку буква, с которой слово начиналось по-немецки и / или по-французски, могла быть той же, но чаще – иной. Интересный вариант – когда звук был идентичным, а буквенное обозначение существенно разнилось (рис. 6).

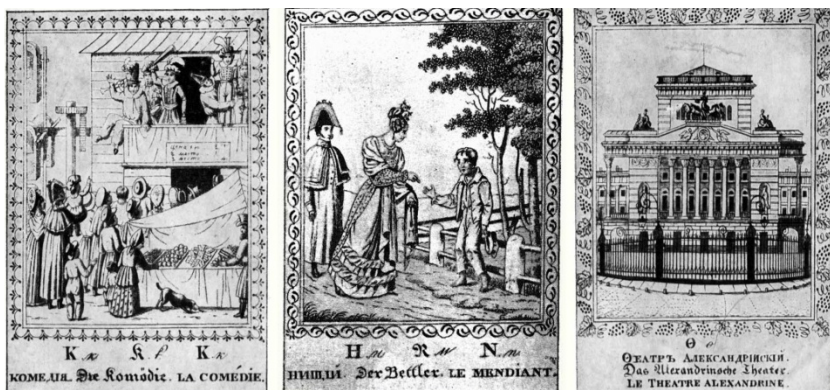

Рис. 6. «Живописная азбука, или Российско-немецко-французские склады» (1838)

С точки зрения современного методиста, весьма загадочно выглядит «Азбучка» из «раскидных картинок» с изображениями животных и птиц (1864, 1866, 1871) [22]. На каждой карточке – две буквы (в прямом алфавитном порядке), иллюстрация и слово-подпись к картинке. Буквы не совпадают ни с изображениями, ни

со словами: *Д* и *Е* – лошадь, *О* и *П* – шакал и т.д. (рис. 7). Возможно, такой вариант азбуки напрямую не использовался для системного обучения грамоте, и подобное издание ближе к «азбучным детским игрушкам» типа лото, которые были известны в России уже с конца XVIII в. и находятся «по другую сторону» границы «учебник–неучебник»⁹.

Рис. 7. «Азбучка» (1864)

Последний выделенный нами «мозаичный» тип пособий – самый любопытный (2 издания): они дальше всего от учебной книги в ее привычном облике и ближе всего к игрушке.

«Новая русская азбука в картинках» А. Умнова (1884) представляет собой 3 отдельных листа односторонней печати (формат ½ п.л.), расчерченных в виде таблицы: на двух их них в каждой «клетке», поделенной диагональю на два треугольника, помещены буквы и слова, на третьем – рисунки [24] (рис. 8).

⁹ Такого рода издания называет и описывает Н.А. Оболянинов в разделе «Игры детские» своих «Заметок о русских иллюстрированных изданиях»: «Игра Ханова, способ играя научить дѣтей азбукѣ. М., 1793. 8, 2 з. л., 4 н. л. на рус. и франц. яз., 150 шелегъ (?) и 25 картъ; Игра – лото калейдоскопъ № 1, приспособленная къ изученію русской азбуки. – 5 стр., 22 л. съ чертежами, таблицами; Живописное лото или легчайшій способъ научиться выражаться по-франц. и по-нѣмецки. М., 1852. 4 л. in folio; Новое живописное лото, или Легчайшій способъ научиться выражаться по-русски, по-французски и по-нѣмецки. 1856. 1 л. folio печат., 2-й л. 8° съ виньетомъ, 3 и 4-ый folio, литогр. по 90 изображ. на листѣ». Подчеркнем, что Оболянинов рассматривает эти издания именно в разделе «Игры детские», а не в разделе «Азбуки». Впрочем, понятно, что границы здесь весьма условные [23].

Рис. 8. Умнов А. «Новая русская азбука в картинках» (1884)
(коллаж их фрагментов)

Можно предположить следующие способы работы с «Азбукой». Первый: разрезаем листы и «превращаем» их в карточки ло-

то; глядя на картинку, ребенок подбирает к ней и складывает вместе «треугольники рисунков» с «треугольниками букв». Второй: разрезанные листы склеиваем так, чтобы получились карточки, где с одной стороны – буква и слово, а с другой – картинка; ребенок смотрит на рисунок, знакомится с буквой или припоминает её, переворачивает карточку и, глядя на оборот, проверяет себя. Возможно, оба эти (и / или еще какие-либо) способы применялись последовательно.

«Занимательная роскошная азбука-жемчужинка» (1885) выглядит действительно роскошно даже по нынешним меркам. В Предисловии издатель «льстит себя уверенностью, что [она]... может быть поставлена гораздо выше всех подобного рода общедоступных изданий» – отдадим ему должное, это действительно так [25]. Автор отмечает, что «Азбука» составлена «по фребелевскому методу – учить забавляя». Интересно, что «учение» и «забава», хотя и объединены здесь под одной обложкой, но как процессы не связаны между собой. В «Азбуке» имеются 5 цветных картин, которые должны быть разрезаны на квадратики и затем сложены детьми «как китайская головоломка» (мы бы сейчас сказали, как пазл). Помимо них «в коробке заключаются 144 квадратики или 180 букв (5 разной величины алфавитов)», что позволяет ребенку в специальной рамке собирать «как отдельные слова, так и целые предложения». Создатели «Занимательной азбуки» уверены, что «детей, конечно, заинтересует возможность выложить хотя бы свое имя, отчество и фамилию», а затем обратиться к другим словам, цифрам и знакам препинания. Однако картинки-пазлы и алфавит никак не корреспондируют друг с другом: яркие и привлекательные карточки (изображения на них явно сделаны с европейских клише) с научением чтению никак не связаны (рис. 9).

Пособия третьего типа, представляющие собой так или иначе «подвижную азбуку», – особое явление среди учебных изданий. С одной стороны, это никак не книжка для обучения грамоте – в них нет ничего, кроме алфавита и рисунков. С другой – из-за наличия нескольких (многих) комплектов букв и возможности их складывать, комбинировать, сдвигать и раздвигать они создают

определенное «обучающее пространство», которое является интерактивным (осознанно используем тут это современное понятие, оно кажется нам вполне уместным в данном контексте) и в силу этого – потенциально эффективным для освоения грамоты. Возникает парадоксальная ситуация: формально пособия данного типа дальше других отстоят от привычного «книжного» учебника, но с точки зрения результата обучения, вероятно, именно они были более эффективными. Особо подчеркнем, что для нас настоящим откровением стал факт издания и распространения такого рода пособий в России еще с середины XIX в.

Рис. 9. «Занимательная роскошная азбука-жемчужинка» (1885)

В заключение отметим еще один общий для всех рассмотренных пособий признак. Эти издания – не для школы. Реконструируя воз-

возможные способы работы с ними, с большой долей вероятности предположим, что занимались по ним дома – взрослые с детьми 6–7 лет.

Итак, вернемся к нашему вопросу – учебники ли это? Заданы в азбуках-картинках какие-либо цели и задачи образования? – Да, и эта цель – выучить алфавит. Можно ли считать их информационный контент дидактически обработанным? – Вполне, так как он приспособлен к возрастным и психологическим особенностям ребенка. Определены организационная форма и методика преподавания и учения? – Форма определена достаточно четко: индивидуальное домашнее обучение; предлагаемые методики поддаются достоверной реконструкции: мнемонические приемы, соотнесение объектов, комбинирование букв и т.д.

Конечно, в разных пособиях та или другая характеристика выражена / реализована более или менее явно / неявно и удачно / неудачно. Но в целом, полагаем, рассмотренный трехчастный «класс» пособий можно считать учебниками – весьма специфичными, но все-таки учебниками. Очень сомнительно, чтобы, занимаясь по ним, ребенок мог научиться бегло читать. Но запомнить буквы – их начертание, церковнославянские и гражданские «имена», звук(и), ими обозначаемые, – мог. В этом и состояла основная функция этих пособий. Можно сказать, что такую форму принимала «выносная» или «автономная» часть «полных» азбук и букварей – та самая, освоение которой подразумевало собственно первичное научение грамоте¹⁰. Дальнейшая отработка навыка чтения осуществлялась на основе иных учебников.

Подводя итоги, попробуем вписать рассмотренные азбуки-«недо-учебники» в более широкий исторический контекст.

Прежде всего, вспомним «азбуки-восьмилистки» или «азбуки на листе», появившиеся в Москве во второй половине XVII столетия [26. С. 62]. Конечно, прямая аналогия здесь неуместна, но упомянем их, чтобы подчеркнуть: существование изданий, включавших в себя

¹⁰ Мы вовсе не предполагаем рассуждений на тему о том, что было вначале: азбука или букварь. Лишь указываем на то, что пособия рассмотренного нами типа представляют собой «кусочек» более полных и «пространных» учебников, и «кусочек» весьма существенный и важный.

учебный материал, *минимально необходимый* для освоения грамоты, – давняя традиция. В «азбуках-восьмистках» были представлены алфавитный ряд прямого порядка, двух-буквенные и трехбуквенные слоги, слова под титлом, «числа церковные» и «имена просодиям» (т.е. знаки препинания). Текстов для чтения в них не было, а потому приобрести навык чтения, обучаясь по такой азбуке, было вряд ли возможно. Там не менее они имели огромные по тому времени тиражи и помогли освоить грамоту сотням тысяч людей [Там же. С. 64].

В XVIII в. в отечественной практике книгопечатания понятие «иллюстрированное издание» означало, как правило, наличие в нем гравюр, но не визуальное сопровождение текста. Вербальный и визуальный ряды сосуществовали под одной обложкой, но были почти независимы друг от друга, составляя два (или больше) практически автономных нарратива. В учебном процессе они, вероятно, просматривались / прочитывались порознь.

XIX столетие соединило текст и изображение: в школьном учебнике они теперь «работали вместе», обеспечивали решение одной задачи. На протяжении всего века создатели азбук в картинках разработали, апробировали, распространили своеобразный педагогический опыт – своего рода «изоподход к азбуке», который с наступлением века XX стремительно вышел из границ традиционной образовательной практики и породил плюс к ней поток практик художественных и культурных. Азбуки Елизаветы Бём, Александра Бенуа, Мстислава Добужинского, Николая Чернышева, Ивана Билибина, Владимира Конашевича, Владимира Маяковского, Георгия Нарбута, Сергея Чехонина и им подобные априори не предполагали постановки учебных задач, они создавались как арт-объект и функционировали, прежде всего, именно в этом качестве. Можно было по ним научиться читать? Почему бы и нет... Ведь можно даже так:

А я обучался азбуке с вывесок,

Листая страницы железа и жести.

В. Маяковский

Однако это уже были совсем не учебники, в отличие от азбуки в картинках – учебника, который среди прочего научил взрослых художественным играм с языком и с детством.

Литература

1. Беспалько В.П. Теория учебника. Дидактический аспект. М. : Педагогика, 1988. 160 с. ил.
2. Инструментальная дидактика: перспективные средства, среды и технологии обучения / ФГНУ «Ин-т содержания и методов обучения» РАО ; под ред. Т.С. Назаровой. СПб. : Нестор-История, 2012. 434, [1] с.
3. Оболянинов Н. Заметки о русских иллюстрированных книгах. Азбуки 1760–1860 гг. // Русский библиофил. 1911. № 2. Февраль. URL: <http://www.prodamknigu.com/russkii-bibliofil-le-bibliophile-russe-2-fevral-1911-g>
4. Азбуки, буквари и книги для чтения. Библиографический свод данных / ФГНУ НПБ им. К.Д. Ушинского. URL: <http://www.abc.gnpbu.ru/>
5. Nicolajeva M., Scott C. How Picturebooks Work. New York ; London : Taylor & Francis Group, 2006. 293 p.
6. Подарок детям в память 1812-го года: [Азбука в стихах и картинках]. СПб. : Тип. В. Плавильщикова, ценз. 1814. 34 л. цв. ил. в папке.
7. Вольская Н.Н. Прецедентные вербально-визуальные феномены как основа историографии в «Теребенёвской азбуке» – первой политической карикатуре в России // Медиаскоп. URL: <http://msub.augvir.ru/node/1803>
8. Лотман Ю.М. Художественная природа русских народных картинок // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб. : Искусство, 1998. С. 482–493.
9. Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М. : Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.: ил.
10. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М. : Диалог-МГУ, 1998. 350, [2] с.
11. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003. 286, [1] с.
12. Пирогов Н.И. Сочинения. 2-е юбил. изд., испр. и доп. Киев : Пирогов. т-во, 1914–1916. Т. 2 : Дневник старого врача, 1916. [7] с., 704 стб., [4] л. портр.
13. Теребенёвская азбука // Череповецкое музейное объединение. URL: <http://чермо.рф/музейное-sobranie/621-terebenevskaya-azbuka>
14. Азбука из разнощицков с прибаутками: Для елки: Подарок детям. М. : Н.А. Калашников и Н.Ф. Коноплев, 1871. [2], 26 л. с ил.
15. Новая русская азбука с картинками. М. : А.А. Абрамов, 1889. 36 с.: ил.
16. Драгоценный детский подарок: Азбука в картинках. Б.м, 1845. Л. 1–2.
17. Русская азбука в картинках: Приятное и полезное занятие для малолетних детей / изд. Н.В. Логинова. М., 1857. [1] с., 32 л. ил.
18. Забава и польза для детей. Азбучка-незабудочка. [Москва] : лит. П. Душенкова, ценз., 1866. 2 л. ил.
19. Живописная азбука, или Российско-немецко-французские склады: Для обучения детей, на 32 грав. картинках, изображающих разные любопытные предметы. Вновь испр. и значит. доп. [Москва] : тип. А. Семена, ценз. 1838. 31 л. в общей обл.-папке с. ил.

20. Азбука в картинках для маленьких детей. М. : А.Д. Ступин, 1893. 32 с.: ил.
21. Азбука Елка Новый золотой подарок для миленьких друзей. М. : Лит. П. Душенкова, ценз. 1867. [1] с., 3 л. ил.
22. Азбучка: Подарок детям, состоящий из 18-ти раскидных картинок, зверей / Изд-е Андреева. [Москва], ценз. 1864. [18] с. на 1 складном л.: ил.
23. *Обольянинов Н.* Заметки о русских иллюстрированных изданиях. Игры детские. М. : Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1915. 31 с.
24. *Умнов А.* Новая русская азбука в картинках, приспособленная к звуковому обучению букв / сост. А. Умновым. СПб. : лит. Гробовой, 1884. 4 л.: ил.
25. Занимательная роскошная азбука-жемчужинка для умненьких малюток. [Санкт-Петербург] : А. Меламед, ценз., 1885. 2 л.: цв. ил.
26. *Мошкова Л.В.* Азбука-восьмилистка XVII в.: история и проблемы изучения // Вестник славянских культур. 2012. № 1. С. 62–67.

“FUN AND USE FOR CHILDREN”: PICTORIAL ABCS IN THE RUSSIAN EDUCATIONAL BOOK PUBLISHING OF THE 19TH CENTURY

Tekst. Kniga. Knigoidanie – Text. Book. Publishing, 2017, 14, pp. 76–99.

DOI: 10.17223/23062061/14/5

Ekaterina Yu. Romashina, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russian Federation). E-mail: katerinro@yandex.ru

Keywords: pictorial ABC, primer, textbook, visuals, learning to read, literacy.

The author examines and analyzes pictorial ABC books, published in Russia in the chronological interval of 1815–1893. This type of edition is described as a special “frontier phenomenon”, occupying an intermediate position between the textbook and the toy. A typology of such editions is suggested depending on their content and the structure-functional relationship of the text and the visuals. The following types are distinguished.

The “plot type”: in such a manual each letter is accompanied by a short text (usually poetic) that begins with this letter and a story illustration, meaningfully and functionally related to the text. A vivid example is *Azbuka v stikhakh i kartinkakh. Podarok detyam v pamyat' 1812-go goda* [The ABC book in verse and pictures. A gift to children in memory of the year 1812] (1815), well-known as “Terebenev’s ABC” (by the name of the author). The manual of this type did not contain any materials for training the sounding, syllabic and / or connected reading. They only helped to learn the letters. Texts and multi-figured illustrations served as a “subject” for educational conversations with the child.

The “subject type”: in such a manual, as a rule, the “field” of the letter is formed by a word (or several words) starting with the letter; a picture of the object / person / action corresponding to the word; the Church Slavic “name” of the letter and a multi-figure illustration. In the illustration, either one (or main) foreground object is “inscribed” into a relevant landscape, or several objects (and / or people) are meaningfully and visually combined into a group. This edition often had a subtitle: “A Gift”, which, on the one

hand, emphasized its importance and value for the adult buyer / presenter and the child reader, on the other, “took away” from the boring concept of a “textbook”.

The “mosaic type”: the manual is a “mobile” or “folding” ABC, it contained a sheet with letters repeated several times using different fonts; punctuation marks; figures and several illustrations. It was assumed that the sheet would be cut into individual cards, the child would fold them “like a Chinese puzzle”. Although this manual is not very similar to the textbook, the presence of several (many) sets of letters and the opportunity to add, combine, move and expand created a certain interactive “learning space”.

On the basis of sociocultural, semiotic, linguocultural and didactic analysis, the author comes to a conclusion that pictorial ABCs should be attributed to primers, because they contain: goals and objectives of learning; didactically processed content of human activities experience; a certain organization form of the educational process; an expressed technology and methods of teaching and learning.

References

1. Bepalko, V.P. (1988) *Teoriya uchebnika. Didakticheskiy aspekt* [Textbook Theory. Didactic Aspect]. Moscow: Pedagogika.
2. Nazarova, T.S. (ed.) (2012) *Instrumental'naya didaktika: perspektivnye sredstva, sredy i tekhnologii obucheniya* [Instrumental didactics: Perspective means, environments and technologies of training]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
3. Obolyaninov, N. (1911) Zametki o russkikh illyustrirovannykh knigakh. Azbuki 1760-1860 gg. [Notes on Russian illustrated books. The ABC-books of 1760-1860-s.]. *Russkiy bibliofil*. 2. [Online] Available from: <http://www.prodamknigu.com/russkii-bibliofil-le-bibliophile-russe-2-fevral-1911-g>.
4. K.D. Ushinsky Research Pedagogical Library. (n.d.) *Azbuki, bukvari i knigi dlya chteniya. Bibliograficheskiy svod dannykh* [Alphabets, ABC-books and books for reading. Bibliographic data]. [Online] Available from: <http://www.abc.gnpbu.ru/>.
5. Nicolajeva, M. & Scott, C. (2006) *How Picturebooks Work*. New York; London: Taylor & Francis Group.
6. Anon. (1814) *Podarok detyam v pamyat' 1812-go goda: Azbuka v stikhakh i kartinkakh* [A Gift to Children in Memory of 1812: The ABC-book in verse and pictures]. St. Petersburg: V. Plavilshchikov.
7. Volskaya, N.N. (2015) *Precedent Verbal and Visual Phenomena as the Basis for Historiography in Terebenev's ABC Book, the First Political Cartoon in Russia*. [Online] Available from: <http://msu6.augvir.ru/node/1803>. (In Russian).
8. Lotman, Yu.M. (1998) *Ob iskusstve* [About Art]. St. Petersburg: Iskusstvo. pp. 482–493.
9. Vishlenkova, E.A. (2011) *Vizual'noe narodovedenie imperii, ili "Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu"* [Visual ethnology of the empire, or “Not Everyone can see the Russian”]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Krasnykh, V.V. (1998) *Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'? Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya* [Virtual reality or real virtuality? Human. Consciousness. Communication]. Moscow: Dialog-MGU.

11. Gudkov, D.B. (2003) *Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow: Gnozis.
12. Pirogov, N.I. (1916) *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 2. Kiev: Pirogov. t-vo.
13. Anon. (n.d.) *Terebenevskaya azbuka* [Terebenev's ABC Book]. [Online] Available from: <http://chermo.rf/muzejnoe-sobranie/621-terebenevskaya-azbuka>.
14. Anon. (1871) *Azbuka iz raznoshchikov s pribautkami: Dlya elki: Podarok detyam* [The ABC-book from the pedlars with jokes: For the Christmas tree: A gift to children]. Moscow: N.A. Kalashnikov i N.F. Konoplev.
15. Anon. (1889) *Novaya russkaya azbuka s kartinkami* [New Russian ABC-book with pictures]. Moscow: A.A. Abramov.
16. Anon. (1845) *Dragotsennyy detskiy podarok: Azbuka v kartinkakh* [Precious Child's Gift: ABC in Pictures]. [s.l.; s.n.].
17. Anon. (1857) *Russkaya azbuka v kartinkakh: Priyatnoe i poleznoe zanyatie dlya maloletnikh detey* [Russian alphabet in pictures: A pleasant and useful lesson for young children]. Moscow: N.V. Loginov.
18. Anon. (1866) *Zabava i pol'za dlya detey. Azbuchka-nezabudochka* [Fun and Benefit for Children. The Alphabet Book not to forget]. Moscow: P. Dushenkov.
19. Anon. (1838) *Zhivopisnaya azbuka ili rossiysko-nemetsko-frantsuzskie sklady. Dlya obucheniya detey, na 32 grav. i raskrash. kartinkakh, izobrazhayushchikh raznye lyubopytnye predmety* [Picturesque alphabet or Russian-German-French syllables: For teaching children, on 32 engraved and coloured pictures depicting various curious objects]. Moscow: A. Semen.
20. Anon. (1893) *Azbuka v kartinkakh dlya malen'kikh detey* [The ABC-book in pictures for young children]. Moscow: A.D. Stupin.
21. Anon. (1867) *Azbuka Elka. Novyy zolotoy podarok dlya milen'kikh družey* [The Christmas Tree Alphabet. A new golden gift for dear friends]. Moscow: P. Dushenkov.
22. Anon. (1864) *Azbuchka: Podarok detyam, sostoyashchikh iz 18-ti raskidnykh kartinok, zverey* [The ABC-book: A gift to children, of 18 foldout pictures, animals]. Moscow: Izd. Andreeva.
23. Obolyaninov, N. (1915) *Zametki o russkikh illyustrirovannykh izdaniyakh. Igry detskie* [Notes on Russian illustrated editions. Children's Games]. Moscow: A.I. Mamontov.
24. Umnov, A. (1884) *Novaya russkaya azbuka v kartinkakh, prisposoblennaya k zvukovomu obucheniyu bukv* [A New Russian ABC-book in pictures, adapted to sound learning of letters]. St. Petersburg: lit. Grobovoy.
25. Anon. (1885) *Zanimatel'naya roskoshnaya azbuka-zhemchuzhinka dlya umnen'kikh malyutok* [Entertaining Luxurious Alphabet-Pearl for Clever Babies]. St. Petersburg: A. Melamed.
26. Moshkova, L.V. (2012) *Azbuka-vos'milistka XVII v.: istoriya i problemy izucheniya* [The Eight Page Alphabet Book of the eighteenth century: The history and problems of study]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur – Bulletin of Slavic Cultures*. 1. pp. 62–67.

УДК 028.1: 316.7

DOI: 10.17223/23062061/14/6

А.Ф. Нургалиева, С.Ю. Назарова, А.Б. Семириков

КУЛЬТУРА ЧТЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

***Аннотация.** Анализируется проблема чтения в информационном обществе. Рассматриваются традиция культуры чтения и возможность её преемственности образовательными учреждениями через актуализацию классических форм взаимодействия: читатель–автор, читатель–педагог. В пример приводится инновационная методика В.И. Тюпы. Ставится вопрос о возможности преодоления кризисной ситуации путем проектирования в библиотечной среде. Рассматривается деятельность сообщества молодых библиотекарей НБ ТГУ по повышению уровня культуры чтения в молодежной среде.*

Ключевые слова: культура чтения, читательская компетенция, информационное общество, библиотечная среда, диалогичность.

Со сменой характера общества переосмысливается вопрос о ценности устного и печатного слова. Для актуализации контекста исследования не можем не обратиться к изысканиям букваристики как «одной из самых старых методик обучения» грамоте и воспитания отношения к слову. «Педагог не должен забывать, что дух наш питается идеями, тело – материальной пищей, а душа и все её способности – деятельностью», – говорил К.Д. Ушинский [1]. «Содержание обучения, в том числе и грамоте, обязано давать ребенку пищу и для развития его духа (ментальной сферы личности), тела (физической сферы) и души (эмоционально-волевой сферы). Этой пищей для ребенка является родное слово, в котором живет «вечно юная, вечно развивающаяся душа народа» [2].

Предвосхищая русского ученого, Ян Амос Коменский произнёс речь «Об искусном пользовании книгами – первейшим инструментом развития природных дарований», в которой отмечал: «Напрасен ум, если нет пищи мудрости, какую доставляют добрые книги, полные благих наставлений, примеров, нравственных заветов, законов и благочестивых правил. Словно задушевные друзья,

они охотно беседуют с нами... учат нас, ободряют, утешают и как зримо являют нам самые далёкие от наших глаз вещи...» [3].

Сближает двух педагогов единое видение цели чтения – «проницательность» как одно из проявлений духовного становления, которое осуществляется в диалогах: читатель–текст–автор, читатель–текст–педагог.

Сегодня высказывания ученых приобретают тональность робкого напоминания о необходимости формирования культуры чтения, культуры восприятия текста при его особой роли в становлении личности, поскольку информационное общество направлено в большей степени на потребление, а планирование досуга имеет особую специфику, связанную с профицитом возможностей (путешествия, развлечения).

Читатель–текст–автор. Читатель–текст–педагог

Читательская компетенция предполагает коммуникацию, или диалогичность, с сознанием автора (по М.М. Бахтину). Такой диалог не просто очертить. В.И. Тюпа в своей статье [4] описал формирование читательской компетенции стадияльно. Центральными понятиями стали жанровое мышление, эмоциональная рефлексия, понятийное мышление, текст как источник художественного впечатления, развитие абстрактно-логического мышления, овладение экзистенциальными смыслами, эстетическая идентификация, соотнесение собственной нравственной нормы с нормой авторского сознания.

Заключительный этап – соотнесение собственной нравственной нормы с нормой авторской – предполагает сравнение личностных этических установок через литературный анализ. «Я должен вчувствоваться в этого другого человека, ценностно увидеть изнутри его мир так, как он его видит, стать на его место и затем, снова вернувшись на свое, восполнить его кругозор тем избытком видения, который открывается с этого моего места вне его, обрмить его, создать ему завершающее окружение из этого избытка моего видения, моего знания, моего желания и чувства <...> Первый момент эстетической деятельности – вживание», – говорил М.М. Бахтин [5].

Возникает вопрос: как культура чтения соотносится с существующими методами исследования текста. Если читатель воспринимает текст как мышление автора, то для его изучения он осознанно может применить научный метод: структурализм, феноменологию, герменевтику. С одной стороны, меняется понятийный язык рефлексирующего читателя по ходу погружения в ту или иную школу. С другой – формируется навык сравнения, сопоставления мировоззрений, необходимый для работы с любой гуманитарной литературой. В школе культура восприятия исследуется через критерии использования литературных терминов в итоговом сочинении, через соотнесение авторской и читательской позиций.

Современное образование не успевает актуализировать традиционные формы обучения на фоне быстро развивающегося информационного общества. Классические методы работы с текстом (от учителя к ученику) теряют свою привлекательность как форма интеллектуального досуга. Между тем именно в коммуникативной ситуации читатель обретает необходимый навык соприкосновения с сознанием автора.

Эта проблема стала одной из причин создания «Национальной программы поддержки и развития чтения», заказчиками которой выступили Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям и Российский книжный союз. Сроки реализации программы – с 2007 по 2020 г. Характеризуя проблему снижения качества чтения, авторы программы подчёркивают, что в масштабах страны инфраструктура поддержки чтения достигла критического предела. Данное состояние специалисты рассматривают как начало процесса разрушения национальной культуры. «Проблемы чтения в России имеют специфику, порождённую ее переходным состоянием. Возникли и усиливаются факторы, снижающие читательскую активность в массовом масштабе. Эти факторы обусловлены тем, что прежние институциональные структуры, обеспечивавшие массовую распространённость и престиж чтения в советское время, перестали отвечать изменившимся требованиям, а новые находятся в стадии становления» [6. С. 7].

Среди институтов, на которых лежит работа по реализации программы, основную надежду в поддержке культуры чтения возлагают на библиотеки. В «Кодексе этики российского библиотекаря», принятом на Ежегодной конференции Российской библиотечной ассоциации в 2011 г., говорится о том, что библиотека «пропагандирует книгу и чтение как источник интеллектуального и духовного развития личности, способствует формированию и развитию культуры чтения» [7]. Не случайно именно библиотекари первыми поставили вопрос о связи культуры чтения и информационной культуры. «Первым обратился к вопросам изучения читателя и книги на научной основе Н.А. Рубакин, а одними из первых работ, в которых использовалось понятие “информационная культура”, стали статьи библиографов К.М. Войхановской, Б.А. Смирновой, Э.Л. Шапиро» [8].

Практические методы работы в области культуры чтения в НБ ТГУ

В пространстве университета формирование навыка культурного восприятия текста возможно с помощью деятельности не только факультетов, спецификой обучения на которых является работа с текстом (ФилФ, ФЖ), но и библиотеки. До настоящего времени в НБ ТГУ инструментами, позволяющими студентам поддерживать культуру чтения, были мероприятия, выставочная деятельность, занятия по библиотековедению, которые проводит с 1979 г. библиографический отдел. С 2011 г. раздел «Культура чтения» исчез из обучающей программы «Основы информационной культуры».

С 2015 г. сотрудниками НБ ТГУ разрабатывается проект, направленный на популяризацию чтения и формирование читательской компетенции среди молодежи. В ноябре 2015 г. в НБ ТГУ авторами проекта был проведен опрос среди читателей и гостей библиотеки, возраст которых составлял от 13 до 27 лет. Было обработано 120 опросных листов.

Максимальное количество прочитанных опрошенными книг за 2015 г. составило 70 экземпляров. Часть респондентов не прочита-

ли ни одной книги за год; 60 респондентов читали в истекшем году только беллетристику; только научную литературу читали 9 человек; под рубрикой «другое» многие подразумевали публицистику, ее предпочли 6 человек.

Пятерка самых востребованных авторов выглядит следующим образом: Ф.М. Достоевского рекомендовали прочитать 23 человека; М. Булгакова – 13; М.Э. Ремарка – 11; Р. Брэдли – 8; С. Кинга – 8 респондентов. Вдумчиво читают 35 человек, «зависит от литературы» – так определили свой характер чтения 35 человек, 2 человека читают книги, пролистывая их, и 2 человека читают цитаты из пабликов в «ВКонтакте».

«Культура чтения» для опрашиваемых – это «то, что человек читает», «практики, помогающие расширить кругозор», «умение осмысливать и выделять главное в прочитанном», «литература, заставляющая думать и мыслить, настраивать мировоззрение», «навыки работы с книгой», «способность наиболее рационально и продуманно использовать прочитанную информацию», «сосредоточенное чтение», «массовое приобщение к чтению», «все, что связано с чтением», «комфортность чтения», «умение выделять качественную литературу», «применение при чтении к своему поведению паттернов, выработанных обществом для чтения за время его существования», «перенос прочитанного на свой опыт», «ориентация в литературе», «осознанное чтение», «потребность в чтении», «выбор правильной литературы», «умение слышать то, что говорит книга».

«Совместное чтение» респонденты определяли как «чтение в кругу друзей, семьи», «чтение одной / нескольких книг одновременно с кем-то / чтение по ролям», «совместное обсуждение прочитанного», «коллективное чтение», «бессмысленная трата времени, так как в моем понимании чтение бывает полезным и продуктивным лишь в одиночестве».

Анализируя данные опроса, можно прийти к выводу, что проблема снижения качества чтения в информационном обществе не является надуманной. Соответственно, деятельность, предполагающая создание учебных коммуникативных ситуаций, актуальна.

Литература

1. Ушинский К.Д. Собрание сочинений : в 11 т. / редкол.: А.М. Еголин (гл. ред.), Е.Н. Медынский и В.Я. Струминский; [сост. и подгот. к печати В.Я. Струминский]; Акад. пед. наук РСФСР, Ин-т теории и истории педагогики. М. ; Л. : Акад. пед. наук РСФСР, 1949. Т. VI. С. 303.
2. Штец А.А. Методика обучения К.Д. Ушинского // Начальная школа плюс до и после. 2010. № 10. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://school2100.com/upload/iblock/b36/b366640f1bc665579dfe1adfe89ec823.pdf>.
3. Коменский Я.А. Об искусном пользовании книгами – первейшим инструментом развития природных дарований // Актиноя. Электрон. дан. [Б. м.], 2011. URL: http://aktinoya.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=172:2011-12-22-13-12-54&catid=72:2011-12-07-09-41-15&Itemid=182.
4. Тюна В.И., Сергеева (Носкова) В.Б. Инновационная технология литературного образования школьников: системно-деятельностный подход (статья вторая) // Филологический класс. 2014. № 2. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-tehnologiya-literaturnogo-obrazovaniya-shkolnikov-sistemno-deyatelnostnyy-podhod-1>.
5. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // InFolio: университетская электронная библиотека. Электрон. дан. [Б. м.], 2000. URL: http://www.infolilib.info/philol/bahtin/2_1.html.
6. Национальная программа поддержки и развития чтения // Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества. Электрон. дан. М., 2007–2011. URL: http://www.mcbs.ru/files/File/nats_programma_podderzhki_chteniya.pdf.
7. Кодекс этики российского библиотекаря // Российская библиотечная ассоциация. Электрон. дан. М., 2005–2015. URL: <http://www.rba.ru/content/about/doc/codex.php>.
8. Аманова Г.К. О культуре чтения в современном информационном обществе // Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова. Электрон. дан. Павлодар, 2009–2015. URL: http://psu.kz/index.php?id=2163&Itemid=228lang=rus&option=com_content&view=article.

CULTURE OF READING IN AN INFORMATION SOCIETY

Tekst. Kniga. Knigoidanie – Text. Book. Publishing, 2017, 14, pp. 100–107.

DOI: 10.17223/23062061/14/6

Anastasiya F. Nurgaliyeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: virtr@list.ru

Svetlana Yu. Nazarova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: publication@mail.tsu.ru

Andrey B. Semirikov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rozanoff@lib.tsu.ru

Keywords: culture of reading, reader's competence, information society, library environment, dialogic.

The article considers the role of the culture of text perception in an information society in the context of the formation of the reader's personality. The tradition of the reading culture formation is presented through the views of the scholars K.D. Ushinsky, Ya.A. Komenskiy, M.M. Bakhtin. The continuity of tradition in the studies of educational communicative situations and the evolutionist theory of V.I. Tyupa is noted. To update the classical forms of work with the text, dialogues were recognized as a reference point: the reader – the text – the author, the reader – the text – the teacher. The basic concepts in development of reader's perception were identified: genre thinking, emotional reflection, conceptual thinking, text as a source of artistic impression, development of abstract and logical thinking, learning existential meanings, esthetic identification, correlation of one's own ethical standard with the norm of the author's consciousness. The final stage is the correlation of one's own ethical standard with the author's norm, which assumes comparison of personal ethical views through literary analysis. On the one hand, the conceptual language of the reflecting reader changes while they immerse in this or that school changes. On the other hand, the skill of comparison, comparison of outlooks necessary for work with any humanitarian literature, is formed. At school, the culture of perception is investigated through the criteria of literary terms application in the final composition, through the correlation of the author's and reader's positions.

Dialogues as the basis of communication are considered as a classical relevant technique since researchers note a decline in the quality of reading by modern readers. Due to this fact, guidelines of the National Program and the Code of Ethics of the Russian Librarian are cited.

The article gives a short overview of practical methods of work in the field of culture of reading, results of questioning are given and prospects are outlined.

References

1. Ushinskiy, K.D. (1949) *Sobranie sochineniy: v 11 t.* [Collected Works. In 11 vols]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: RSFSR Academy of Pedagogical Sciences.
2. Shtets, A.A. (2010) Metodika obucheniya K.D. Ushinskogo [K.D. Ushinsky's teaching method]. *Nachal'naya shkola plyus do i posle*. 10. [Online] Available from: <http://school2100.com/upload/iblock/b36/b366640f1bc665579dfe1adfe89ec823.pdf>. (Accessed: 6th November 2015).
3. Komenskiy, Ya.A. (2011) *Ob iskusnom pol'zovanii knigami – perveyshim instrumentom razvitiya prirodnikh darovaniy* [On the skillful use of books as the first instrument for the development of natural talents]. [Online] Available from: http://aktinoya.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=172:2011-12-22-13-12-54&catid=72:2011-12-07-09-41-15&Itemid=182. (Accessed: 6th November 2015).

4. Tyupa, V.I. & Sergeeva (Noskova), V.B. (2014) Innovation technology of literature education at school: active and systematical approach (part 2). *Filologicheskiy klass*. 2(36). [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-tehnologiya-literaturnogo-obrazovaniya-shkolnikov-sistemno-deyatelnostnyy-podhod-1>. (Accessed: 6th November 2015).

5. Bakhtin, M.M. (2000) *Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti* [The author and the hero in aesthetic activity]. [Online] Available from: http://www.infoliolib.info/philol/bakhtin/2_1.html. (Accessed: 6th November 2015).

6. Interregional Centre of Library Cooperation. (n.d.) *Natsional'naya programma podderzhki i razvitiya chteniya* [National Program for Support and Development of Reading]. [Online] Available from: http://www.mcbs.ru/files/File/nats_programma_podderzhki_chteniya.pdf. (Accessed: 6th November 2015).

7. Russian Library Association. (2005–2015) *Kodeks etiki rossiyskogo bibliotekar-ya* [Code of Ethics of the Russian Librarian]. [Online] Available from: <http://www.rba.ru/content/about/doc/codex.php>". (Accessed: 6th November 2015).

8. Amanova, G.K. (2009–2015) *O kul'ture chteniya v sovremennom informatsionnom obshchestve* [On the culture of reading in the modern information society]. [Online] Available from: http://psu.kz/index.php?id=2163&Itemid=228lang=rus&option=com_content&view=article. (Accessed: 6th November 2015).

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

УДК 808.1

DOI: 10.17223/23062061/14/7

Э.К. Лавошникова

ВАРИАТИВНОСТЬ В ГРАММАТИКЕ СТИХОТВОРНЫХ ТЕКСТОВ И ИХ КОМПЬЮТЕРНАЯ КОРРЕКЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНТОЛОГИИ «ПОЭЗИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ОТ ЛОМОНОСОВА И ДО...»)

***Аннотация.** В статье показаны некоторые лексические и грамматические особенности поэтических произведений, во многих случаях диктуемые практикой стихосложения. Примеры взяты из стихотворных произведений, размещённых на интернет-сайте «Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до...» и в книгах 1-, 5- и 8-й одноимённой антологии. При этом анализируется выдача рекомендаций по исправлению не соответствующих современной норме словоформ или мнимых ошибок текстовым редактором Microsoft Word 2016. Делается попытка выявить и объяснить не всегда адекватную реакцию Word'овского spellера на отклонения в стихотворных строчках от норм современной грамматики русского языка, даже если они отмечены в академических словарях и справочниках.*

Ключевые слова: стихотворные тексты, спеллер, компьютерная проверка правописания, старая орфография, грамматические варианты.

Общеизвестно, что в русской поэзии XIX и даже XX в. нередко можно встретить не только неологизмы, но и отклонения от современных правил русской грамматики. Мы решили протестировать новую версию текстового редактора Microsoft Word 2016 на текстах стихотворных произведений, размещённых сотрудниками Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ имени М.В. Ломоносова (НИВЦ МГУ) на интернет-сайте «Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до...» (www.poesis.ru) и в 1-й [1], 5-й [2] и 8-й [3] книгах из одноимённой антологии, издаваемой с 2005 г. коллективом лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ.

Приведём цитату из вводной статьи издателя Е.В. Витковского, размещённой в первой книге антологии, вышедшей в издательстве «Водолей Publishers» к 250-летию юбилею Московского университета: «Важно то, что Московский университет основан поэтом. <...> Заметим и то, что тем же 1755 годом датирована и Российская грамматика Ломоносова – первая собственно русская грамматика, многое из которой используется нами и по сей день; в частности, именно там Ломоносов впервые разъяснил России, чем существительное отличается от прилагательного. Если Пётр Великий “Россию поднял на дыбы”, то Ломоносов сделал то же самое с русским стихом, положив резкую грань между всем, что было до него – и всем, что настало после» [4. С. 4].

При помощи компьютерного текстового редактора можно выявить некоторые особенности словотворчества, а также грамматические отклонения от современных правил русского языка.

При компьютерной проверке правописания в текстовом редакторе MS Word автокорректор **красной волнистой линией** подчёркивает слова (или части слов при написании через дефис), отсутствующие или не порождаемые в Word’овских внутренних системных словарях. **Синим** система Word 2016 (как и Word 2013) подчёркивает в текстах пользователя предполагаемые синтаксические огрехи – ошибки в согласовании слов во фразе. В более ранних версиях Word’a, разработанных на основе системы «Орфо», такие фрагменты текста подчёркивались **зеленым**.

Подчёркиваемые автокорректором Word 2016 слова и словосочетания мы в наших примерах тоже будем подчёркивать.

Программа-подсказка при её вызове пользователем предлагает список возможных вариантов исправления подчёркнутого слова (или словосочетания), а также может предложить рекомендацию по коррекции пунктуации во фразе.

Пожалуй, самый знаменитый пример грамматической неправильности в русской поэзии – лермонтовское «Не встретит ответа средь шума мирского из пламя и света рождённое слово». Word 2016 подчёркивает синтагму «из пламя» синим и предлагает исправление «из пламени». В этом случае спеллер ни в чём упрекнуть нельзя.

Известно, что издатель журнала «Отечественные записки» А. Краевский указал поэту на его ошибку. Приведём цитату из книги Э. Найдича: «Действительно, с точки зрения нормативной грамматики Краевский был прав. Однако во многих русских говорах, в разговорной речи и, главное, в художественной практике ряда русских писателей XVIII – начала XIX в., как об этом писал известный исследователь русского литературного языка Л.И. Булаховский, слова “имя”, “время” и подобные им склоняются по образцу “поле”. Живые народные формы этих слов относительно свободно употребляли Кантемир, Радищев, Державин, Крылов, Лермонтов и даже позднее Л.Н. Толстой в “Войне и мире”. Подобная грамматическая форма встречается в произведениях Лермонтова: “Погаснувших от время и страстей” (стихотворение “1831-го, июня 11 дня”), “Не выгянет до время седина” (поэма “Сашка”), “Ни даже имя своего” (стихотворение “А.О. Смирновой”, вариант из альбома М.П. Полуденского)» [5. С. 156].

Далее приводятся примеры с красным или синим подчёркиванием Word’овского spellера, полученным при компьютерной проверке стихотворных произведений авторов, имевших отношение к Московскому университету.

Заметим, что мы преобразуем фразы-примеры (не верлибр) в обычный нарратив, **без разбивки на строки**, иногда без конца или начала (ставим многоточие).

Николай Карамзин (1766–1826) посещал лекции в Московском университете, впоследствии был избран почётным членом Общества любителей российской словесности (ОЛРС) при Московском университете.

Что пользы? Рока и небес не тронешь ты своей тоскою и будешь жалок лишь себе! («К самому себе» [1. С. 209]). Мы видим по подчёркиванию слова тоскою, что «ошибкой» у текстового редактора Word (но будем справедливы, не всегда) считается окончание «-ою/-ею» для существительных женского рода. Таких подчёркиваемых Word’ом слов немало даже в современных стихах: улыбкою, борьбою, тьмою, листвою, походкою, а также пищею и др. (эти примеры взяты с сайта roesis.ru). В грамматическом словаре Андрея Анатольевича Зализняка читаем: «В данном подразделе все формы

Т. ед. с окончанием **-ой, -ёй** или **-ей** имеют параллельный вариант с окончанием **-ою, -ёю, -ею** <...> В целях сокращения этот вариант в парадигмах не выписывается. В современном языке, в отличие от языка XIX века, вариант на **-ою, -ёю, -ею** употребляется очень редко (преимущественно в поэзии)» [6. С. 45]. Но в системе MS Word это пояснение учитывается не во всех случаях.

Василий Жуковский (1783–1852) учился в Московском благородном университетском пансионе, окончил его с серебряной медалью, впоследствии был почётным членом ОЛРС при Московском университете.

И вдруг, успокоясь, волненье легло... («Кубок» [1. С. 335]). Подсказка форму *успокоившись* не выдаёт, так как при преобразованиях неопознанного слова замена буквосочетания «ясь» на «ившись» пока ещё в Word'е не предусмотрена.

Михаил Салтыков-Щедрин (1826–1889) учился в Московском дворянском институте (бывший Московский университетский благородный пансион), впоследствии был действительным членом ОЛРС при Московском университете.

О неба дивное созданье, о дева, чудо красоты («Песня (из Victor Hugo)» [3. С. 137]). Слово «созданье», подчёркиваемое красным как отсутствующее в Word'овских системных словарях, достаточно часто встречается и в современных текстах и кажется вполне нормальным. Смотрим «Грамматический словарь» Зализняка [6], положенный в основу всех версий системы «Орфо», а позднее и Word'a. Действительно, в нём имеется только один вариант написания – *создание*, как и в более объёмном по числу словарных статей академическом словаре под редакцией В.В. Лопатина [7]. Однако в поэтических текстах лишний слог для благозвучия, рифмы или поддержания размера иногда элиминируется, происходит стяжение двух гласных в один слог. Word 2016 в вышеприведённом примере неправомерно подчёркивает второе обращение из двух имеющихся «о дева» синим и предлагает варианты исправления «о деву» и «о деве».

Теперь обратимся к немногочисленным стихотворным опытам **Льва Толстого** (1828–1910). Лев Николаевич учился в Казанском

университете, однако с 1859 г. был действительным, а затем почётным членом ОЛРС при Московском университете.

Свои «Севастопольские песни» [3. С. 198] Л.Н. Толстой стилизовал под народную речь. Далее приведены цитаты – примеры фраз, в которых автокорректор Word 2016 подозревает отклонения от современной грамматики.

Как восьмого сентября мы за веру и царя от француз ушли. Получаем синее подчёркивание синтагмы «от француз», а программа-подсказка предлагает единственный вариант исправления – «от француза». Словоформа с нулевой флексией в том же произведении повторяется, но уже без вордовского подчёркивания: *А князьки хоть приезжали, да француз не испужали...* (Если заменить последнее слово нормативным «испугали», то Word 2016 пропустит эту фразу без замечаний.)

Теперь рассмотрим пример из произведения «Микулушка Селянинович. Стихи-сказка» [Там же. С. 215], стилизованного Толстым под былинку.

...Захлещнуты гужочки шелковеньки, а кобылка во сошке соловенька. Интересна реакция программы-подсказки Word'a 2016: один из вариантов исправления для формы «шелковеньки» – «шелков Еньки». Это означает, что в Word'овском системном словаре содержится такое имя собственное. Спеллером не подчёркиваются и некоторые другие его формы (но только начинающиеся с прописной буквы): Енька, Енько, Еньками, Еньков.

Об избыточности Word'овского подсловаря имён собственных и о перегруженности внутренних системных словарей текстового редактора малоупотребительными словоформами, не способствующими выявлению ошибок и опечаток, мы писали в нескольких работах, например в статье [8. С. 472].

Фёдор Достоевский (1821–1881), как и Лев Толстой, был почётным членом ОЛРС при Московском университете.

Приведём фрагменты фраз из его сравнительно скромного стихотворного наследия, в которых текстовый редактор Word 2016 подчёркивает красным не опознанные им словоформы.

...Разлил недуг в народе полуумном, в мерзительном алкании богатств! («На европейские события в 1854 году» [3. С. 95]). Слово алкание подчёркивается как ненайденное, но оно имеется в словаре [7]. На основании сообщения-подсказки (один из вариантов – обязательная попытка разбиения пробелом «мерзите льном») мы можем убедиться в том, что в Word'овском системном словаре содержится низкочастотный глагол *мерзить* (с его формами, например: «мерзя», «мерзящий», «мерзивший»).

...Озлащена любви божественным лучом... («На первое июля 1855 года» [3. С. 97]). В словаре [7] озлатить представлено с пояснением «устар., в поэзии». Разработчики Word'a не стали вносить этот глагол в свой системный словарь, как мы видим по его подчёркиванию красной волнистой линией, тем более что его нет в словаре Зализняка, положенного в основу «Орфо», а затем и Word'a.

Сергей Соловьёв (1885–1942) окончил историко-филологический факультет Московского университета.

И не страшен путь далекий: сон любимца осеня, с тверди, звездной и высокой, блещет девы синеокой лучезарная броня. («Телемак» [2. С. 291]). Программа-подсказка текстового редактора Word 2016 в перечне вариантов исправления нормативного деепричастия прош. вр. *осенив* не предлагает.

Неужель я не тотъ же робкій мальчикъ... («Улыбка прошлого» [2. С. 283]). Кроме нормативного *неужели*, подсказка выдаёт еще и сомнительное разбиение пробелом «не ужель». Здесь мы видим, что стихотворение воспроизводится в **старой орфографии**.

Н.Н. Перцова в предисловии «От редактора» к 5-й книге антологии поясняет: «Мы стремимся бережно относиться не только к биографическим сведениям, но и к поэтическим текстам. Поэтому все они приводятся в аутентичном виде, наша редакторская правка (минимальная) даётся в угловых скобках. Отметим, что некоторые поэты продолжали пользоваться старой орфографией и после реформы 1918 года <...>» [2. С. 6]. Далее в статье приводятся примеры: «Современная словоформа *миром* в старой орфографии соотносится с тремя: это может быть либо *мвромъ* 'ароматическим

веществом’, либо *міромъ* ‘вселенной’, либо *миромъ* ‘тишиной, покоем’. Подобных омонимичных форм, возникших в результате замены букв, можно привести много.

Модернизация форм местоимений и прилагательных порой просто разрушает стих. Приведем два примера.

О нѣжномъ лицѣ

Ея,

О камнѣ въ кольцѣ

Ея,

О низкомъ крыльцѣ

Ея,

Пѣсня моя.

(Т. Чурилин);

Эти ткани голубыя

Наблюдаемъ только голубь и я.

(В. Хлебников).

Некорректность замены местоименной формы *ея* на *ее* в первом стихотворном отрывке и формы прилагательного *голубыя* на *голубые* во втором очевидна» [Там же. С. 7]. Можно привести нетривиальный пример употребления буквы Ъ в старой орфографии: слова «подъарочный» и *подарочный* на письме различались.

Приведём в качестве аргументации ещё одну цитату. Н.В. Перцов заключает своё исследование о старинной орфографии такими словами: «Вывод из сказанного ясен: аутентичная передача текста предполагает сохранение его графики и правописания – в частности в изданиях академического типа. Серьезное академическое издание классического литературного текста должно быть ориентировано на читателя-специалиста, во всяком случае, на такого читателя, который заинтересован в постижении не только “плана содержания”, но и “плана выражения” текста. В таком издании не текст нужно приближать к читателю, а читателя к тексту – к его языку, его графике и правописанию» [9. С. 54].

Теперь обратимся к творчеству авторов, живших не только в первой, но и во второй половине XX в. Отрывки из стихотворений

взяты с их страничек на сайте «Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до...»¹.

Предварим наши примеры цитатой: «Стиховедами давно замечено, что стих фонетически плотнее, чем проза: в нем слова короче, и в равный слоговой объем их помещается больше» [10. С. 42]. В наших примерах подчёркиваемые Word'ом слова часто действительно короче по написанию или произношению их нормативных аналогов – за исключением разве что некоторых словоформ, считающихся в современном языке просторечными.

Борис Пастернак (1890–1960).

...И чем случайней, тем вернее *слагаются стихи навзрыд*. Форму случайнее Word 2016 тоже подчёркивает красным как неопознанную, хотя грамматический словарь Зализняка подразумевает оба эти варианта сравнительной степени для прилагательных того класса, к которому относится слово *случайный* [6. С. 58].

Тревожный ветр ночей... В словаре [7] к слову ветр дано примечание «устар., книжн. и поэт. формы им. и вин. п. слова вѣтер».

...*Роскошь крошёной ромашки в росе...* Первым вариантом программа-подсказка выдаёт форму через букву «е», в словаре [7] – тоже *крóшенный*.

...*Ничком упав в овсы с мольбой: исполнься...* Нормативную форму императива *исполнись* Word'овская подсказка не приводит.

Вдруг – что за новая, право, причуда: сутолка, кумушек пере-суды... Однако в другом стихотворении Пастернака – нормативный вариант подчёркиваемого Word'ом слова: *Вокзальная сутолока не про нас*. Есть тенденция произношения и написания слов *сутолока, проволока, притолока, проволока, судорога, напоротник* без «лишнего» звука и буквы «о». Подсказка для этого примера выдаёт словарное *сутолока* и словоформу «столку» (от глагола *столочь*).

Не плачь, не мориць опухших губ... Опять редуцирование. Подсказка рекомендует исправление *морици* (третьим вариантом). Од-

¹ Раздел «Поэты и поэзия». URL: <http://www.poesis.ru/poeti-poezia/poeti-poezia.html>.

нако в словаре Зализняка помета при глаголе *мори́ть* допускает обе формы повелительного наклонения [6. С. 102].

Кому-нибудь не спится в прекрасном далеке на крытом черепицей старинном чердаке. Довольно часто в поэзии встречается слово *далёко* (*далеко*) в функции существительного², но Word 2016 этого, как мы видим, не учитывает.

Николай Заболоцкий (1903–1958).

В его глазах одревенелых четырёхгранный вьётся итык. Word'овская подсказка предлагает нормативное *одревенелых*, но это утяжелило бы звучание стиха, добавив лишний слог.

Вот в щели каменные плит мышинные просунулись лица... Подсказка выдаёт не только нормативную в современном русском языке форму *просунулись*, но и разбиение «просуну лися», в котором система сама же и находит ошибку: подчёркивает синим слово перед дееспричастием от низкочастотного глагола «лисить» и предлагает вставить запятую.

Практически всегда Word 2016 в подсказке предлагает вариант разбиения слова пробелом (если находит получающиеся словоформы в своих внутренних системных словарях), не заботясь о согласованности в выдаваемом пользователю словосочетании.

Михаил Светлов (1903–1964).

Скажи мне, Украйна, не в этой ли ржи Тараса Шевченко папаха лежит? Кроме разных падежей слова *Украина*, программа-подсказка выдала ещё и фамилию *Куракина*. (Нередко при перестановке и подстановке разных букв получаются довольно неожиданные варианты исправления неопознанного слова.)

Девушка моего наречья, по-вечернему тиха и смугла, приходила ко мне под вечер... Мы видим, что слово *наречье* (в отличие от слова *создание*), как и полногласная форма *наречие*, включено во внутренний системный словарь Word'a. Но для дефисного образования «*по-вечернему*» программа-подсказка рекомендует следующие варианты замены: «*по-весеннему*», «*по-чёрному*» и «*по-черному*».

² Ср.: «Слышу голос из прекрасного далёка». В тексте песни на слова Ю. Энтина эта форма тоже подчёркивается Word'ом как неопознанная.

Александр Межиров (1923–2009).

А он не спит ночами, уставаясь тяжело печальными очами в морозное стекло. Подсказка вместо нормативного «установившись» выдаёт среди вариантов только одно деепричастие «уставаясь». Однако в цитируемых в настоящей статье словарях сомнительный глагол «установаться», внесённый, как мы видим, в Вордковский системный словарь, отсутствует.

...Что буду год от года честней и чище я, лишь вытрясть из карманов обманные слова. Довольно часто в поэтических текстах «лишний» слог на конце глаголов редуцируется.

Не слишком людно вроде, но нет местов. Здесь стилизация под просторечие. Но программа-подсказка форму «мест» не предлагает.

Кайфующая неомолодёжь – коллеги, второгодники-плейбои, в джинсовое одеты, в голубое, хотя повыврастали из одёж... Word 2016 подчёркивает красным только неологизм «неомолодёжь» («одеж» пропускается), а подсказка первым вариантом рекомендуемого исправления выдаёт разбиение «Нео молодёжь». Слово «нео» со строчной буквы тоже подчеркивается как неопознанное. То есть можно заключить, что «Нео» содержится в системном словаре имён собственных. Оказывается, как написано в Википедии, Нео (англ. Neo) – главный герой фильма «Матрица».

Валентин Берестов (1928–1998).

...И видишь в ней уже заране нездешний разум, вземной. (Вспоминается строчка из пушкинского «Евгения Онегина»: «Девчонки прыгают заране...».)

Я – облако в сравненьи со скалою. Подсказка первым вариантом предлагает нормативную форму *сравненье*, которая совпадает с именительным падежом. Правило современного правописания слов на «-ье» большинством пишущих (по нашим наблюдениям) не соблюдается. В оправдание этого отклонения от нормы приведём отрывок из § 71 академического справочника: «**Примечание.** В художественной, особенно поэтической, речи допускается написание форм предл. п. существительных сред. рода на -ье (обычно при предлоге *в*) с окончанием -и, напр.: *В молчаньи шел один ты с мыслю великой* (П.); *Подвиг есть и в сраженьи, / Подвиг есть и в борьбе. / Высший подвиг – в*

терпены, / В любви и мольбе. (Хом.); И снег соперничал в усердьи / С сумерничающею смертью (Б. Паст.); «В очарованьи» (название стихотворения И. Северянина); Птицы кричат в поднебесьи, / Сердце стучит в подреберьи (В. Долина)» [11. С. 77].

Заметим также по поводу вышеприведённой строки из стихотворения Берестова, что тире после личных местоимений в поэтических текстах тоже иногда ставится без оглядки на правила грамматики [Там же. С. 208].

Николай Шатров (1929–1977).

...Отверзни слух свой, смотри и слушай... Устаревший глагол «отверзнуть» в цитируемых нами двух словарях отсутствует. Программа-подсказка выдаёт императив *отверзи* от глагола *отверзь*.

...Новый вид производства огня – высеканьем без помощи тренья. Полнозвучная форма утяжелила бы поэтическую речь. (Однако пропускаемого Word'ом без замечаний слова «тренье» в словаре [7] тоже нет, как и формы «высеканье».)

Я странствую сквозь состоянья: то блудодей, то чародей... Неологизм создан по той же схеме, что и словарное *чародей*.

Я не хочу лишь чудом случая раскрыться для миллионов глаз. Здесь у Word'овской подсказки словоформа «миллионов» – не первая в списке вариантов исправления.

Словно реактивным звездолётом прободён воздушный океан. Программа-подсказка выдаёт краткое причастие *прободан* от глагола *прободать*.

Михаил Гаспаров (1935–2005).

Грызня вслепую и игра закрытую ломают власть, как ржавую ковригу. Наречие, отсутствующее в словаре [7], создано по той же схеме, что и нормативное *вслепую* в этом примере.

Отсловословие старое и новое, дождемся ночи, вспомним время оно... Подсказка предлагает отделить пробелом приставку «от», превратив её в предлог перед деепричастием (*sic!*). После такого сомнительного «исправления» фраза пропускается без замечаний.

Вадим Богословский (1937–2016).

И грудь, поблёкшая, как бледная лилея, воспетая в классических стихах... В словаре [7] к существительному «лилея» дано пояснение «устар. поэт. к лилия».

Ему, сумняшеся ничтоже, готовы мы отдать сердца. Но и в более устоявшемся варианте этого фразеологизма «ничтоже сумняшеся» второй член, в отличие от «ничтоже», тоже подчёркивается красным. О неоднозначной реакции системы MS Word на различные фразеологические обороты см., например, [12. С. 52].

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что текстовый редактор Microsoft Word 2016 не всегда учитывает некоторые особенности лексики и орфографии в поэтических произведениях, даже если они особо отмечены в академических словарях и справочниках.

Справедливости ради следует заметить, что многие огрехи системы MS Word, о которых мы и другие пользователи Интернета писали, в последнее время уже устранены, но к наполнению внутреннего русского системного словаря, а также к рекомендациям программы-подсказки этого автокорректора по-прежнему остаётся много вопросов.

В заключение приведём цитату из статьи А.В. Рафаевой: «Для дальнейшего анализа поэтического корпуса необходимо установить следующее: есть ли какие-то важные отличия между поэзией авторов, представленных на сайте “Поэзия Московского университета...”, и общим поэтическим наследием соответствующего времени» [13. С. 226]. Это наша задача на будущее.

Литература

1. Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до... Книга 1: от Михаила Ломоносова (род. 1790) до Николая Цертелёва (род. 1790), включая Михаила Хераскова, Ипполита Богдановича, Дениса Фонвизина, Александра Радищева, Михаила Муравьёва, Николая Карамзина, Василия Жуковского, Николая Гнедича. М. : Водолей Publishers, 2005. 432 с.

2. Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до... Книга 5: от Андрея Белого до Павла Флоренского, включая Ивана Ильина, Владимира Нилендера, Михаила Осоргина, Бориса Садовского, Сергея Соловьева, Тихона Чурилина. М. : НИВЦ МГУ – Бослен, 2010. 400 с.
3. Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до... Книга 8: от Александра Герцена до Алексея Ремизова, включая Федора Буслаева, Федора Достоевского, Михаила Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого, Епископа Арсения, Михаила Гершензона. М. : НИВЦ МГУ – Бослен, 2016. 448 с.
4. Витковский Е.В. «...А чей он сын, в том нет нужды» // Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до... Книга 1: от Михаила Ломоносова до Николая Цертелева. М. : Водолей Publishers, 2005. С. 4–12.
5. Найдич Э. «Из пламя и света рожденное слово...» // Найдич Э. Этюды о Лермонтове. СПб. : Худож. лит., 1994. С. 156–163.
6. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 110 000 слов. 4-е изд., испр. и доп. М. : Русские словари, 2003. 800 с.
7. Русский орфографический словарь: ок. 200 000 слов / под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. 4-е изд., испр. и доп. М. : АСТ-Пресс книга, 2015. 896 с.
8. Лавошникова Э.К. Microsoft Word и причины пропуска ошибок // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2015. Т. 1, № 11. С. 471–476.
9. Перцов Н.В. О соотношении письменной и устной форм поэтического языка (К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания) // Вопросы языкознания. 2008. № 2. С. 30–56.
10. Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Односложные слова в стихе: ритм и части речи // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1 (5). С. 35–51.
11. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М. : Эксмо, 2007. 480 с.
12. Лавошникова Э.К. MS Word 2016 и фразеологические обороты // Филология и лингвистика. 2017. № 1 (5). С. 52–54.
13. Рафаева А.В. Концепция и перспективы сайта «Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до...» // Информатика: проблемы, методология, технологии : материалы XVI Междунар. метод. конф. 2016. С. 224–227.

VARIABILITY IN GRAMMAR OF POETIC TEXTS AND THEIR COMPUTER CORRECTION (ON THE MATERIAL OF THE ANTHOLOGY *POETRY OF MOSCOW UNIVERSITY: FROM LOMONOSOV TO...*)

Tekst. Kniga. Knigoidanie – Text. Book. Publishing, 2017, 14, pp. 108–122.

DOI: 10.17223/23062061/14/7

Lavoshnikova Elina K. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).
Elina K. Lavoshnikova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

Keywords: poetic texts, Speller, computer spell check, old spelling, grammatical options.

It is widely known that the Russian poetry of the 19th and even the 20th century is rich with neologisms, as well as deviations from contemporary grammar rules.

The aim of this study was to evaluate the performance of Microsoft® Word 2016 Spell Check by processing poetic works posted on the website “Poetry of Moscow University: from Lomonosov to . . .” and in books of the same anthology. This book series started with Volume 1 *From Mikhail Lomonosov to Nikolay Tsertelev* published on the occasion of the 250th anniversary of Moscow State University by Vodoley Publishers with an introductory article of the publisher (E. V. Vitkovsky).

Numerous quotations from poems written in the 19th–20th centuries exemplify particular lexical and grammatical features dictated by the practices of versification.

An attempt is made to identify and explain the response of MS Word, not always proper, to neologisms and deviations from norms of modern grammar of Russian in poetic lines.

The Word Spell Check does not always properly react to neologisms and other deviations from the modern grammar norms of the Russian language: this reaction is analyzed in the article. So, the author tested it on quotations from poems by Nikolay Karamzin, Vasily Zhukovsky, Mikhail Saltykov-Shchedrin, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoevsky, as well as by some authors who composed verses in the 20th century. The latter studied and / or worked at Moscow State University: Sergey Solovyov, Boris Pasternak, Nikolay Zabolotsky, Mikhail Svetlov, Aleksandr Mezhirov, Valentin Berestov, Nikolay Shatrov, Mikhail Gasparov, Vadim Bogoslovsky. All the poems were taken from *www.poesis.ru*.

In this poetry, it was quite common to discard an “excessive” syllable for harmonization purposes, so that two vowels merged into one syllable. Alternatively, the number of syllables sometimes was artificially increased to keep the proper metre. The resulting word forms often could not be recognized by the spell check since they are not present in the system dictionary.

The MS Word Spell Check hints for correction of highlighted words are not always adequate in case the checked word deviates from the prescriptive form by several letters. A typical mistake of the suggested replacement is separation of a long word into a couple of shorter words without concord. Moreover, suggestions often contain low-frequency words or proper nouns, which litter system dictionaries and prevent from finding typos and spelling errors.

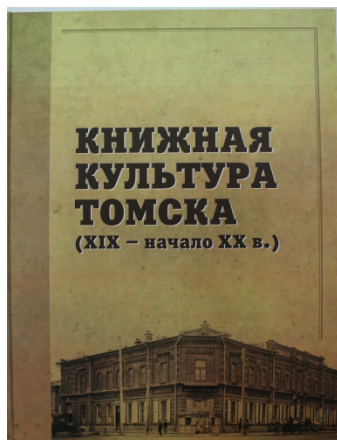
As exemplified above, Microsoft® Word 2016 Spell Check (as well as its previous versions) does not always recognize the specifics of poetic lexis, which are noted in general purpose dictionaries and grammar references. The author acknowledges that many flaws and gaps addressed to in previous articles or reported by internet users have been eliminated in recent MS Word versions. Nevertheless, there are still many questions to the quality of the Russian language dictionary and the spell check hints used in this text editor.

References

1. Voropaeva, G. (ed.) (2005) *Poeziya Moskovskogo universiteta: ot Lomonosova i do ...* [Moscow University Poetry: from Lomonosov to ...]. Book 1. Moscow: Vodoley.
2. Pertsova, N.N. (ed.) (2010) *Poeziya Moskovskogo universiteta: ot Lomonosova i do ...* [Moscow University Poetry: from Lomonosov to ...]. Book 5. Moscow: NIVTs MGU – Boslen.
3. Pertsova, N.N. (ed.) (2016) *Poeziya Moskovskogo universiteta: ot Lomonosova i do ...* [Moscow University Poetry: from Lomonosov to ...]. Book 8. Moscow: NIVTs MGU – Boslen.
4. Vitkovskiy, E.V. (2005) “. . . A chey on syn, v tom net nuzhdy” [“. . . Whose son he is, there is no need to care”]. In: Voropaeva, G. (ed.) (2005) *Poeziya Moskovskogo universiteta: ot Lomonosova i do ...* [Moscow University Poetry: from Lomonosov to ...]. Book 1. Moscow: Vodoley. pp. 4–12.
5. Naydich, E. (1994) *Etyudy o Lermontove* [Essays about Lermontov]. St. Petersburg: Khudozh. lit. pp. 156–163.
6. Zaliznyak, A.A. (2003) *Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka: Slovoizmenenie* [Grammatical Dictionary of the Russian Language: Inflections]. 4th ed. Moscow: Russkie slovari.
7. Lopatin, V.V. & Ivanova, O.E. (eds) (2015) *Russkiy orfograficheskiy slovar'* [Russian Spelling Dictionary]. 4th ed. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
8. Lavoshnikova, E.K. (2015) Microsoft Word i prichiny propuska oshibok [Microsoft Word and the reasons for missing errors]. *Sovremennye informatsionnye tekhnologii i IT-obrazovanie – Modern Information Technologies and IT-Education*. 1(11). pp. 471–476.
9. Pertsov, N.V. (2008) O sootnoshenii pis'mennoy i ustnoy form poeticheskogo yazyka (K voprosu o funktsional'noy nagruzhennosti starogo russkogo pravopisaniya) [On the relationship between written and oral forms of poetic language (On the question of the functional loading of the old Russian spelling)]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the study of language*. 2. pp. 30–56.
10. Gasparov, M.L. & Skulacheva, T.V. (2003) Odnoslozhnye slova v stikhe: ritm i chasti rechi [Monosyllabic words in verse: Rhythm and parts of speech]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 1(5). pp. 35–51.
11. Lopatin, V.V. (2007) *Pravila russkoy orfografii i punktuatsii. Polnyy akademicheskii spravochnik* [Rules of Russian Spelling and Punctuation. Complete Academic Reference Book]. Moscow: Eksmo.
12. Lavoshnikova, E.K. (2017) MS Word 2016 i frazeologicheskie oboroty [MS Word 2016 and phraseological turns]. *Filologiya i lingvistika*. 1(5). pp. 52–54.
13. Rafaeva, A.V. (2016) [The concept and perspectives of the site “Moscow University Poetry: from Lomonosov to ...”]. *Informatika: problemy, metodologiya, tekhnologii* [Informatics: Problems, Methodology, technologies]. Proc. of the 16th International Conference. pp. 224–227. (In Russian).

УДК 002.2(571.16)''19/20''
DOI: 10.17223/23062061/14/8

**Рецензия на коллективную
монографию: «Книжная культура
Томска (XIX – начало XX в.)».**
Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014.
416 с. Авторский коллектив:
И.А. Айзикова, Т.Л. Воробьева,
И.Ф. Гнусова, В.А. Есипова,
Е.В. Ивановская, Т.П. Карташова,
Е.А. Макарова

Представлены малоизученные страницы истории книжного дела в Томске и Томской губернии в конце XIX – начале XX в. Рассмотрены история полиграфии и издательского дела, пути распространения книги, история и состав частных книжных собраний, а также роль и функции рукописной книги в региональном репертуаре. Часть материалов впервые вводится в научный оборот.

Для историков, филологов, архивных, музейных и библиотечных работников, книгоиздателей и специалистов в области книжной торговли, а также для всех интересующихся историей культуры Сибири.

История книжного дела в Сибири имеет долгую и богатую летопись изучения. Достаточно упомянуть обширную коллективную монографию «Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока», в которой был подведен итог многолетних комплексных исследований, «Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги 1790–1917 гг.» [1, 2 и др.]. Общепризнано, что Томск являлся одним из крупнейших книгоиздательских центров на территории Сибири; изучению его книжной культуры также был посвящен целый ряд интересных и важных работ [3–17 и др.].

Однако исследований обобщающего характера именно по истории книжной культуры Томска не так много. По разным причинам получилось так, что и в составе «Очерков истории книжной культуры» именно томские материалы не всегда были освещены достаточно полно. Рецензируемая монография «Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.)» (Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 416 с. Авторский коллектив: И.А. Айзикова, Т.Л. Воробьева, И.Ф. Гнусова, В.А. Есипова, Е.В. Ивановская, Т.П. Карташова, Е.А. Макарова) является попыткой восполнить этот пробел.

Исходя из сказанного выше, территориальные рамки, избранные авторами монографии, не вызывают вопросов: это собственно Томск и Томская губерния. Также понятны хронологические рамки: именно в XIX – начале XX в. Томск становится центром книгоиздания и книгораспространения в Сибири. Структура монографии представляется логичной и обоснованной; в ее основе лежит известная схема «жизненного цикла» книги: создание книги – ее распространение – бытование.

Первая глава «Полиграфия и издательское дело в регионе» посвящена процессу издания книги в регионе. В первом параграфе анализируются вопросы цензуры и законодательства о печати, присущие исследуемому периоду, связывая локальные процессы с общероссийскими. Здесь используются интереснейшие материалы Государственного архива Томской области. Для примера выделим лишь рассмотренные в главе дела Гуляевых, Н.Л. Пиглевского и В.С. Павлова, А. Шпунтовича, участники которых возбудили сомнение в своей политической благонадежности, на основании чего им было отказано властями в просьбе об открытии, продаже и т.п. типографии и / или литографии [18. С. 15–20]. Следующий параграф привлекает внимание своими материалами, в том числе и многочисленными архивными, а также взятыми из сибирской периодической печати рубежа XIX–XX вв., и анализом проблем издательского дела Томска и Томской губернии в неменьшей степени. Он посвящен изучению состояния и развития полиграфической техники и организации материально-технического обеспечения производства, что очень важно для понимания логики развития

книгоиздательского процесса в Сибирском регионе и России в целом. В заключении делается справедливый вывод о том, что приведенные в разделе данные не позволяют полностью согласиться с исследователями, ранее высказывавшими мнение о том, что только в 1850-е – начале 1860-х гг. томское книгопечатание стало относительно стабильным, что до конца века большинство типографий были государственными и выпускали только ведомственные издания, что типографская техника была еще достаточно примитивной. «Рубеж XIX–XX вв. показывает мощный рост количества городских типографий и литографий с разными видами собственности, разной мощностью, технической оснащенностью, кадровым составом» [18. С. 74–75]. Третий и четвертый параграфы главы описывают собственно становление издательского дела и репертуар книжной продукции томских издательств. Авторы оговариваются, что сознательно опускают здесь хорошо известные сюжеты (скажем, историю крупнейшей типографии В.В. Михайлова и П.И. Макушина) и фиксируют свое внимание на небольших издательствах (в том числе ведомственных и частных), которые и создавали неповторимый «книжный ландшафт» региона. Особо следует отметить введение в научный оборот данных о типографиях и издательствах, располагавшихся за пределами губернского центра, ряд из которых ранее не был известен исследователям. Здесь также проводится интересная мысль о глубокой связи широчайшего для регионального книгоиздания репертуара с большими полиграфическими возможностями, что, в свою очередь, активно стимулировалось расширением потребностей читательской аудитории университетского города Томска. «Томские книгоиздание и книгопродажа оказывались взаимодополняющими процессами, презентировав город и как полиграфический, и как культурный центр Сибири» [Там же. С. 103].

Вторая глава «Пути распространения книги», являясь логическим продолжением первой, раскрывает вопрос книгораспространения в регионе и состоит из двух параграфов: первый охватывает динамику книготорговли, второй посвящен становлению сети библиотек. Здесь выявляются пути и каналы распространения книги в

Томске и Томской губернии, воссоздается картина продвижения печатной продукции к читателю. Глава построена на малоизвестных или вновь открытых материалах периодики («Сибирский вестник», «Сибирская жизнь», «Сибирские отголоски», «Томский листок» и др.), Государственного архива Томской области (прошения на открытие книжных лавок от ряда томичей, барнаульцев и т.д., прошения от имени крестьян на разрешение торговли в разнос в пределах Томска и Томской губернии и проч.), воспоминаний сибирского просветителя, открывшего первый в Томске книжный магазин и первую в городе публичную библиотеку П.И. Макушина, каталогах книг и учебников Сибирского книжного магазина Михайлова и Макушина. В параграфе о библиотеках подробно рассматриваются Томская народная бесплатная библиотека, которая «на протяжении более чем тридцати лет <...> служила центром культурной жизни Томска», была «самой востребованной и наиболее посещаемой, особенно подрастающим поколением томичей» [18. С. 149]. Далее столь же основательно осмыслен вклад библиотек общественных организаций, учебных заведений, национальных библиотек (Польской, Литовской библиотек, русско-мусульманской библиотеки с читальней) в развитии книгораспространения в Томске и Томской губернии. Пристальное внимание авторов обращается на формирование библиотечных фондов, личность и деятельность библиотекарей.

Особый интерес вызывает третья глава монографии «Частные книжные собрания в Томске». Она продолжает тему библиотек и обращена к исследованию феномена частных общественных библиотек и крупных личных книжных собраний (директора Томского реального училища, краеведа Г.К. Тюменцева, профессора Томского университета Г.Г. Тельберга, домашняя библиотека купца-самоучки Ф.А. Горохова, золотопромышленника И.Д. Асташева, библиотека и кабинет для чтения М.М. Черемных, сына знаменитого колыванского и томского купца М.П. Черемных, и др.). Глава содержит также характеристику ряда старообрядческих библиотек, бытовавших на территории Томской губернии и отложившихся в томских хранилищах (С.В. Левшина (Савватия), первого старооб-

рядческого епископа Сибири, семьи Нифантовых, нарымских крестьян, перебравшихся в скиты, книги Заимочной («Тиуновской») коллекции). Здесь приведены богатейшие и редчайшие материалы Отдела редких книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета и Томского областного краеведческого музея. Кроме того, через описание и анализ книжных собраний авторы стремятся показать различные группы читателей и пути распространения книги в разных социальных средах.

Четвертая глава посвящена проблемам роли и функций рукописной книги в региональном репертуаре и носит одноименное название. Проблема поздней рукописной книги вызывала и вызывает многочисленные дискуссии в профессиональной среде; авторы попытались в настоящей главе показать свой взгляд на некоторые спорные моменты. Ими были рассмотрены такие вопросы, как реконструкция читательских интересов томичей по материалам рукописной книги, проблемы формирования авторского корпуса в регионе, а также соотношение рукописи и малой полиграфии на материалах Томской губернии. Глава также блистает уникальными материалами называвшихся выше хранилищ и их глубоким профессиональным анализом.

В заключении авторы монографии, подводя итоги изучения книжной культуры Томска XIX – начала XX в., подтверждают факт, что во второй половине XIX столетия в Сибири формируется «культурное гнездо» с центром в Томске, а в начале XX в. Томск становится лидером издательско-полиграфической сферы. Развитое книгоиздание, полиграфия, принятые в исследовательское внимание вместе с книгораспространением, библиотечной сетью, наличием оформившегося авторского корпуса, превращали Томск в культурный центр Сибири. Вместе с тем авторы отмечают, что использование инструментария концепта «культурных гнезд» позволяет говорить не об отставании провинции от центра в развитии книжного дела, а о его неравномерном развитии в различных регионах страны. Опора на отмечавшиеся выше источники позволяет считать сделанные авторами монографии выводы достоверными и обоснованными.

В целом рецензируемая монография представляет собой удачный пример комплексного междисциплинарного исследования по истории книжной культуры. В ней впервые введены в научный оборот многочисленные неизвестные ранее факты и документы. Монография восполняет имевшиеся ранее пробелы в книговедческих знаниях о регионе и, несомненно, будет востребована как в профессиональном сообществе, так и в среде всех интересующихся историей и культурой Сибири.

Литература

1. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2000–2006. Т. 1–5.
2. Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги 1790–1917 гг. Новосибирск, 2004–2005. Т. 1–3.
3. Баторов В.В. У истоков книжного дела в Томске (1819–1876 гг.) // Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири. Новосибирск, 1969. С. 27–35.
4. Дмитриенко Н.М. Типографии старого Томска (первая половина XIX – начало XX в.) // Вторые Макушинские чтения. Томск, 1991. С. 29–32.
5. Дмитриенко Н.М. Сибирское товарищество печатного дела // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. Краеведение. Этнология. Археология. 2005. Сент. № 288. С. 134–137.
6. Бойко В.П. Условия предпринимательской деятельности П.И. Макушина // Вторые Макушинские чтения (23–24 мая 1991 г., г. Томск). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 4–6.
7. Томск от А до Я: краткая энциклопедия города / ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. 438 с.
8. Энциклопедия Томской области : в 2 т. / редкол.: Г.В. Майер (пред.) и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008–2009. Т. 1, 2.
9. Бахтина О.Н. Старопечатные книги Томского историко-архитектурного музея: Каталог. Новосибирск, 1996. 177 с.
10. Айзикова И.А. Место учебных изданий в репертуаре книжной продукции томских издательств конца XIX в. (на материале библиотеки Г.К. Тюменцева) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2013. № 4. С. 42–54.
11. Айзикова И.А. Художественная литература в книжной коллекции Г.К. Тюменцева (статья первая, вторая) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 1 (10). С. 68–116.
12. Жиякова Н.В. Особенности первых студенческих изданий Сибири (на примере газетно-журнальных проектов Томска начала XX века) // Вестник Ново-

сибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2012. Т. 11, № 6. С. 5–10.

13. Жилякова Н.В. Издания для детей в дореволюционной Томской губернии: замыслы и журнал «Материнская школа» (1912 год) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2013. № 1 (11). С. 95–101.

14. Карташова Т.П. П.И. Макушин. Новые документы // Десятые Макушинские чтения : материалы науч. конф. 12–14 мая 2015 года, г. Томск. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2015. С. 13–18.

15. Карташова Т.П. Павленковские библиотеки в Томской губернии (по материалам архива П.И. Макушина) // Книжное дело в России в XIX – начале XX века : сб. науч. тр. СПб., 2016. Вып. 18. С. 242–252.

16. Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: Каталог. Вып. 3: XIX в., первая половина / сост. В.А. Есипова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. 690 с., ил.

17. Есипова В.А., Яковлев Я.А. История одной крестьянской семьи и старообрядческие рукописи конца XX в.: из недавних поступлений в Научную библиотеку Томского университета // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 4 (10). С. 69–98.

18. Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 15–19.

И.В. Лизунова

BOOK REVIEW: AYZIKOVA, I.A. ET AL. (2014) *KNIZHNAYA KUL'TURA TOMSKA (XIX – NACHALO XX V.)* [THE BOOK CULTURE OF TOMSK (THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)]. TOMSK: TOMSK STATE UNIVERSITY. *Tekst. Kniga. Knigoidanie – Text. Book. Publishing*, 2017, 14, pp. 123–131. DOI: 10.17223/23062061/13/8

Irina V. Lizunova, State Public Scientific Technological Library, SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: irinaliz301068@yandex.ru

References

1. Volkov, V.N. (ed.) (2000–2006) *Ocherki istorii knizhnoy kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Essays on the History of Book Culture in Siberia and the Far East]. Vol. 1–5. Novosibirsk: SB RAS.

2. Pavlova, R.E. (2004–2005) *Svodnyy katalog sibirskoy i dal'nevostochnoy knigi 1790–1917 gg.* [The Joint Catalog of the Siberian and Far Eastern Books of 1790–1917]. Vol. 1–3. Novosibirsk: SB RAS.

3. Batorov, V.V. (1969) U istokov knizhnogo dela v Tomske (1819–1876 gg.) [At the origins of book business in Tomsk (1819–1876)]. In: Kartashov, N.S. et al. (eds) *Iz istorii knigi, bibliotechnogo dela i bibliografii v Sibiri* [From the History of the Book, Librarianship and Bibliography in Siberia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 27–35.

4. Dmitrienko, N.M. (1991) Tipografii starogo Tomsk (pervaya polovina XIX – nachalo XX v.) [Typographies of the old Tomsk (early 19th – early 20th centuries)]. In: Alekseev, V.N. et al. (eds) *Vtorye Makushinskie chteniya* [Second Makushin Readings]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 29–32.
5. Dmitrienko, N.M. (2005) Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela [Siberian Association of Publishers]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Ser. Istoriya. Kraevedenie. Etnologiya. Arkheologiya*. 288. pp. 134–137.
6. Boyko, V.P. (1991) Usloviya predprinimatel'skoy deyatel'nosti P.I. Makushina [Terms of P.I. Makushin's entrepreneurial activity]. In: Alekseev, V.N. et al. (eds) *Vtorye Makushinskie chteniya* [Second Makushin Readings]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 4–6.
7. Dmitrienko, N.M. (ed.) (2004) *Tomsk ot A do Ya: krat. entsikl. goroda* [Tomsk from A to Z: A Brief Encyclopedia of the City]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Mayer, G.V. et al. (eds) (2008–2009) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti: v 2 t.* [Encyclopedia of Tomsk Region: In 2 vols]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Bakhtina, O.N. (1996) *Staropechatnye knigi Tomskogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya* [Early printed books in the Tomsk Historical and Architectural Museum]. Novosibirsk: SB RAS.
10. Ayzikova, I.A. (2013) Place of textbooks in the stock of book production by Tomsk publishing houses in late 19th century (by example of the collection of G.K. Tyumentsev). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 4. pp. 42–54. (In Russian).
11. Ayzikova, I.A. (2016) Fiction in the book collection of G.K. Tyumentsev (Article I). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 1(10). pp. 86–116. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/10/6
12. Zhilyakova, N.V. (2012) Osobennosti pervykh studencheskikh izdaniy Sibiri (na primere gazetno-zhurnal'nykh proektov Tomsk nachala XX veka) [First student editions in Siberia (a case study of newspaper and magazine projects in Tomsk in the early 20th century)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 11(6). pp. 5–10.
13. Zhilyakova, N.V. (2013) Izdaniya dlya detey v dorevolutsionnoy Tomskoy gubernii: zamysly i zhurnal “Materinskaya shkola” (1912 god) [Editions for children in the pre-revolutionary Tomsk province: Ideas and the magazine “Mother's School” (1912)]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 1(11). pp. 95–101.
14. Kartashova, T.P. (2015) [P.I. Makushin. New documents]. *Desyatye Makushinskie chteniya* [Tenth Makushin Readings]. Proc. of the Conference. Tomsk – Novosibirsk, May 12–14, 2015. Novosibirsk: SB RAS. pp. 13–18. (In Russian).
15. Kartashova, T.P. (2016) Pavlenkovskie biblioteki v Tomskoy gubernii (po materialam arkhiva P.I. Makushina) [The Pavlenko libraries in Tomsk province (based on the materials of P.I. Makushin's archives)]. In: Ilyina, O. & Patrusheva, N. (eds) *Knizhnoe delo v Rossii v XIX-nachale XX veka* [Book Business in Russia in the 19th – early 20th centuries]. Issue 18. St. Petersburg: Russian National Library. pp. 242–252.

16. Esipova, V.A. (2012) *Slavyano-russkie rukopisi Nauchnoy biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Slavonic-Russian manuscripts in Tomsk State University Research Library: A catalog]. Issue 3. Tomsk: Tomsk State University.

17. Esipova, V.A. & Yakovlev, Ya.A. (2015) The story of one peasant family and Old Believer manuscripts of the late 20th century: Recent acquisitions of rare books and manuscripts department of Tomsk State University Research Library. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 4(10). pp. 69–98. (In Russian).

18. Esipova, V.A. & Vorobieva, T.L. (eds) (2014) *Knizhnaya kul'tura Tomsk (XIX – nachalo XX v.)* [Tomsk Book Culture (the 19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 15–19.

УДК 808.2

DOI: 10.17223/23062061/14/9

И.А. Айзикова, П.Б. Скидан

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНФОГРАФИКИ В ЭЛЕКТРОННЫХ И ПЕЧАТНЫХ ФОРМАХ УЧЕБНИКА ПО ИСТОРИИ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

***Аннотация.** Статья посвящена одной из актуальных и практически не исследованных проблем осмысления инфографики как особой формы представления информации в учебной литературе, в частности ее взаимодействию в печатной и электронной форме данного вида издания. На материале учебников по истории России для 6-го класса, выпущенных издательствами «Просвещение» и «Дрофа» и включенных в ФПУ, выявляются особенности редакторского анализа и редакторской подготовки инфографики в школьном учебнике.*

Ключевые слова: инфографика, электронный и печатный учебник, средства обучения, редакторский анализ.

На протяжении многих веков наглядному представлению информации, выявлению закономерностей в массивах данных способствует инфографика – исторически сложившийся способ визуализации информации. Сегодня инфографика активно используется в рекламе, бизнесе, СМИ, образовании. Она обладает большим потенциалом в современных школьных учебниках, где работа учащегося с иллюстративным материалом выступает одной из основных форм активизации самостоятельной работы с учебной книгой.

По способу взаимодействия с читателем выделяют статичную (изображение), динамическую (видео) и интерактивную инфографику. Большинство инфографики, доступной учащимся школ, представляет собой статичные диаграммы, схемы, карты, так как основу российского образования на данный момент составляют печатные формы учебников. Однако достижения в области мультимедийных технологий и современные требования к построению образовательного процесса не позволяют игнорировать самый эффективный вид инфографики – интерактивную.

Ее существенное отличие от статичной инфографики заключается во взаимодействии пользователя с системой отображения информации и возможности наблюдать ответную реакцию системы. Воздействие пользователя на систему осуществляется с помощью скроллинга (прокручивания содержимого страницы) или кликов по элементам инфографики. Для отображения реакции используются анимация и интерактивные элементы, такие как многоуровневая навигация, управляемые 3D-объекты, интегрированные фото- и видеоматериалы, звуковое сопровождение и др. Для создания интерактивной инфографики дизайнеру необходимы навыки работы с технологиями Flash, JavaScript, HTML 5. Их использование «погружает» читателя в инфографику, активизируя не только визуальный, но и кинестетический канал восприятия; значительно увеличивает ее информационную плотность. Лучшие образцы интерактивной инфографики представляют собой компактный график, на изучение которого можно затратить несколько часов. Однако такая инфографика может быть опубликована только в электронном виде.

Внедрение интерактивной инфографики в образовательный процесс может осуществляться через электронную форму учебника (ЭФУ), наличие которой является обязательным требованием для включения учебника в Федеральный перечень.

Согласно приказу Минобрнауки от 8 декабря 2014 г. № 1559 «О внесении изменений в Порядок формирования федерального перечня учебников...», ЭФУ – электронное издание, соответствующее по структуре, содержанию и художественному оформлению печатной форме учебника, содержащее мультимедийные элементы и интерактивные ссылки, *расширяющие и дополняющие* содержание учебника [1]. Интерактивная инфографика наравне с аудио- и видеофайлами, изображениями, не присутствующими в печатной форме, может быть включена в ЭФУ как элемент, выполняющий две последние функции.

Однако на практике внедрение интерактивной инфографики в образовательный процесс затруднено по следующим причинам. Несмотря на декларируемое приказом Минобрнауки соответствие электронной формы учебника печатной, основу учебного процес-

са, как уже было сказано, составляют учебники в традиционном их понимании. Школы закупают преимущественно бумажные учебники, а приобретение электронной формы остается на личное усмотрение учащихся и их родителей. Издательства в основу ЭФУ кладут оригинал-макет печатного издания, что позволяет им значительно сэкономить на верстке. Тезис о расширяющих и дополняющих функциях ЭФУ, по сравнению с бумажным учебником, на практике довольно часто игнорируется. Еще большей проблемой для издателей и пользователей их продукции оказывается взаимосвязь названных двух форм учебника, восприятие их как единого целого образовательного ресурса.

Обратимся к этой проблеме на материале учебников по истории России для учащихся 6-го класса общеобразовательных учреждений, учитывая специфику содержания учебника по данной дисциплине, которая призвана представить науку о прошлой жизни человечества, изучающую минувшие процессы общественного развития, культуру. Для учебника истории характерно обилие текстов-рассуждений, объясняющих причины и следствия исторических событий, а также описаний объектов культуры, исторических личностей. Высокий уровень абстрагирования этой науки подчеркивают многие исследователи [2. С. 85]. Структура современных учебников истории представляет собой сплошной текст с большим количеством иллюстраций, схем, архивных документов, ссылок на другие источники. Вопросы и задания традиционно размещаются в конце тематических блоков или параграфов.

Из-за ретроспективности истории в процессе ее преподавания сложно обеспечить достаточную наглядность с помощью объектов окружающего нас мира (за исключением сохранившихся памятников культуры), провести эксперимент и т.д. Поэтому согласимся с мнением П.В. Гора, что «наглядность служит опорой глубокого понимания сущности исторических событий и явлений, эффективным способом формирования важнейших исторических понятий и усвоения учениками закономерностей общественного развития» [3. С. 10]. Отметим, что под наглядностью в данном случае понимаются фотографии, муляжи, карты, схемы.

Сложность для иллюстрирования представляют абстрагированные категории (о системе власти, причинах событий). Здесь исследователи отмечают важность применения зрительных моделей наряду с обычными иллюстрациями. Например, А.И. Стражев разделил наглядные средства в обучении истории на три группы:

- подлинные памятники (памятники, места, археологические находки);
- реконструкции памятников, событий – изобразительные наглядные средства (бюсты, макеты, художественно-исторические картины);
- схематические / условно графические материалы.

Интересующие нас схематические материалы, в первую очередь, содействуют формированию отвлеченных исторических понятий и усвоению учениками локальных, причинно-следственных исторических связей, способствуют конкретизации абстрактных исторических знаний. По своей сути именно схематические материалы близки к инфографике, в них сочетаются присущие инфографике принципы содержательности, простоты восприятия и аллегоричности, однако зачастую в учебниках дизайн нуждается в доработке.

Схематические материалы подразделяются на исторические карты, схемы, локальные схематические планы (схема сражения), графики и диаграммы, ленты времени.

Именно эти объекты являются главными в редакторском анализе инфографики, особенности которой в ЭФУ и печатных учебниках по истории в аспекте ее взаимодействия с содержанием были рассмотрены нами на примере изданий для 6-го класса.

В качестве материала для анализа выступили учебники, включенные в ФПУ: «История России. 6 класс» [4], «История России с древнейших времен до конца XVI века. 6 класс» [5] и учебник «История. Россия с древнейших времен до конца XVI века», который был исключен из ФПУ из-за несоответствия новому историко-культурному стандарту, но, на наш взгляд, является ценным примером включения инфографики.

Учебник, вышедший в издательстве «Просвещение» в 2016 г., содержит большое количество цветных изображений преимущественно сюжетного или предметного характера. Инфографика представлена в печатной форме учебника шестью картами. Большинство карт, необходимых для изучения курса, находятся в иллюстрированном атласе, входящем в учебно-методический комплект (УМК) и связанном с учебником вопросами и заданиями. В учебнике карты выполнены в соответствии с требованиями оформления картографических материалов, занимают от $\frac{1}{2}$ зеркала набора до целого разворота.

В ЭФУ представлен оригинал-макет печатной книги. Приложение, разработанное издательством, предназначено для работы на планшете, но может быть установлено и на ПК. Страницы учебника не масштабируются, изображения на них не кликабельны. Для работы с картами необходимо обращаться в другой раздел ЭФУ, чтение которого синхронизируется с чтением оригинал-макета. Имеющиеся в ЭФУ карты представляют собой изображения из учебника, не являются интерактивными, существуют только в двух размерах. Инструментом, расширяющим содержанием ЭФУ, являются блок-схемы, тексты из исторических источников, тесты.

Печатная форма учебника, подготовленного издательством «Дрофа», помимо сюжетных и предметных иллюстраций, содержит карты (10), ленты времени (23) и схемы (8). Карты в учебнике выполнены качественно, но занимают преимущественно небольшую часть полосы, что негативно отражается на их масштабе. В УМК так же входят атласы и контурные карты, однако в учебнике не содержатся отсылки к ним. Ленты времени предваряют каждый параграф и представляют собой желтую стрелку с обозначением дат, рассматриваемых далее. Задания в конце параграфа подразумевают работу с таймлайном. Представленные в учебнике блок-схемы не являются инфографикой.

В основе ЭФУ лежит оригинал-макет этой печатной формы, но измененный в стиле веб-страницы, адаптированный для работы на электронном устройстве. Все графические материалы в этом ЭФУ кликабельны и подлежат масштабированию. Дополнительные

элементы (видео, иллюстрации, 3D-модели объектов) внедрены в полосы учебника или вынесены на поля в качестве активных кнопок. Такое включение дополнительных материалов способствует быстрому доступу ко всем элементам по теме без необходимости переключения между разделами. Однако интерактивной инфографики в ЭФУ не встречается. Кликабельность имеющихся элементов осуществляет только функции масштабирования.

Учебник, подготовленный центром «Сферы» издательства «Просвещение», имел приложение на электронном носителе ещё до включения требования об ЭФУ в критерии экспертизы. Как и в предыдущих примерах, в основе ЭФУ лежит оригинал-макет печатной формы. Обильно иллюстрированные полосы печатного издания кликабельны в электронной версии. Помимо увеличения изображения, имеется возможность прочитать дополнительную информацию по теме параграфа во всплывающем окне. Схемы, присутствующие в печатной форме, в электронной – кликабельны и дают возможность получения дополнительной информации. С помощью инфографики в рассматриваемом учебнике можно, например, совершить экскурсию по русской избе, узнать, как называются части дома или кухонная утварь. В печатном УМК карты вынесены в атлас, к которому есть отсылки в заданиях учебника. В электронном приложении раздел «Атлас» дополнен звуковым сопровождением карт и возможностью задавать условия отображения информации.

Отдельного внимания в рассматриваемом учебнике заслуживает лента времени. В печатной форме она располагается в конце книги, объединяет большой объем информации, понятна и позволяет соотнести отечественную историю с мировой за счет цветовых выделения, подписей и расположения в пространстве разворота. В электронном приложении лента времени вынесена в отдельный раздел. Ее элементы кликабельны: фрагменты, относящиеся к отечественной истории, отправляют читателя в соответствующий раздел учебника, выделяя иллюстративный материал по теме, обозначения событий всемирной истории при нажатии показывают дополнительную информацию во всплывающем окне.

Результаты анализа показали, что обязательное введение электронной формы учебника в требования для включения в ФПУ само по себе не способствует значительному увеличению информационной плотности всего УМК. При этом ускоренная подготовка учебников, соответствующих новому историко-культурному стандарту, негативно отразилась на ЭФУ. Это можно увидеть на примере учебников издательства «Просвещение», имеющего опыт создания интерактивной информационной графики и качественного мультимедийного продукта, но выпустившего новый учебник в упрощенном варианте. Нельзя сказать, что и учебник УМК «Сферы» является образцом в мире ЭФУ истории. Однако издателям учебной литературы важно учесть предложенный опыт расширения и дополнения содержания печатной формы учебника при создании новых продуктов, а также то, что слабым местом во всех проанализированных нами учебниках остается вопрос взаимосвязи разных компонентов ЭФУ, в частности печатной и электронных форм учебников, из-за чего учащиеся, использующие печатную форму, остаются в неведении о содержании дополнительного контента. Прецедентов применения интерактивной инфографики в действующих учебниках истории не обнаружено.

При работе редактора над концепцией печатной и электронной форм учебника необходимо обращать внимание на расширение содержания печатной формы не только средствами контроля, но и элементами, несущими новую информацию. Ими могут выступать аудиовизуальные, интерактивные элементы, основанные на графике из учебника. Такой подход позволяет создать целостное впечатление учащихся об УМК, задействовать их ассоциативное мышление. Применение интерактивной инфографики (особенно в разделах, на изучение которых выделено недостаточно учебных часов) в качестве источника дополнительных сведений позволит стимулировать интерес учащихся к предмету.

Разработка интерактивной инфографики требует более глубокого погружения в предмет отображения, чем создание статичной. В связи с этим редактор должен контролировать процесс на стадиях разработки макета, создания слоев инфографики и переходов

между ними. Текст должен быть предельно доступным и лаконичным, инфографика не должна быть похожа на некачественную видеоигру, а переходы должны быть понятны пользователю. Для выполнения инфографикой стимулирующей функции ее необходимо обеспечить блоком вопросов и заданий.

И в заключение скажем об еще одном важном концептуальном моменте – им является информирование пользователей печатных учебников о возможностях ЭФУ. Использование условных обозначений в печатной форме обязывает читателя приобретать электронную. Однако ссылки на дополнительные материалы в методических рекомендациях к уроку помогут проинформировать о возможностях ЭФУ учителя, который определяет ход учебного процесса и может сделать его более целостным.

Соблюдение предложенных рекомендаций, как нам представляется, позволит говорить о реальном взаимодействии статичной и интерактивной инфографики в школьном учебнике.

Литература

1. О внесении изменений в Порядок формирования федерального перечня учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 5 сентября 2013 г. № 1047 : приказ Минобрнауки России от 8.12.2014 № 1559 // Официальный ресурс Министерства образования и науки Российской Федерации. Электрон. дан. М., 2011–2017. URL: минобрнауки.рф/документы/4983.
2. Петрова Г.И. О наглядности в преподавании общественных наук // Вопросы обучения и воспитания в вузе : тез. докл. к межвуз. науч.-метод. семинару. Томск : [Б. и.], 1988. С. 84–88.
3. Гора П.В. Методические приемы и средства наглядного обучения истории в средней школе. М. : Просвещение, 1971. 239 с.
4. История России. 6 класс : учеб. для общеобразоват. организаций : в 2 ч. / Н.М. Арсентьев, А.А. Данилов, П.С. Стефанович и др. ; под ред. А.В. Торкунова. Электрон. дан. М. : Просвещение, 2016. Ч. 1.
5. История России с древнейших времен до конца XVI века. 6 класс : учеб. / И.Л. Андреев, И.Н. Федоров. Электрон. дан. М. : Дрофа, 2016.
6. История. Россия с древнейших времен до конца XVI века. Электронное приложение к учебнику Данилова А.А. 6 класс. Электрон. дан. М. : Просвещение,

2014. URL: <http://catalog.prosv.ru/attachments/c86abcca-d91d-11e0-acba-001018890642.iso>.

INTERACTION OF INFOGRAPHICS IN ELECTRONIC AND PRINTED HISTORY TEXTBOOKS FOR THE SECONDARY SCHOOL

Tekst. Kniga. Knigoidanie – Text. Book. Publishing, 2017, 14, pp. 132–141.

DOI: 10.17223/23062061/13/9

Irina A. Ayzikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

Polina B. Skidan, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: p.skid@yandex.ru

Keywords: infographics, electronic and printed textbook, teaching aids, editorial analysis.

The essential difference between interactive and non-static infographics is the interaction of the user with the information display system and the ability to observe the response of the system. To display this reaction, animation and interactive elements such as multi-level navigation, managed 3D objects, integrated photo and video materials, sound, etc. are used. To create interactive infographics, the designer needs skills in working with Flash, JavaScript, HTML 5 technologies. The effectiveness of interactive infographics is to activate the visual and kinesthetic channels of perception. In other words, it forces a person to perform some purposeful actions during reading. This greatly facilitates the transfer and assimilation of information. Thanks to scrolling and clicks, the density of interactive information graphics can significantly exceed the value of this indicator for the static one. However, such graphics can be published only in electronic form. Its implementation in the educational process can be carried out through the electronic form of the textbook (EFT), which is a mandatory requirement for the inclusion of the textbook in the Federal List of Textbooks (FLT).

The article discusses one of the urgent and practically unstudied problems of comprehension of infographics as a special form of information representation in the educational literature, in particular, its interaction in the printed and electronic form of this type of edition. On the material of the textbooks on the history of Russia for the 6th grade issued by the publishing houses Prosveshchenie and Drofa and included in the FLT, features of editorial analysis and editorial preparation of infographics in the school textbook are identified.

The results of the analysis showed that the mandatory introduction of the electronic form of the textbook into the requirements for inclusion in the FLT does not as such contribute to a significant increase in the information density of the entire teaching and methodological set. At the same time, rapid preparation of textbooks corresponding to the new historical and cultural standard had a negative effect on the EFT. It can be seen in the textbooks of the publishing house Prosveshchenie that has experience in creating interactive information graphics and high-quality multimedia products, but has published a new textbook in a simplified version. It can not be said that the textbook

Spheres is a model in the world of EFTs on history. Publishers of educational literature should take into account the proposed experience of expanding and supplementing the content of the printed form of the textbook when creating new products, and the fact that the weak point in all the textbooks analyzed is the question of the connection of various components of the EFT, in particular the printed and electronic forms of textbooks, for students who use the printed form of the textbook do not access the additional content.

References

1. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2014) *On Amending the Procedure for the Formation of the Federal List of Textbooks Recommended for Use in the Implementation of Initial General, Basic General and Secondary General Education Programs Accredited by the State, approved by Order No. 1047 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of September 5, 2013: Order No. 1559* Ministry of Education and Science of Russia as of December 8, 2014. [Online] Available from: minobrnauki.rf/dokumenty/4983. (Accessed: 25th January 2017). (In Russian).
2. Petrova, G.I. (1988) O naglyadnosti v prepodavanii obshchestvennykh nauk [On visual aids in teaching social sciences]. *Voprosy obucheniya i vospitaniya v vuzе* [Issues of teaching and educating in a university]. Proc. of the Seminar. Tomsk: [s. n.]. pp. 84–88. (In Russian).
3. Gora, P.V. (1971) *Metodicheskie priemy i sredstva naglyadnogo obucheniya istorii v sredney shkole* [Methods and visual aids in high school history teaching]. Moscow: Prosveshchenie.
4. Arsentiev, N.M., Danilov, A.A., Stefanovich, P.S. et al. (2016) *Istoriya Rossii. 6 klass* [History of Russia. 6th Grade]. Moscow: Prosveshchenie.
5. Andreev, I.L. & Fedorov, I.N. (2016) *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa XVI veka. 6 klass* [History of Russia from Ancient Times to the Late 16th Century. 6th Grade]. Moscow: Drofa.
6. Danilov, A.A. (2014) *Istoriya. Rossiya s drevneyshikh vremen do kontsa XVI veka. Elektronnoe prilozhenie k uchebniku 6 klass* [History. Russia from Ancient Times to the Late 16th Century. Electronic supplement to the textbook by A.A. Danilov. 6th Grade]. Moscow: Prosveshchenie. [Online] Available from: <http://catalog.prosv.ru/attachments/c86abcca-d91d-11e0-acba-001018890642.iso>. (Accessed: 25th January 2017).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айзикова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: wand2004@mail.ru

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета.

E-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Дувакина Владислава Николаевна – аспирант, кафедра общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: vladamet@mail.ru

Жилякова Наталия Вениаминовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики журналистики Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: retama@yandex.ru

Козлов Алексей Евгеньевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета.

E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

Кубасов Александр Васильевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения лиц с ОВЗ Уральского государственного педагогического университета.

E-mail: kubas2002@mail.ru

Лавошников Элина Константиновна – ведущий программист, литературный редактор журнала «Вычислительные методы и программирование: Новые вычислительные технологии» (из Перечня ВАК); Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Научно-исследовательский вычислительный центр.

E-mail: el.lavoshnikova@yandex.ru

Лизунова Ирина Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН.

E-mail: irinaliz301068@yandex.ru

Назарова Светлана Юрьевна – ведущий библиограф Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: publication@mail.tsu.ru

Нисова Мария Викторовна – соискатель факультета журналистики Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: newspaper_2401@mail.ru

Нургалиева Анастасия Фагимовна – сотрудник Отдела редких книжных памятников Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: virtr@list.ru

Ромашина Екатерина Юрьевна – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета искусств, социальных и гуманитарных наук Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого.

E-mail: katerinro@yandex.ru

Семириков Андрей Борисович – библиограф Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: rozanoff@lib.tsu.ru

Скидан Полина Борисовна – магистрант Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: p.skid@yandex.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

- 1) инициалы и фамилия автора;
- 2) название статьи (строчными буквами, например: Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»);
- 3) её краткая аннотация (500 знаков), которая выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;
- 4) ключевые слова (3–5).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 1,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 25]. При повторном обращении к одному и тому же источнику в пределах страницы ссылка оформляется следующим образом: [Там же. С. 100] – если источник на русском языке, или [Ibid. P./S. 100] – если на английском/немецком. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Литература» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо приводить только один источник. Обязательно указание количества страниц в используемых источниках.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке литературы должен быть соотнесён с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник. Примеры оформления можно посмотреть на сайте журнала (<http://vestnik.tsu.ru/book/>) в разделе «Архив».

Двумя отдельными файлами (а также в виде распечаток) обязательно предоставляются:

1. Англоязычный блок:

- английский вариант инициалов и фамилии автора;
- перевод названия своей организации;
- перевод названия статьи (например: Ideological context of "Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812");

– автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

– перевод ключевых слов на английский язык.

2. Сведения об авторе по форме:

– фамилия, имя, отчество (полностью);

– учёная степень, учёное звание;

– должность и место работы / учёбы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например: **Киселев Виталий Сергеевич** – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: kv-uliss@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

– Ф.И.О., должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);

– специальность (название и номер по классификации ВАК);

– телефоны (рабочий, сотовый).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет учёной степени).

Всего оформляется и подаётся три электронных и бумажных документа:

1) текст статьи с аннотацией на русском языке;

2) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации; перевод названия статьи и ключевых слов; автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

3) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторы должны представить в редакцию заполненный бланк, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение её в Интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой работает или обучается автор. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Статьи принимаются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), филологический факультет, редакция журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», Воробьевой Татьяне Леонидовне¹.

Электронные версии материалов обязательно размещаются в «личном кабинете» автора на сайте журнала <http://vestnik.tsu.ru/book/>

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение её состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.).

¹ По желанию автора бумажные варианты могут быть заменены сканированными PDF-файлами и представлены в редакцию в отдельной заархивированной папке посредством прикрепления на сайте параллельно с электронными вариантами материалов.

Научно-практический журнал

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

2017. № 14

Редактор Ю.П. Готфрид
Корректор Н.А. Афанасьева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелююр

Подписано в печать 28.08.2017 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Печ. л. 9,1; усл. печ. л. 8,5.

Тираж 500 экз. Заказ № 2626. Цена свободная

Дата выхода в свет 07.09.2017 г.

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru